Проверено 1964 г.

- - МАЙ 2008

ПРОВЕРЕНО
2000 г.

2467

ВРЕМЕННИКЪ

ДЕМИДОВСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО

ЛИЦЕЯ.

книга сорокъ седьмая.

Императорскаго
Юридическій кабинетъ
С.-Петербургск. Университета.

Ярославль.
Типо-Литографія Г. В. Фалькъ въ Ярославлѣ.
1888.

Печатано по опредѣленію Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.
Директоръ *С. Шпилевскій.*

ОГЛАВЛЕНІЕ

сорокъ седьмой книги Временника Лицея.

Журналы Совѣта Лицея засѣданій 18 и 31 августа, 16 сентября, 14 октября, 11 и 29 ноября и 9 декабря 1887 года, съ приложеніями . . . . . 1—71

Отчетъ Правленія Попечительства о недостаточныхъ студентахъ Лицея за $188^{7}/_{8}$ уч. годъ . . . . . 1—16.

Лѣтопись Лицея за $188^{7}/_{8}$ учебный годъ . . . 1—11.

Приложенія къ нему . . I—XXXIX.

Краткій очеркъ науки Административнаго права. Конспектъ лекцій. Ординарнаго профессора *И. Т. Тарасова*. Т. I. (окончаніе) . . . . . 225—386.

Нравственность и право въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Актовая рѣчь *В. Г. Щеглова* . . . . 1—130.

Юридическая библіографія № 8-й . . . . 1—50.

XLVII книга вышла 25 октября 1888 года; въ ней 30 листовъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ЖУРНАЛЫ

Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.

1887 года августа 18-го дня, въ засѣданіи Совѣта, подъ предсѣдательствомъ заслуж. ординарнаго профессора *С. М. Шпилевскаго*, *присутствовали:* ординарный профессоръ *Н. С. Суворовъ*; профессоръ Богословія *А. П. Лавровъ*; испр. долж. экстраординарн. профессора *В. Г. Щегловъ*; приватъ-доценты: *А. Е. Минервинъ* и *А. Ф. Зачинскій*. *Неприсутствовали:* ординарные профессоры: *И. Т. Тарасовъ*, *А. А. Исаевъ* и *Л. С. Бѣлогрицъ-Котляревскій*, исправ. долж. экстраординаго профессора *А. П. Лодыженскій*, испр. долж. доцента *М. А. Липинскій*, приватъ-доценты кн. *Е. Н. Трубецкой* и *В. Ф. Левитскій* по нахожденію въ отпуску и доцентъ *А. Е. Назимовъ* по нахожденію въ командировкѣ.

Слушали:

1. Чтеніе протокола прошедшаго засѣданія Совѣта и, подписавъ этотъ протоколъ, *Опредѣлили:* Представить оный г. Попечителю Московскаго учебнаго округа, для утвержденія къ напечатанію во Временникѣ Лицея.

2. Предложеніе г. Управлявшаго Московскимъ учебнымъ округомъ отъ 8 минувшаго августа за № 7391, коимъ увѣдомляетъ, что Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. Министра Народнаго Просвѣщенія въ 29 день іюля 1887 года, Высочайше соиз-

волилъ на назначеніе испр. долж. э. орд. профессора Лицея магистра Гражданскаго права *Табашникова* экстраординарнымъ профессоромъ Новороссійскаго университета по каѳедрѣ Римскаго права, съ порученіемъ ему чтенія лекцій и по Гражданскому праву. *Опредѣлили*: Принять къ свѣдѣнію.

3. Предложеніе г. Управлявшаго Московскимъ Учебнымъ округомъ отъ 5 іюня 1887 года за № 5271, коимъ увѣдомляетъ, что г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ сдѣлано распоряженіе о безплатной высылкѣ для библіотеки Лицея просимыхъ выпусковъ „Статистическаго Временника Россійской Имперіи“. *Опредѣлили:* Принять къ свѣдѣнію.

4. Предложеніе г. Управлявшаго Московскимъ учебнымъ округомъ отъ 5 іюня 1887 года за № 5273, коимъ увѣдомляетъ, что г. Министръ Народнаго Просвѣщенія назначилъ приватъ-доцента *Назимова*, доцентомъ по каѳедрѣ Административнаго и Государственнаго права не съ 23 мая, какъ давалось знать отъ 28 мая за № 4910, а съ 28 мая сего года. *Опредѣлили:* Принять къ свѣдѣнію и, согласно съ предписаніемъ за № 5273, сдѣлать исправленіе въ формулярномъ спискѣ г. Назимова.

5. Предложеніе г. Управлявшаго Московскимъ учебнымъ округомъ отъ 30 іюня 1887 года за № 6027-мъ, коимъ увѣдомляетъ, что г. Министръ Народнаго Просвѣщенія отъ 25 того же іюня за № 9688 мъ, разрѣшилъ доценту Демидовскаго Юридическаго Лицея *Назимову* заграничный отпускъ срокомъ на 28 дней съ зачетомъ онаго въ заграничную командировку, если послѣдуетъ на сіе Высочайшее соизволеніе. Съ тѣмъ вмѣстѣ статсъ-секретарь Деляновъ дозволилъ выдать доценту Назимову пособіе изъ спеціальныхъ средствъ Лицея

въ размѣрѣ 800 руб. Затѣмъ дано знать, что г. Назимовъ командированъ съ ученою цѣлію за границу на годъ. *Опредѣлили:* Принять къ свѣдѣнію.

6. Предложеніе г. Управлявшаго Московскимъ учебнымъ округомъ отъ 9 іюля 1887 года за № 6337-мъ, коимъ увѣдомляетъ, что г. Министръ Народнаго Просвѣщенія согласенъ на оставленіе *Бесѣдкина Павла* при Демидовскомъ Юридическомъ Лицеѣ для приготовленія къ профессорскому званію еще на одинъ годъ, считая съ 1-го іюня сего года, но не признаетъ возможнымъ назначить ему содержаніе изъ суммъ Министерства, за распредѣленіемъ таковыхъ въ текущемъ году. Вмѣстѣ съ тѣмъ статсъ-секретарь Деляновъ не встрѣчаетъ препятствій къ тому, чтобы Бесѣдкину было назначено содержаніе изъ суммъ Лицея, буде таковыя имѣются. *Опредѣлили:* Просить разрѣшенія г. Попечителя Московскаго учебнаго округа на выдачу Бесѣдкину изъ спеціальныхъ средствъ Лицея (сумма сбора за слушаніе лекцій) по 50 руб. въ мѣсяцъ, начиная съ 1-го іюня до конца сего года, всего въ теченіи семи мѣсяцевъ.

7. Слѣдующее предложеніе г. Попечителя Московскаго учебнаго округа отъ 31 минувшаго іюля за № 7156: „Представленіемъ отъ 16 іюня 1887 года за № 325 Совѣтъ Лицея ходатайствуетъ объ утвержденіи его предположеній, состоявшихся въ засѣданіи 18 мая относительно вознагражденія приватъ-доцентовъ за чтеніе порученныхъ имъ лекцій. Не разрѣшая въ настоящее время вопроса о числѣ часовъ, назначенныхъ на чтеніе уголовнаго судопроизводства, такъ какъ вопросъ этотъ будетъ разрѣшенъ мною отдѣльно вмѣстѣ съ вопросомъ о числѣ часовъ назначенныхъ по другимъ предметамъ, о чемъ Совѣтомъ сдѣлано представленіе за № 326, я коснусь лишь вопроса о вознагражденіи приватъ-доцентовъ за чтеніе

порученныхъ имъ Совѣтомъ лекцій. Изъ представленія Совѣта видно, что онъ, по большинству голосовъ, нашелъ нужнымъ, сократить размѣръ вознагражденія, назначавшагося до сего времени приватъ-доцентамъ, но при этомъ не указано никакихъ мотивовъ, по коимъ большинство Совѣта находитъ эту мѣру возможною и необходимою. Между тѣмъ подобное сокращеніе, могущее вынудить гг. приватъ-доцентовъ или отказаться отъ преподаванія или посвящать, въ виду необходимости другаго заработка, меньшее время на научныя занятія, связанныя съ преподаваніемъ, является весьма серьезною мѣрою, которую я находилъ бы возможнымъ утвердить лишь въ случаѣ представленія самыхъ серьезныхъ и вѣскихъ основаній и обсудивъ ее не только съ экономической стороны, но и съ точки зрѣнія пользы преподаванія. Принимая же во вниманіе, что въ представленіи Лицея отъ 16 іюня за № 325 неприведено никакихъ мотивовъ, по коимъ большинство находитъ нужнымъ сократить содержаніе приватъ-доцентамъ, я не нахожу возможнымъ утвердить въ семъ отношеніи постановленіе Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея и предлагаю Лицею производить вознагражденіе гг. приватъ-доцентамъ въ томъ размѣрѣ, въ которомъ оно производилось въ минувшемъ учебномъ году. Къ сему я считаю нужнымъ указать Совѣту Лицея для руководства на будущее время, что по вопросамъ, рѣшаемымъ закрытою баллотировкою и требующимъ затѣмъ моего утвержденія, необходимо, чтобъ при постановкѣ вопросовъ въ нихъ излагались мотивы, которые положены въ основаніи предложенія о рѣшеніи вопроса въ томъ или другомъ направленіи и чтобы мотивы эти подробно были развиты въ представленіи Совѣта, такъ какъ безъ этого я лишенъ всякой возможности войти въ разсмотрѣніе существа дѣ-

ла; вслѣдствіе чего возложенная на меня обязанность утверждать постановленія Совѣта должна обратиться въ пустую формальность, или же явится произвольнымъ и ни на чемъ не основаннымъ дѣйствіемъ". *Опредѣлили*: Принять къ свѣдѣнію и руководству.

8. Предложеніе г. Управлявшаго Московскимъ учебнымъ округомъ отъ 7 сего августа за № 7328, коимъ увѣдомляетъ, что г. Министръ Народнаго Просвѣщенія разрѣшилъ студенту 2 курса Петру *Городцеву* остаться на томъ же 2 курсѣ на 3 годъ. *Опредѣлили*: Принять къ свѣдѣнію.

9. Предложеніе г. Управлявшаго Московскимъ учебнымъ округомъ отъ 1, 18, 25 и 30 іюля и 3 и 11 августа за №№ 6065, 6843, 6611, 7118, 7329 и 7600, которыми разрѣшаетъ допустить къ испытаніямъ послѣ каникулъ слѣдующихъ студентовъ: 1-го курса *Ачкасова* Виктора, *Вахрамѣева* Михаила, *Лузина* Леонида, *Мебеса* Августа и *Сорокина* Ивана; 2-го курса *Доренговскаго* Николая, *Зарянскаго* Ивана, *Кормилицына* Дмитрія, *Курлова* Бориса, *Михайлова* Александра, *Олейникова* Антона, *Фалькъ* Эдуарда и *Ѳедорова* Николая; 3-го курса *Матвѣева* Венедикта (за 3-й и 4-й курсы) и *Рудинскаго* Леонида; 4-го курса *Бѣляева* Николая, *Виноградскаго* Василія, *Дмитревскаго* Ивана, *Лебедева* Николая, *Нечаева* Ивана, *Никольскаго* Петра, *Попова* Константина, *Слюсарева* Викентія, *Солнцева* Александра, *Тутолмина* Петра и *Успенскаго* Николая. *Опредѣлили:* Принять къ исполненію.

10. Ординарный профессоръ *Л. С. Бѣлогрицъ-Котляревскій* заявилъ, что для произнесенія на актѣ имъ изготовлена рѣчь „Роль обычая въ уголовномъ законодательствѣ". *Опредѣлили:* Одобрить эту рѣчь для произнесенія на актѣ.

11. Г. Директоръ заявилъ, что для произнесенія на актѣ имъ изготовлена лѣтопись Лицея за истекшій учебный годъ, которую онъ проситъ Совѣтъ разрѣшить къ напечатанію. *Опредѣлили*: Напечатать во Временникѣ составленную г. Директоромъ лѣтопись за истекшій учебный годъ.

1887 года августа 31 дня, въ засѣданіи Совѣта Лицея, подъ предсѣдательствомъ Директора заслуженнаго ординарнаго профессора *С. М. Шпилевскаго*, *присутствовали*: ординарные профессора: *А. А. Исаевъ*, *Н. С. Суворовъ* и *Л. С. Бѣлогрицъ-Котляревскій*; профессоръ Богословія *А. П. Лавровъ*; исправ. долж. экстраордин. проф. *А. Н. Лодыженскій* и *В. Г. Щегловъ*; приватъ-доценты: *А. Е. Минервинъ* и *А. Ф. Зачинскій*. *Неприсутствовали*: ординарн. проф. *И. Т. Тарасовъ*, испр. долж. доцента *М. А. Липинскій* и приватъ-доценты: *В. Ф. Левитскій* и князь *Е. Н. Трубецкой* по нахожденію въ отпуску, доцентъ *А. Е. Назимовъ* по нахожденію въ командировкѣ.

Слушали:

1. Чтеніе протокола прошедшаго засѣданія Совѣта и, подписавъ этотъ протоколъ, *Опредѣлили*: Представить оный г. Попечителю Московскаго учебнаго округа, для утвержденія къ напечатанію во Временникѣ Лицея.

2. Предложеніе г. Попечителя Московскаго учебнаго округа 24 сего августа за № 8320, слѣдующаго содержанія: „Вслѣдствіе донесенія Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея отъ 20 сего августа за № 482, имѣю честь увѣдомить Совѣтъ, что я согласенъ на порученіе преподаванія Римскаго права приватъ-доценту *Минервину* и гражданскаго права испр. долж. доцента

Липинскому съ вознагражденіемъ каждому за 4 часа лекцій по 200 рублей за часъ, а всего 1600, изъ оклада, остающагося свободнымъ отъ содержанія профессора *Табашникова.* Затѣмъ я не встрѣчаю препятствій къ распредѣленію въ семъ 1887—1888 учебномъ году предметовъ по занимаемымъ профессорами и преподавателями каѳедрамъ въ томъ порядкѣ, какой опредѣленъ Совѣтомъ Лицея въ донесеніи отъ 20 сего августа за № 482-мъ. Вмѣстѣ съ симъ, хотя въ принципѣ я не одобряю постановленія Совѣта, состоявшагося 18 мая сего года о сокращеніи преподаванія по вакантнымъ каѳедрамъ и полагаю что если можно было произвести сокращенія, то путемъ упраздненія приватъ доцентуры по тѣмъ каѳедрамъ, по которымъ имѣются штатные профессоры, обязанные въ случаѣ надобности удовлетворять полностію всѣмъ требованіямъ своей каѳедры, а отнюдь не сокращеніемъ преподаванія по важнѣйшимъ каѳедрамъ лишь на томъ основаніи, что каѳедра вакантная; но въ виду происшедшей перемѣны въ личномъ составѣ Лицея, я нахожу возможнымъ согласиться на сокращеніе преподаванія по вакантнымъ каѳедрамъ согласно мнѣнію большинства Совѣта, изложенному въ донесеніи отъ 16 іюня сего года за № 326, съ тѣмъ однако, чтобы по Уголовному судопроизводству и Торговому праву было назначено не по 2 а по 3 часа въ недѣлю и чтобы вознагражденіе за чтеніе двухъ дополнительныхъ лекцій (по одной по каждому предмету) было отнесено на остатокъ отъ содержанія экстраординарнаго профессора, остающагося свободнымъ за перемѣщеніемъ профессора Табашникова. Хозяйственныя нужды Лицея могутъ быть покрыты спеціальными средствами (плата за слушаніе лекцій), какъ имѣющимися въ наличности, такъ и имѣющими поступить въ теченіи учебнаго года". *Опредѣлили:* Принять къ исполненію.

3. Ординарный профессоръ *Н. С. Суворовъ* просилъ разрѣшенія Совѣта напечатать во Временникѣ Лицея 2-е изданіе его публичной лекціи „о происхожденіи и развитіи русскаго раскола“. При этомъ профессоръ Суворовъ заявилъ, что расходы по этому печатанію онъ принимаетъ на себя. *Опредѣлили*: Разрѣшить г. Суворову напечатать просимое во Временникѣ Лицея, согласно заявленію его, на собственный счетъ.

4 Окончившій курсъ въ нынѣшнемъ году съ званіемъ дѣйствительнаго студента и съ правомъ на полученіе степени кандидата *Алексѣй Сперанскій* представилъ своевременно сочиненіе подъ заглавіемъ: „Положеніе вопроса о вознагражденіи невинно-осужденныхъ“. Сочиненіе это по опредѣленію Совѣта 30-го мая было передано приватъ-доценту *Зачинскому* для прочтенія и доставленіи въ Совѣтъ отзыва о немъ. По выслушаніи въ настоящемъ засѣданіи отзыва г. Зачинскаго о помянутомъ сочиненіи, *Опредѣлили:* Утвердить Сперанскаго въ степени кандидата юридическихъ наукъ и выдать ему надлежащій о томъ аттестатъ и экземпляръ судебныхъ уставовъ, отзывъ же о его сочиненіи напечатать во Временникѣ Лицея.

5. Для производства испытаній студентамъ, которымъ Начальствомъ округа разрѣшено подвергнуться таковымъ послѣ каникулъ, *Опредѣлили*: Назначить 2, 3, 4 и 5 сентября; при чемъ поручить производство экзаменовъ по Римскому праву *А. Е. Минервину*, по Гражданскому праву *А. Н. Лодыженскому*, по Исторіи политическихъ ученій, Государственному праву и Административному праву *В. Г. Щеглову* и Гражданскому судопроизводству *А. Ф. Зачинскому*.

6. Составлено прилагаемое при семъ росписаніе лекцій на наступившій учебный годъ. *Опредѣлили*: Росписаніе это утвердить и объявить студентамъ.

(Приложеніе къ статьѣ 4-й).

ОТЗЫВЪ

о кандидатскомъ разсужденіи г. Алексѣя Сперанскаго: „Положеніе вопроса о вознагражденіи невинно осужденныхъ".

Сочиненіе г. Сперанскаго состоитъ изъ семи главъ: въ 1-й главѣ, составляющей введеніе, авторъ устанавливаетъ связь вопроса о вознагражденіи невинно осужденныхъ съ вопросомъ о вознагражденіи невинно привлеченныхъ къ суду и высказывается за необходимость совмѣстнаго разсмотрѣнія обоихъ вопросовъ,—во 2-й главѣ опредѣляется понятіе и роды вознагражденія, а также его основаніе, причемъ авторъ защищаетъ положеніе, что обязательность какъ идеальнаго, такъ и матеріальнаго вознагражденія обѣихъ категорій лицъ, т. е. невинно осужденныхъ и невинно къ суду привлеченныхъ, вытекаетъ съ одной стороны изъ существа наказанія, съ другой изъ характера мѣръ, принимаемыхъ противъ лицъ, которыя привлекаются къ слѣдствію и суду,—3-я глава посвящена очерку положенія разсматриваемаго вопроса въ русскомъ законодательствѣ: здѣсь авторъ анализируетъ постановленія объ идеальномъ государственномъ вознагражденіи и, упомянувъ объ отсутствіи въ русскомъ законодательствѣ положенія о вознагражденіи матеріальномъ, подробно останавливается на вопросѣ о вознагражденіи оправданныхъ подсудимыхъ, о вознагражденіи за вредъ и убытки по законамъ гражданскимъ. Въ главахъ 4 и 5 разсматривается положеніе вопроса въ литературѣ западной и русской, въ частности—основанія воззрѣній Шварца, Гейера и Фойницкаго на матеріальное государственное вознагражденіе и возраженія противъ послѣдняго.—Въ

6-й главѣ дана обстоятельная критика мнѣній Гейера и Фойницкаго о юридической обязанности государства матеріально вознаграждать невинно осужденныхъ и невинно привлеченныхъ къ суду; самъ авторъ склоняется на сторону мнѣнія, по которому правовая обязанность государства можетъ быть обоснована только въ отношеніи идеальнаго вознагражденія.—Въ послѣдней главѣ разсматриваются этическія основанія обязанности матеріальнаго вознагражденія, условія выдачи и размѣръ послѣдняго; сочиненіе заканчивается доказательствомъ осуществимости государственнаго матеріальнаго вознагражденія на основаніи вычисленій Гейера и Фойницкаго.

Таково въ существенныхъ чертахъ содержаніе труда г. Сперанскаго. Въ основаніе его положены главнымъ образомъ монографіи проф. Фойницкаго и Гейера; кромѣ того авторъ пользовался сочиненіями Квачевскаго, Буцковскаго, Неклюдова и нѣкоторыхъ друг., поскольку они относятся къ предмету его изслѣдованія. Упомянутыя сочиненія усвоены авторомъ и матеріалъ, въ нихъ содержащійся, утилизированъ въ достаточной степени. Но г. Сперанскій не пользовался трудами по этому вопросу Шварце, Гейнце, болѣе ранними работами Гейера и пр. Незнакомство съ этими авторами, объясняющееся незнаніемъ иностранныхъ языковъ, составляетъ слабую сторону работы г. Сперанскаго, обусловливая собою неточность и неполноту аргументаціи всякій разъ, какъ автору приходится брать аргументъ изъ вторыхъ рукъ. Далѣе, сочиненіе писано въ то время, когда авторъ еще не былъ знакомъ съ системою уголовнаго судопроизводства; отсюда—уголовно-судебная терминологія не всегда выдержана. Наконецъ, мѣстами встрѣчаются шероховатости языка, хотя въ общемъ изложеніе вполнѣ удовлетворительное. Вообще, сочиненіе свидѣтельствуетъ о трудолюбіи автора.

На основаніи сказаннаго я полагаю, что сочиненіе соотвѣтствуетъ своему назначенію, и прошу Совѣтъ признать г. Сперанскаго достойнымъ искомой степени кандидата правъ.

Приватъ-доцентъ *А. Зачинскій.*

1887 года сентября 16 дня, въ Совѣта Лицея, подъ предсѣдательствомъ Директора заслуженнаго ординарнаго профессора *С. М. Шпилевскаго, присутствовали:* ординарные профессора: *И. Т. Тарасовъ, А. А. Исаевъ, Н. С. Суворовъ* и *Л. С. Бѣлогрицъ-Котляревскій*; профессоръ Богословія *А. П. Лавровъ*; исправ. долж. экстраор. проф. *А. Н. Лодыженскій* и *В. Г. Щегловъ*; испр. долж. доцента *М. А. Липинскій*, приватъ-доценты: *А. Е Мингеринъ*, князь *Е Н. Трубецкой, А. Ф. Зачинскій. Не присутствовали:* доцентъ *А. Е. Назимовъ* по нахожденію въ заграничной командировкѣ и *В. Ф. Левитскій* по нахожденію въ отпуску.

Слушали:

1. Чтеніе протокола прошедшаго засѣданія Совѣта и, подписавъ этотъ протоколъ, *Опредѣлили:* Представить оный г. Попечителю Московскаго учебнаго округа, для утвержденія къ напечатанію во Временникѣ Лицея.

2. Предложеніе г. Попечителя Московскаго учебнаго округа отъ 25 минувшаго августа за № 8381, коимъ, вслѣдствіе сношенія съ г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія, удомляетъ Совѣтъ Лицея, что если въ концѣ сего года будутъ свободныя суммы на приготовленіе профессоровъ и учителей, то студентъ Митрофанъ *Петровъ* можетъ быть оставленъ стипендіатовъ для приготовленія къ профессорскому званію, съ содержаніемъ

изъ суммъ Министерства, но не ранѣе октября мѣсяца сего года. *Опредѣлили:* Принять къ свѣдѣнію.

3. Предложеніе г. Попечителя Московскаго учебнаго округа отъ 3 сего сентября за №8793-мъ, которымъ разрѣшаетъ выдавать, вслѣдствіе выраженнаго Господиномъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія согласія (предложеніе Попечителя отъ 9 іюля сего года за № 6337-мъ) оставленному при Лицеѣ, по 1-е іюня 1888 г., для приготовленія къ профессорскому званію кандидату *Бесѣдкину* содержаніе по 50 руб. въ мѣсяцъ, изъ спеціальныхъ средствъ Лицея до 1-го января сего года. *Опредѣлили*: 1) Для удовлетворенія г. Бесѣдкина содержаніемъ до 1-го января 1888 года передать копію съ заслушаннаго предложенія въ Правленіе лицея и 2) просить ходатайства г. Попечителя Московскаго учебнаго округа предъ Господиномъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія о назначеніи г. Бесѣдкину содержанія по 50 руб. въ мѣсяцъ съ 1-го января 1888 года по 1-е іюня того же года, всего на 5 мѣсяцевъ изъ суммъ Манистерства.

4. По разсмотрѣніи экзаменаціонныхъ списковъ студентовъ Лицея, подвергавшихся по разрѣшеніямъ Начальства округа испытаніямъ послѣ каникулъ, *Опредѣлили*: 1) Перевести съ 1-го курса на 2-й *Вахрамѣева* Михаила и *Сорокина* Ивана и со 2-го на 3-й *Доренговскаго* Николая, *Михайлова* Александра, *Олейникова* Антона, *Фалькъ* Эдуарда и *Ѳедорова* Николая; 2) оставить на томъ же курсѣ на 2-й годъ студентовъ 1-го курса *Ачкасова* Виктора, *Лузина* Леонида и *Мебеса* Августа, 2-го курса *Курлова* Бориса и *Кормилицына* Дмитрія, 3-го курса *Рудинскаго* Леонида и *Матвѣева* Венедикта и 3) уволить изъ числа студентовъ 2-го курса, какъ пробывшаго на курсѣ два года и къ экзаменамъ не приступавшаго, *Зарянскаго* Ивана.

5. По разсмотрѣніи общаго списка балловъ студентовъ за всѣ четыре года пребыванія ихъ въ Лицеѣ, которые по разрѣшенію Начальства округа подвергались испытаніямъ за 4-й курсъ послѣ каникулъ, *Опредѣлили:* 1) Удостоить званія дѣйствительнаго студента съ правомъ на полученіе степенина кандидата по представленіи диссертаціи *Бѣляева* Николая, *Дмитревскаго* Ивана, *Попова* Константина и *Успенскаго* Николая; 2) удостоить званія дѣйствительнаго студента *Виноградскаго* Василія, *Лебедева* Николая, *Никольскаго* Петра, *Слюсарева* Викентія и *Солнцева* Александра и 3) оставить на 4 курсѣ на 2 годъ *Тутолмина* Петра.

6. Прошеніе студента 1 курса Лицея Константина *Колесова* слѣдующаго содержанія: „Пробывъ $188^{6}/_{7}$ учеб. годъ студентомъ Московскаго Университета и желая въ концѣ текущаго $188^{7}/_{8}$ учебнаго года подвергнуться испытаніямъ по наукамъ 1 и 2 курсовъ вмѣстѣ, прошу Совѣтъ Лицея о допущеніи меня въ маѣ мѣсяцѣ 1888 года къ испытаніямъ за 1 и 2 курсы“. *Опредѣлили:* Дозволить, на основаніи § 42 правилъ для студентовъ Лицея, студенту 1 курса Колесову экзаменоваться въ маѣ мѣсяцѣ 1888 года за 1 и 2 курсы вмѣстѣ; о чемъ ему и объявить.

7. Прошеніе окончившаго курсъ въ Лицеѣ съ званіемъ дѣйствительнаго студента Александра *Солнцева* о допущеніи его къ экзаменамъ на полученіе степени кандидата. *Опредѣлили:* Допустить г. Солнцева къ экзаменамъ въ маѣ мѣсяцѣ 1888 г. на полученіе степени кандидата юридическихъ наукъ

8. Окончившій курсъ въ Лицеѣ въ настоящемъ году съ званіемъ дѣйствительнаго студента и съ правомъ на полученіе степени кандидата по представленіи диссертаціи Николай *Бѣляевъ* таковую нынѣ представилъ

подъ заглавіемъ: „Участіе адвокатуры въ предварительномъ слѣдствіи“. *Опредѣлили*: Передать это сочиненіе для прочтенія и доставленія въ Совѣтъ отзыва о немъ приватъ доценту *Зачинскому*.

9. Г. Директоръ Лицея заявилъ, что въ число студентовъ приняты имъ: на 1-й курсъ: *Абрамъ* Хаимъ, изъ 2-й Московской гимназіи, *Айзенштатъ* Исаія—1-й Виленской гимназіи, *Айзенштейнъ* Зелікъ—Слуцкой гимназіи, *Ассъ* Абрамъ—Коломенской гимназіи, *Бейленсонъ* Гилель—2-й Одесской гимназіи, *Березниковъ* Алексѣй—Ярославской гимназіи, *Бочкаревъ* Вячеславъ—Псковской гимназіи, *Бреславъ* Гирша—5 Московской гимназіи, *Войтенковъ* Владиміръ—Ярославской гимназіи, *Гарскій* Сергѣй—Ярославской гимназіи, *Граціановъ* Николай—Нижегородской гимназіи, *Грацъ* Хаимъ—1 Виленской гимназіи, *Гурляндъ* Илья—2-й Одесской гимназіи, *Дворковичъ* Аронъ—2 Казанской гимназіи, *Домерниковъ* Павелъ—Костромской гимназіи, *Ершовъ* Сергѣй—Лубенской гимназіи, *Жерелло* Иванъ—Кіевской гимназіи, *Золотаревъ* Александръ—1-й Московской гимназіи, *Ивановъ* Иванъ—Симбирской гимназіи, *Израильсонъ* Максъ—2-й Московской гимназіи, *Канъ* Яковъ—Симферопольской гимназіи, *Канторъ* Бейнашъ—2-й Московской гимназіи, *Канторъ* Маркусъ—2-й Московской гимназіи, *Капланъ* Яковъ—Минской гимназіи, *Кинеловскеръ* Лейзеръ—4-й Московской гимназіи, *Коганъ* Владиміръ—3-й Одесской гимназіи, *Колесовъ* Константинъ—изъ Лицея Цесаревича Николая, *Кофманъ* Іегошія—3-й Одесской гимназіи, *Кочаровскій* Станиславъ—Житомірской гимназіи, *Кошлаковъ* Василій—Ярославской гимназіи, *Кренгаузъ* Лейба—Могилевской гимназіи, *Лопаковъ* Николай—Ярославской гимназіи, *Лыжинъ* Николай—Ярославской гимназіи, *Майзельсъ* Веніаминъ—Минской гимназіи, *Максимовскій*

Александръ—Шуйской гимназіи, *Можаровскій* Мееръ—Бердянской гимназіи, *Никоровичъ* Ѳедоръ—Радовецкой гимназіи (въ Австріи), *Нюренбергъ* Аркадій—2-й Московской гимназіи, *Осинскій* Михаилъ—Ананьевской гимназіи, *Островскій* Павелъ—Ярославской гимназіи, *Пескинъ* Михаилъ—Иркутской гимназіи, *Подпаловъ* Иванъ Лубенской гимназіи, *Преображенскій* Сергѣй—Ярославской гимназіи, *Прусаковъ* Хаимъ—Витебской гимназіи, *Пьянковъ* Димитрій—Пермской гимназіи, *Ризумовъ* Михаилъ—Нижегородскаго Александровскаго института, *Розенкранцъ* Соломонъ—Гродненской гимназіи, *Розовскій* Исаія—5-й С.-Петербургской гимназіи, *Рубинштейнъ* Гилель—Витебской гимназіи, *Смоленскій* Владиміръ—Ярославской гимназіи, *Совъткинъ* Афанасій—Екатеринбургской гимназіи, *Талалай* Абрамъ—Могилевской гимназіи, *Тульчинскій* Лейба—2-й Одесской гимназіи, *Файвишевичъ* Наумъ—1-й Тифлисской гимназіи, *Фейдманъ* Михель—2-й Одесской гимназіи, *Фенстеръ* Іеремія—Таганрогской гимназіи, *Фрадкинъ* Соломонъ—Тульской гимназіи, *Тарановъ* Сергѣй—Ярославской гимназіи, *Штейнбергъ* Хаимъ—Витебской гимназіи, *Шейнфайнъ* Аронъ—6-й Московской гимназіи, *Щуровъ* Сергѣй—Ярославской гимназіи, *Эйбергъ* Мордко—Кіевской гимназіи, *Эмдинъ* Яковъ—Ярославской гимназіи, *Юровскій* Іосифъ—3-й Одесской гимназіи, *Янкелевичъ* Шмуль—2-й Одесской гимназіи; на 2-й курсъ бывшіе студенты Лицея *Городцевъ* Павелъ и *Павловъ* Михаилъ и бывшій студентъ Казанскаго университета *Кларкъ* Василій; на 3-й кур. бывшій студентъ Казанскаго университета *Розовъ* Николай; на 4-й курсъ бывшіе студенты Петербургскаго университета *Гутманъ* Лейба и *Тартаковскій* Ицекъ.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

10. По прочтеніи 3-й степени журнала 31 августа о

разрѣшеніи ординарному профессору *Суворову* напечатанія во Временникѣ Лицея вторымъ изданіемъ публичныхъ лекцій его о расколѣ, г. Директоръ заявилъ, что такъ какъ до него дошли слухи, что лекціи профессора Суворова о расколѣ были на разсмотрѣніи духовной цензуры, которая не разрѣшила печатаніе помянутыхъ лекцій, то онъ, Директоръ, не находитъ возможнымъ разрѣшеніе печатанія тѣхъ же самыхъ лекцій во Временникѣ Лицея. По поводу этого заявленія профессоръ *Исаевъ* обратился къ Директору съ вопросомъ: на какомъ основаніи онъ дѣлаетъ это заявленіе, и при томъ на основаніи слуховъ, когда постановленіе о печатаніи уже состоялось? Тогда профессоръ *Тарасовъ* заявилъ, прося занести это и въ протоколъ, что ему достовѣрно извѣстно объ отказѣ профессору Суворову печатанія лекцій о расколѣ и что онъ самъ читалъ бумагу, коей цензурный комитетъ не разрѣшилъ печатаніе этой брошюры 2-мъ изданіемъ. На это профессоръ Исаевъ возразилъ, что профессоръ Тарасовъ не имѣетъ права входить въ обсужденіе этого вопроса, такъ какъ не присутствовалъ въ предыдущемъ засѣданіи (31 августа). Проф. Тарасовъ отвѣтилъ по этому поводу, что онъ входитъ въ обсужденіе вопроса не предъидущаго засѣданія, а именно теперешняго и только что возбужденнаго г. Директоромъ, а потому возраженіе г. Исаева едвали умѣстно въ данномъ случаѣ. Послѣ сего профессору Суворову разрѣшено было прочесть объясненія по данному вопросу, и, такъ какъ въ объясненіи этомъ онъ коснулся обсужденія дѣйствій духовной цензуры, то и былъ г. Директоромъ остановленъ. По поводу произшедшихъ за тѣмъ разногласій, баллотировался вопросъ: печатать или не печатать во Временникѣ 2-мъ изданіемъ брошюру профессора Суворова о расколѣ. За печатаніе высказались: профессора Суворовъ, Исаевъ, Бѣлогрицъ-

Котляревскій, Щегловъ и Лодыженскій, за непечатаніе — Директоръ Шпилевскій и профессора Тарасовъ и Лавровъ. *Опредѣлили*: Напечатать. При этомъ г. Директоръ заявилъ, что онъ представитъ отдѣльное по сему предмету мнѣніе, а профессоръ Суворовъ, что представитъ свои объясненія, каковыя и просилъ препроводить г. Попечителю Московскаго учебнаго округа.

11) На основаніи § 10 инструкціи преподавателямъ Лицея очередь для произнесенія рѣчи на имѣющемъ быть 30 августа 1888 года актѣ Лицея падаетъ на исправл. долж. экстраординарнаго профессора *Щеглова*, какъ старшаго по назначенію на службу изъ всѣхъ другихъ преподавателей, печитавшихъ еще рѣчи на актѣ, а потому *Опредѣлили*: Просить г. Щеглова приготовить рѣчь для произнесенія на торжественномъ актѣ Лицея 30-го августа 1888 года.

1887 года октября 14 дня, въ Совѣтѣ Лицея, подъ предсѣдательствомъ Директора заслуженнаго ординарнаго профессора *С. М. Шпилевскаго*, *присутствовали*: ординарные профессоры: *И. Т. Тарасовъ*, *А. А. Исаевъ*, *Н. С. Суворовъ*; профессоръ Богословія *А. П. Лавровъ*; исправ. долж. экстраор. проф. *В. Г. Щегловъ*; испр. дол. доцента *М. А. Липинскій*, приватъ-доценты: *А. Е. Минервинъ*, *В. Ф. Левитскій*, князь *Е. Н. Трубецкой*, *А. Ф. Зачинскій*. *Неприсутствовали*: ординарн. профессоръ *Л. С. Бѣлогрицъ-Котляревскій* по семейнымъ обстоятельствамъ; испр. долж. экстраорд. проф. *А. Н. Лодыженскій* по нахожденію въ отпуску и доцентъ *А. Е. Назимовъ* по нахожденію въ заграничной командировкѣ.

Слушали:

1. Чтеніе протокола прошедшаго засѣданія Совѣта

и, подписавъ этотъ протоколъ, *Опредѣлили*: Представить оный г. Попечителю Московскаго учебнаго округа, для утвержденія къ напечатанію во Временникѣ Лицея.

2. Предложеніе г. Управлявшаго Московскимъ учебнымъ округомъ отъ 28 минувшаго сентября за № 10211, коимъ увѣдомляетъ, что вслѣдствіе ходатайства Начальства Московскаго учебнаго округа, Господинъ Министръ Народнаго просвѣщенія входилъ въ комитетъ Гг. Министровъ съ представленіемъ объ освобожденіи приватъ-доцентовъ Императорскихъ Университетовъ и Демидовскаго Юридическаго Лицея отъ призыва изъ запаса въ армію и отъ службы въ Государственномъ ополченіи. Комитетъ Министровъ полагалъ испросить на сіе, согласно съ представленіемъ Господина Министра Народнаго Просвѣщенія, Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе. Государь Императоръ въ 8 день сентября 1887 года на сіе Высочайше соизволилъ. *Опредѣлили*: Принять къ свѣдѣнію.

3. Предложеніе г. Попечителя Московскаго Учебнаго округа отъ 23 минувшаго сентября за № 10.057, коимъ, согласно распоряженію Господина Министра Народнаго Просвѣщенія, въ виду особыхъ обстоятельствъ, разрѣшаетъ принять въ студенты Лицея на 1-й курсъ бывшаго воспитанника 6-й Петербургской гимназіи *Павла Антика*. *Опредѣлили*: Принять къ исполненію.

4. Находившіеся въ отпускахъ ординарные профессоры: *А. А. Исаевъ* съ 21 сентября по 4 октября и *И. Т. Тарасовъ* съ 24 сентября по 9 октября изъ отпусковъ этихъ возвратились 9 октября. *Опредѣлили:* Принять къ свѣдѣнію.

5. Окончившій въ настоящемъ году курсъ въ Лицеѣ съ званіемъ дѣйствительнаго студента и съ правомъ на полученіе степени кандидата по представленіи диссер-

таціи *Николай Бѣляевъ* своевременно представилъ сочиненіе подъ заглавіемъ: „Участіе защиты въ предварительномъ слѣдствіи“. Сочиненіе это по опредѣленію Совѣта 16 сентября передано было приватъ-доценту *Зачинскому* для прочтенія и доставленія въ Совѣтъ отзыва о немъ. По выслушаніи въ настоящемъ засѣданіи отзыва г. Зачинскаго о помянутомъ сочиненіи, *Опредѣлили:* Утвердить Бѣляева въ степени кандидата юридическихъ наукъ и выдать ему надлежащій о томъ аттестатъ и экземпляръ судебныхъ уставовъ; отзывъ же о его сочиненіи напечатать во Временникѣ Лицея.

6. Г. Директоръ заявилъ, что изготовленъ печатаніемъ къ выпуску № 5 Юридической Библіографіи, въ которомъ помѣщены разборы слѣдующихъ книгъ: 1) исправл. должн. экстраорд. проф. *Щегловымъ*: а) А. Гусевъ—„Зависимость морали отъ религіозной или философской метафизики“. По поводу исповѣди графа Толстаго. Казань. 1886 г. 95 стран.; б) М. Ковалевскій—Первобытное право. Выпускъ 1-й. Родъ. Москва 1886 г. 167 стран. в) М. Ковалевскій. Выпускъ 2-й. Семья. 169 стр. 2) Ординарнымъ профессоромъ *Суворовымъ*: а) Jos Kolberg, Verfassung, Cultus und Disciplin der christlichen Kirche nach den Schriften Tertullians. Braunsberg. 1886 года стр. 226 и б) Seidl. Der Diaconat in der catholischen Kirche dessen hieratische Würde und geschichtliche Entwickelung. Eine kirchenrechtliche Abhandlung. Regensburd. 1884 г. (243 + VI). *Опредѣлили:* Выпустить въ продажу № 5-й библіографіи, отправивъ предварительно въ Цензурный Комитетъ 6 экземпляровъ.

7. Окончившій курсъ въ Лицеѣ въ 1886 г. съ званіемъ дѣйствительнаго студента и съ правомъ на полученіе степени кандидата по представленіи диссертаціи *Михаилъ Человскій* и въ настоящемъ году *Констан-*

тинъ Поповъ представили нынѣ кандидатскія диссертаціи, первый подъ заглавіемъ: „Сравненіе статей, относящихся къ Уголовному праву по краткой и пространной редакціи Русской Правды“, а второй „Имущественныя отношенія супруговъ по древне-русскому праву“. *Опредѣлили:* Передать эти сочиненія для прочтенія и доставленія въ Совѣтъ отзывовъ о нихъ г. Директору *С. М. Шпилевскому.*

8. Слѣдующее прошеніе ординарн. проф. Лицея *Н. О. Суворова*: „Такъ какъ ходъ моихъ работъ по изслѣдованію „закона суднаго людемъ царя Константина“ и нѣкоторыхъ другихъ памятниковъ древнѣйшаго русскаго права привелъ меня къ убѣжденію въ необходимости обратиться къ неизданному матеріалу, въ особенности къ рукописнымъ кормчимъ, то я нахожу себя вынужденнымъ просить Совѣтъ Лицея ходатайствовать предъ г. Попечителемъ Московскаго учебнаго округа о командированія меня въ С.-Петербургъ и Москву, для занятій въ С.-Петербургской публичной библіотекѣ и въ Московскомъ Румянцевскомъ музеѣ, срокомъ на одинъ мѣсяцъ отъ 20 ноября по 20 декабря 1887 года. При семъ я принимаю на себя обязательство возмѣстить пробѣлъ въ преподаваніи мною церковнаго права на 3-мъ курсѣ и Институцій Римскаго права на 1-мъ курсѣ усиленнымъ чтеніемъ съ 20 октября по 20 ноября, именно прибавленіемъ къ читаемымъ мною 4-мъ лекціямъ въ недѣлю по Церковному праву еще двухъ, равно и къ читаемымъ мною 2-мъ лекціямъ по Институціямъ еще двухъ же. *Опредѣлили:* Просить ходатайства г. Попечителя Московскаго учебнаго округа о командированіи профессора Суворова съ ученою цѣлію въ Москву и Петербургъ съ 20 ноября по 20 декабря.

9. По выслушаніи въ настоящемъ засѣданіи ст. 10

журнала Совѣта 16 сентября, г. Директоръ прочелъ слѣдующее письменное къ этой статьѣ объясненіе: „По-поводу состоявшагося въ послѣднемъ засѣданіи Совѣта рѣшенія большинствомъ голосовъ о напечатаніи во Временникѣ Лицея во второй разъ публичныхъ лекцій ординарн. профессора *Суворова* о расколѣ, я долженъ объяснить настоящій смыслъ этого рѣшенія. Въ виду прямаго смысла 8 § инструкціи Директору, цензура печатаемыхъ во Временникѣ Лицея статей принадлежитъ Директору, а не Совѣту. Статья эта говоритъ: „не входя въ оцѣнку ученыхъ достоинствъ сочиненій, издаваемыхъ отъ имени Лицея, Директоръ обязанъ слѣдить, чтобы они не противорѣчили законамъ о печати". Эта статья не противорѣчитъ уставу Лицея, который въ числѣ предметовъ, подлежащихъ обсужденію и окончательному рѣшенію Совѣта, показываетъ: „Распоряженія относительно печатанія повременныхъ изданій, книгъ и другихъ изданій отъ именъ Лицея, равно какъ печатаніе программъ, лекцій, тезисовъ и т. п.". Подъ распоряженіями Совѣта здѣсь должно разумѣть окончательныя рѣшенія о напечатаніи пропущеннаго Директоромъ какъ цензоромъ. Правомъ Совѣта является обсужденіе ученыхъ достоинствъ предназначеннаго къ печатанію, такъ какъ въ оцѣнку этихъ достоинствъ Директоръ, по данной ему инструкціи, входить не можетъ. Если же, такимъ образомъ, цензура не составляетъ компетенціи Совѣта и принадлежитъ исключительно Директору, то само собою разумѣется, что мнѣніе большинства членовъ Совѣта, выразившееся за печатаніе указанной статьи, вопреки заявленію Директора, что это будетъ не согласно съ существующими цензурными постановленіями, не можетъ составлять окончательнаго и законнаго рѣшенія Совѣта, подлежащаго исполненію. На Директорѣ въ

качествѣ цензора, не можетъ лежать отчетность предъ Совѣтомъ въ тѣхъ основаніяхъ, которыми онъ руководствуется при своихъ цензурныхъ запрещеніяхъ, но въ настоящемъ случаѣ такое основаніе извѣстно гг. членамъ Совѣта,—это запрещеніе указанной статьи духовною цензурою, такъ что напечатаніе этой статьи во Временникѣ Лицея, по постановленію Совѣта, или, точнѣе говоря съ разрѣшенія Директора, было бы обходомъ духовной цензуры и пренебреженіемъ постановленій ея. Изъ настоящаго объясненія смысла постановленія послѣдняго засѣданія Совѣта по данному дѣлу слѣдуетъ, что Директоръ не можетъ допустить исполненіе этого постановленія, почему мною и сдѣлано распоряженіе о не напечатаніи указанной статьи во Временникѣ. Дальнѣйшаго обсужденія этого вопроса въ Совѣтѣ и голосованія его Директоръ также допустить не можетъ, такъ какъ это было бы не основанною ни на какомъ законѣ, передачею Директоромъ принадлежащаго ему права или лучше сказать, обязанности, Совѣту. Настоящее объясненіе съ изложеніемъ дѣла на основаніи протоколовъ Совѣта будетъ немедленно представлено Его Сіятельству г. Попечителю учебнаго округа. Исполненіе же выраженнаго въ послѣднемъ засѣданіи Совѣта профессоромъ Суворовымъ желанія представить по данному дѣлу докладную записку г. Попечителю, нѣтъ сомнѣнія, освободитъ многоуважаемаго профессора отъ возможности предполагать съ его стороны какія нибудь неблаговидныя цѣли, преслѣдуемыя имъ въ настоящемъ дѣлѣ“. Послѣ сего орд. проф. Тарасовъ заявилъ, прося внести это и въ протоколъ, что, если только что прочитанная г. Директоромъ записка есть особое мнѣніе, то въ силу § 2 Высочайше одобренныхъ 20 сентября 1868 г. правилъ о правахъ и обязанностяхъ ректора универси-

тета, какъ предсѣдателя Совѣта, новая баллотировка того же вопроса не можетъ быть устранена и, за тѣмъ, все дѣло должно быть представлено на окончательное рѣшеніе высшаго начальства. Если же записка эта лишь „объясненіе“, какъ назвалъ ее г. Директоръ, то объясненіемъ этимъ не можетъ быть отмѣнено рѣшеніе Совѣта отъ 16 сентября, такъ какъ уставомъ Лицея отмѣна или утвержденіе рѣшеній Совѣта предоставлены отнюдь не г. Директору, а исключительно лишь высшему начальству. Поэтому я полагаю, что въ данномъ случаѣ новая баллотировка, каковъ бы ни былъ результатъ ея, необходима не только во исполненіе вышеуказаннаго закона, но и для устраненія всякихъ возможныхъ недоразумѣній, ибо, въ противномъ случаѣ, не отмѣненное и не утвержденное высшимъ начальствомъ рѣшеніе Совѣта отъ 16 сентября можно считать какъ бы потенціально длящимся. Рѣчь идетъ не объ одномъ лишь исполненіи не правильнаго постановленія Совѣта, на что г. Директоръ имѣетъ полное право въ силу § 8 данной ему инструкціи, но еще и объ отмѣнѣ неправильнаго постановленія Совѣта, на что имѣетъ право лишь высшее начальство, а не г. Директоръ, въ качествѣ члена и представителя этого самаго Совѣта. Если же, въ противность ясному и безспорному смыслу закона, въ данномъ конкретномъ случаѣ будетъ признано такое право за г. Директоромъ, то не послужитъ ли это прецедентомъ полнымъ соблазна на будущее время, въ явный ущербъ правильному, закономъ указанному теченію дѣлъ, входящихъ въ компетенцію Совѣта.

10. На основаніи § 32 правилъ: I. представлены въ Совѣтъ Лицея гг. профессорами и преподавателями Лицея слѣдующія темы для сочиненій студентамъ напреміи: 1. *По энциклопедіи права*: а) Различіе въ воз-

зрѣніяхъ на право исторической и органической школы права. б) Взглядъ на право Рудольфа Іеринга. в) Объ юридическихъ символахъ. г) Отношеніе права къ государству. д) О методѣ науки права. Объяснительная лекція будетъ прочитана 21 октября. 2. *По Всеобщей исторіи права*: а) Основныя черты примитивнаго семейнаго быта. б) Взгляды С. Мэна на первобытную семью. в) Вліяніе культа предковъ на организацію юридическихъ учрежденій древности. г) Восточное право въ отличіе отъ современнаго. д) О происхожденіи феодализма. Объяснительная лекція будетъ прочитана 24 октября. 3) *По Исторіи Римскаго права*: а) Такъ называемые царскіе законы (leges regiae). б) Законъ XII таблицъ. в) Исторія преторскаго едикта. Объяснительная лекція будетъ прочитана 29 октября. 4. *По Римскому праву*: 1) Для студентовъ 2 курса: а) Судебная защита владѣнія. б) Давность какъ способъ пріобрѣтенія собственности (usucapio). в) Предіальные сервитуты. Объяснительная лекція будетъ прочитана 20 октября. 2. Для студентовъ 3 курса: а) Уступка обязательствъ. б) Естественныя обязательства. в) Поручительство. Объяснительная лекція будетъ прочитана 30 октября. 5. *По Политической экономіи* (В. Ф. Левитскимъ): а) Объ улучшеніи земледѣльческой культуры при общинномъ владѣніи (На основаніи земствъ статистическихъ сборниковъ преимущественно губерній Воронежской, Тамбовской и Саратовской). б) Экономическія ученія Сименса де-Сисмонди. Объяснительная лекція будетъ прочитана 24 октября. 6) *По Церковному праву*: а) Организація христіанскихъ общинъ по недавно открытому памятнику: Διδαχή τον δώδεκα αποστόλων. б) Отношенія императоровъ Θеодосія II и Маркіана къ III и IV вселенскимъ соборамъ. в) Церковное законодательство на стоглавомъ соборѣ 1551 г.

г) Краткое изложеніе содержанія духовнаго регламента, въ связи съ преобразованіемъ Петра Великаго. 7) *По Институціямъ Римскаго права*: а) Гражданское состояніе (status civitatis) какъ условіе нравственности; б) Формы заключенія брака по Римскому праву; в) Отеческая и супружеская власть (patria potestas et manus); г) Кругъ вѣдомства важнѣйшихъ республиканскихъ магистратовъ. 8) *По Гражданскому праву*: а) О давности по Русскому праву; б) Объ участіи частномъ по русскому праву; в) Личный наемъ; г) Наслѣдованіе по закону въ боковыхъ линіяхъ. Объяснительная лекція будетъ прочитана 24 октября. 9) *По Исторіи Политическихъ ученій*: Ученіе Августина о civitas Dei. 10) *По Уголовному судопроизводству*: а) Участіе адвокатуры въ предварительномъ слѣдствіи и б) о формахъ участія народнаго въ отправленіи уголовнаго правосудія. II. Вслѣдствіе заявленій гг. профессоровъ и преподавателей оставлены прошлогоднія темы: 1. *По Административному праву*: а) Административная юстиція; б) Исторія русской полиціи; в) Соотношеніе между экономическими ученіями и хозяйственной политикой; г) Почта и желѣзныя дороги въ ихъ историческомъ развитіи. 2. *По Торговому праву*: а) Торговое право въ древней Руси; б) Объемъ примѣненія торговаго права и защиты его спеціальнымъ судомъ; в) Акціонерныя компаніи и г) Торговое судебное право. 3) *По Исторіи русскаго права* (*С. М. Шпилевскимъ*): а) Сравненіе статей Русской правды, относящихся къ уголовному праву, по краткой и подробной редакціи; б) Судебникъ Казиміра Литовскаго 1468 г., сравнительно съ русскою правдою; в) Законъ судный людямъ по краткой и подробной редакціи; г) Псковскія лѣтописи, какъ матеріалъ для исторіи русскаго права. Объяснительная лекція будетъ прочитана

29 октября. 4) *По Исторіи Русскаго права* (*М. А. Липинскимъ*): а) Органы мѣстнаго управленія въ Московскомъ государствѣ; б) Денежныя пени по Русской правдѣ; в) Залогъ по русскому до-петровскому праву; г) О судебныхъ доказательствахъ по уложенію. Объяснительная лекція будетъ прочитана 23 октября. 5) *По Гражданскому судопроизводству*: а) Поссесорные иски по Русскому праву; б) Субъективное соединеніе исковъ; в) О представительствѣ въ процессѣ; г) О силѣ судебныхъ рѣшеній. Объяснительная лекція будетъ прочитана 23 октября. 6) *По Уголовному праву*: а) Теорія объективной вины; б) Теорія покушенія; в) Сводъ критическихъ замѣчаній, сдѣланныхъ на новый проэктъ общей части русскаго уложенія о наказаніяхъ; г) Очеркъ исторіи преступленій противъ религіи по Русскому праву; д) Теорія преступнаго бездѣйствія; е) Положеніе вопроса о вознагражденіи невинно осужденныхъ. Объяснительная лекція будетъ прочитана 20 октября и 7) *По Политической экономіи и наукѣ о финансахъ* (*А. А. Исаевымъ*): а) Ученіе о цѣнности; б) Ученіе о поземельной рентѣ; в) Ученіе о страхованіи; г) Ученіе о переложеніи налоговъ; д) О подушной падати въ Россіи. Объяснительная лекція будетъ прочитана 23 октября. *Опредѣлили*: Тэмы утвердить и объявить о нихъ студентамъ.

11. Г. Директоръ Лицея заявилъ, что гг. профессорами и преподавателями Лицея, на основаніи § 3-го инструкціи преподавателямъ, представлены слѣдующіе учебные планы: 1) Профессоромъ Богословія *А. П. Лавровымъ*: „Въ наступившемъ учебномъ $188^{7}/_{8}$ году преподаваніе Богословія распредѣлено будетъ на два главныхъ отдѣла: въ первый семестръ учебнаго года изложено будетъ Богословіе основное, а во второй нравственное. По основному Богословію сначала сдѣланъ бу-

детъ краткій историческій очеркъ новѣйшаго отрицательнаго направленія въ ученіи о религіи на западѣ Европы, которое послужило ближайшимъ поводомъ къ отдѣленію науки основнаго богословія отъ другихъ богословскихъ наукъ, какъ особенной, самостоятельной науки. Далѣе разсмотрѣны будутъ вопросы о всеобщности религіи въ человѣчествѣ, о сущности ея, объ основныхъ истинахъ религіи, о монотеизмѣ, какъ самомъ первоначальномъ видѣ религіи, о различныхъ видахъ языческаго политеизма и о религіяхъ новоіудейской и магометанской. Особенное же вниманіе будетъ обращено на изслѣдованіе о религіи христіанской, какъ Богооткровенной, на ученіе о лицѣ Іисуса Христа, какъ Божественнаго основателя христіанской религіи, какъ великаго пророка, Первосвященика и Царя, и на доказательства божественности основанной имъ религіи. По нравственному богословію, послѣ общихъ, предварительныхъ понятій объ этой наукѣ, будутъ изложены изслѣдованія о нравственномъ законѣ, внутреннемъ и внѣшнемъ, о свободѣ воли человѣка и объ обязанностяхъ внутренняго и внѣшняго Богопочтенія; при чемъ будетъ раскрыто ученіе о главныхъ добродѣтеляхъ христіанскихъ—вѣрѣ, надеждѣ и любви къ Богу и проистекающихъ изъ нихъ частныхъ добродѣтеляхъ; потомъ изложены будутъ обязанности христіанина въ отношеніи къ себѣ самому и въ отношеніи къ ближнимъ, равно какъ въ отношеніи къ церкви, иновѣрцамъ и не вѣрующимъ Всѣ эти изслѣдованія будутъ изложены при 3-хъ лекціяхъ въ каждую недѣлю учебнаго года". 2) *Ординарнымъ профессоромъ Н. С. Суворовымъ*: „Въ $188^{7}/_{8}$ академическомъ году преподаваніе церковнаго права студентамъ 3 курса будетъ вестись по плану прошлаго года. Хотя, вѣроятно, придется сократить нѣкоторыя подробности, въ ви-

ду того, что въ предстоящемъ году я буду читать церковное право не шесть часовъ въ недѣлю, какъ прежде, а четыре. Институціи же Римскаго права будутъ преподаваться мною студентамъ 1 курса въ порядкѣ институцій Гая и тремъ главнымъ отдѣламъ: 1) de personis, 2) de rebus и 3) de actionibus, съ тою краткостію, которая неизбѣжна при двухчасовомъ чтеніи въ недѣлю". 3) *Ординарнымъ профессоромъ Л. С. Бѣлогрицъ-Котляревскимъ*: „Въ текущемъ учебномъ году я буду читать 6 часовъ въ недѣлю по программѣ, раньше мною представленной, при чемъ мною будутъ сдѣланы существенныя пополненія въ ученіи объ особыхъ видахъ преступленій. Кромѣ теоретическихъ лекцій, два часа въ недѣлю будутъ посвящены практическимъ занятіямъ, которыя будутъ состоять въ разборѣ отдѣльныхъ уголовныхъ случаевъ, направленномъ къ развитію въ студентахъ способности оперировать съ отвлеченными положеніями теоріи". 4) *Испр. долж. экстраорд. проф. В. Г. Щегловымъ*: „Въ наступившемъ $188^{7}/_{8}$ академическомъ году я предполагаю держаться при преподаваніи Энциклопедіи права того же плана, какому я слѣдовалъ и въ прошломъ академическомъ году. При чемъ, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, я намѣренъ дѣлать при изложеніи предмета тѣ или другія дополненія и измѣненія сообразно съ вновь появляющимися трудами по общимъ вопросамъ права. Что касается Всеобщей исторіи права, преподаваніе которой поручено мнѣ Совѣтомъ въ этомъ учебномъ году, то въ преподаваніи этого предмета я долженъ буду ограничиться сравнительно съ прошлымъ годомъ лишь краткимъ обозрѣніемъ формъ развитія права въ каждый изъ главныхъ періодовъ его исторіи, не имѣя возможности дальнѣйшей разработки курса науки при двухъ-недѣльныхъ часахъ ея преподаванія". 5) *Испр. д. доцента М. А. Ли-*

пинскимъ: „По Гражданскому праву я предполагаю прочесть студентамъ 3 курса: Общую часть, право вещное и обязательственное, а для студентовъ 4 курса буду продолжать начатое проф. *Табашниковымъ* чтеніе, причемъ расчитываю прочитать всю особенную часть гражданскаго права. Что же касается гражданскаго судопроизводства, то я въ нынѣшнемъ году думаю держаться того же плана, который былъ ододренъ Совѣтомъ въ прошломъ году, при чемъ принужденъ буду нѣкоторыя ученія изложить гораздо короче, въ виду малаго числа лекцій, назначеннаго на чтеніе этого предмета. Относительно исторіи русскаго права, большая половина которой студентами 2 курса прослушана въ прошломъ году, я предполагаю прочесть періодъ императорскій—въ первомъ полугодіи, во второмъ же—исторію права гражданскаго и уголовнаго по плану представленному мною на $188^{4}/_{5}$ учебный годъ". 6) *Приватъ-доцентомъ А. Е. Минервиным*: „Въ настоящемъ учебномъ $188^{7}/_{8}$ году, при изложеніи Римскаго права студентамъ 2 и 3 курсовъ, я буду держаться общепринятой въ настоящее время системы. Курсъ будетъ состоять изъ введенія, общей части и особенной. Во введеніи будетъ указано: предметъ, источники, литература и порядокъ изложенія. Въ общей части будетъ изложено: 1) Общая теорія гражданскихъ нормъ: происхожденіе, развитіе, дѣйствіе и толкованіе ихъ; 2) общая теорія гражданскихъ правъ: природа и виды права, субъекты и объекты ихъ, пріобрѣтеніе и потеря, нарушеніе и защита ихъ. Въ особенной части будутъ разсмотрѣны отдѣльные виды гражданскихъ правъ въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) вещное право, 2) право обязательственное, 3) семейственное и 4) наслѣдственное право. На 2-мъ курсѣ я предполагаю изложить введеніе, общую часть и изъ особенной части вещное право, на

3-мъ же курсѣ буду продолжать что осталось непрочитаннымъ въ прошломъ году". Затѣмъ заслуженный орд. проф. С. М. Шпилевскій, читающій исторію русскаго права, орд. проф. И. Т. Тарасовъ—административное и торговое право; орд. проф. А. А. Исаевъ—политическую экономію и финансовое право; приватъ-доцентъ *А. Е. Минервинъ*—исторію римскаго права; приватъ-доцентъ В. Ф. Левитскій—политическую экономію; приватъ-доцентъ князь Е. Н. Трубецкой—исторію политическихъ ученій и приватъ-доцентъ А. Ф. Зачинскій—уголовное судопроизводство, заявили, что при преподаваніи въ наступившемъ году будутъ слѣдовать они учебнымъ планамъ, одобреннымъ Совѣтомъ на истекшій годъ. Исправляющій же должность экстраординарнаго профессора А. Н. Лодыженскій, читающій международное право, не возвратившійся нынѣ изъ отпуска, учебнаго плана не представилъ. *Опредѣлили*: Съ прописаніемъ изложеннаго, представить чрезъ г. Попечителя Московскаго учебнаго округа въ Министерство Народнаго просвѣщенія, прося г. Лодыженскаго, по возвращеніи изъ отпуска, представить свой планъ къ слѣдующему засѣданію.

12. Прошеніе бывшаго студента С-Петербургскаго Университета 1 курса *Исая Коссовскаго* о допущеніи его въ маѣ мѣсяцѣ 1888 года къ испытаніямъ на степень кандидата юридическихъ наукъ. По разсмотрѣніи представленныхъ при прошеніи проситѣлемъ документовъ, *Опредѣлили:* Допустить Коссовскаго въ маѣ 1888 года къ испытаніямъ на степень кандидата юридическихъ наукъ.

13. Отношеніе Товарища Предсѣдателя Высочайше учрежденной Рязанской ученой Архивной Коммиссіи отъ 16 минувшаго сентября за № 46, при которомъ, препровождая въ Лицей первые 4 выпуска „Трудовъ" Архивной Коммиссіи за текущій годъ и два выпуска 1-го

тома журналовъ засѣданій Коммиссіи, проситъ Лицей, не найдетъ ли онъ возможнымъ уступить безвозмездно для библіотеки Коммиссіи всѣ имѣющіяся въ наличности за прежнее время ученыя изданія Лицея, а также сообщать и впредь таковыя изданія по мѣрѣ выхода ихъ въ свѣтъ въ обмѣнъ на издаваемыя Коммиссіею „Труды“. *Опредѣлили*: Принять къ свѣдѣнію и въ обмѣнъ на изданія Рязанской Архивной Коммиссіи выслать въ оную издаваемый Совѣтомъ Лицея Временникъ съ XXVI книги и впредь высылать оный по мѣрѣ выхода въ свѣтъ.

14. Для сочиненій на золотую медаль *Опредѣлили*: Оставить данную въ прошломъ году проф. *Суворовымъ* тему по Церковному праву: „Низшая административно-судебная инстанція въ русскомъ церковномъ устройствѣ до конца XVIII вѣка“ и вновь одобрить предлагаемую испр. долж. экстраорд. проф. *Щегловымъ* по Всеобщей исторіи права—„Права восточнаго общества въ сравненіи его съ античнымъ“, назначивъ для прочтенія объяснительной по этой темѣ лекціи 24 октября, о чемъ и объявить студентамъ.

15. Ординарный профессоръ *И. Т. Тарасовъ* просилъ внести въ его формулярный списокъ, что 1) приказомъ Г. Министра Юстиціи, отъ 2 іюля сего года за № 32, онъ утвержденъ Почетнымъ мировымъ судьей Васильковскаго судебнаго мироваго округа (Кіевской губ.) и 2) Господиномъ Министромъ Финансовъ (письмо отъ 3 августа сего года за № 6856) командированъ на Харьковскую выставку для описанія кустарнаго ея отдѣла, съ выдачей ему для покрытія путевыхъ издержекъ 300 руб. и тѣмъ же письмомъ ему поручено сдѣлать описаніе Екатеринбургской выставки. *Опредѣлили*: Записать объ этомъ въ формулярный списокъ профессора Тарасова.

16. Онъ же профессоръ *И. Т. Тарасовъ* заявилъ Совѣту, что имъ изготовленъ для печати учебникъ: Очеркъ науки административнаго права. Введеніе и общая часть. что онъ и проситъ напечатать во Временникѣ Лицея. *Опредѣлили*: Разрѣшить проф. Тарасову помянутое сочиненіе напечатать во Временникѣ Лицея.

17. Секретарь Совѣта г. *Головщиковъ* заявилъ, что для библіотеки Лицея получены изданія Общества Любителей Древней письменности, Православнаго Палестинскаго Общества — отъ предсѣдателей этихъ обществъ и отъ архимандрита Московскаго Данилова монастыря Амфилохія (Четверо-евангеліе и Апостолъ, — всего 10 книгъ). *Опредѣлили*: Изъявить этимъ обществамъ и о. архимандриту Амфилохію за доставленіе книгъ благодарность.

18. Разсматривали прошенія студентовъ Лицея о назначеніи имъ стипендій и, сообразивъ относительное достоинство ихъ по оказаннымъ на испытаніяхъ успѣхамъ поведенію и бѣдности и по выслушаніи справки о томъ, что въ интернатѣ живутъ уже студенты *Бочкаревъ* Вячеславъ, *Дмитріевъ* Иванъ, *Кацауровъ* Сергѣй, *Марковъ* Константинъ, *Никоровичъ* Ѳедоръ, *Троицкій* Николай и *Ушаковъ* Леонидъ и что за симъ остается свободныхъ демидовскихъ стипендій 13, *Опредѣлили*: 1) Назначить студентамъ стипендіи: а) съ 1-го сентября *Архангельскому* Василію, *Добрянскому* Андрею, *Иванову* Алексѣю, *Ильинскому* Николаю, *Коровину* Ивану, *Метлину* Ивану, *Надьинскому* Александру, *Попову* Павлу, *Семенову* Якову, *Шапиро* Николаю и *Олтаржевскому* Ивану, зачисливъ послѣдняго въ интернатъ; б) изъ остающихся послѣ окончившихъ курсъ шести стипендіатовъ свободными за іюнь, іюль и августъ суммъ отъ каждаго по 49 р. 98 к., а всего 299 р. 88 к., выдать пособіе *Листову* Аполлинарію 120 руб. и *Суркову*

Александру 80 руб.; при чемъ пособія эти выдать имъ въ два срока: половину въ настоящее время, а другую половину въ декабрѣ; 2) копію съ этого постановленія Совѣта передать въ Правленіе Лицея, которое и просить удовлетворять прописанныхъ выше студентовъ стипендіями помѣсячно; 3) списокъ студентовъ, которымъ назначены стипендіи, сообщить Инспектору студентовъ и Библіотекарю.

(Приложеніе къ ст. 5-й).

ОТЗЫВЪ

о кандидатскомъ разсужденіи Николая Бѣляева „Участіе защиты въ предварительномъ слѣдствіи“.

Г. Бѣляевъ защищаетъ положеніе о необходимости допущенія защиты къ участію въ предварительномъ слѣдствіи. Къ такому выводу приводитъ автора ученіе западнаго и русскаго уголовно-судебнаго права и преимущественно законодательства о предварительномъ слѣдствіи. Очеркъ постановленій по этому предмету европейскихъ законодательствъ и составляетъ значительную часть сочиненія. Существующій процессуальный порядокъ имѣетъ, по мнѣнію автора, тотъ существенный недостатокъ, что, охраняя въ достаточной мѣрѣ интересъ обвиненія, онъ оставляетъ положеніе обвиняемаго весьма мало защищеннымъ. Причина послѣдняго заключается въ томъ, что дѣйствующій законъ съ одной стороны поручаетъ защиту интересовъ обвиняемаго такимъ органамъ, которые по самой своей природѣ неспособны къ исполненію этой функціи, съ другой стороны—не содер-

житъ въ себѣ другихъ, сколько нибудь дѣйствительныхъ гарантій для обвиняемаго. Такъ, юридическое и фактическое положеніе должностнаго и частнаго обвиненія (а также гражданскаго истца) на предварительномъ слѣдствіи таково, что эти органы, какъ и представляемые ими интересы, прямо противоположены интересамъ обвиняемаго; неудовлетворительная организація института судебныхъ слѣдователей (дуализмъ функцій судебнаго слѣдователя при розыскномъ характерѣ его дѣятельности) наряду съ обстоятельствами, неблагопріятно отражающимися на производствѣ предварительнаго слѣдствія, каковы обширность слѣдственныхъ участковъ, неудобства путей сообщенія, подавляющее количество слѣдственныхъ дѣлъ, отсутствіе особой судебной полиціи,—все это сообщаетъ дѣятельности судебнаго слѣдователя направленіе одностороннее и притомъ не въ пользу обвиняемаго; самъ обвиняемый въ дѣйствительности—не въ состояніи оградить свои интересы въ отношеніи правильности и законности производства дѣла; предписанные закономъ обряды и формы при исполненіи различныхъ слѣдственныхъ и судебныхъ дѣйствій, какъ-то: присутствіе понятыхъ, записи въ протоколы, обрядъ преданія суду и проч., представляютъ также недостаточную гарантію въ смыслѣ интересовъ обвиняемаго; наконецъ, защита, допускаемая съ момента приготовленныхъ къ суду распоряженій, рѣшительно не въ состояніи выполнить свои обязанности такъ, какъ это было бы возможно при участіи ея въ предшествующихъ фазахъ производства дѣла. Такое построеніе уголовнаго судопроизводства имѣетъ своимъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ неудовлетворительное состояніе уголовнаго правосудія въ странѣ; имъ же объясняются въ значительной мѣрѣ недостатки, замѣченные въ дѣлѣ отправленія уголовнаго

правосудія у насъ. Для устраненія этого зла необходимо, по мнѣнію автора, устранить коренную причину, его порождающую, путемъ уравновѣшенія положенія сторонъ въ процессѣ и допущенія защиты къ участію въ дѣлѣ съ начальнаго момента возбужденія судебнаго преслѣдованія: этого требуютъ не только интересы обвиняемаго, но и правильно понятые интересы правосудія.

Таковы главнѣйшія положенія труда г. Бѣляева. Авторъ пользовался, кажется, исключительно русскою монографическою литературой и главнымъ образомъ трудами проф. Фойницкаго и г. Вульферта; видно также знакомство съ работами Макалинскаго, Карюкова, съ отчетомъ сенатора Окулова и нѣк. др. Литературный матеріалъ усвоенъ авторомъ; развитіе мысли въ общемъ правильно; каждое положеніе подкрѣплено и освѣщено какъ разъясненіемъ соотвѣтствующихъ законодательныхъ постановленій, такъ и почерпнутыми изъ литературы примѣрами. Самый существенный недостатокъ сочиненія—то, что авторъ оставилъ безъ разсмотрѣнія весьма важный вопросъ о степени участія адвокатуры въ предварительномъ слѣдствіи и объ объемѣ правъ, которыя слѣдовало бъ ей предоставить; затѣмъ—авторъ иногда уклоняется въ сторону въ развитіи своей мысли, отводя напр. болѣе, чѣмъ того требуетъ предметъ разсужденія, мѣста сравненію историческихъ типовъ процесса, разсмотрѣнію недостатковъ предварительнаго слѣдствія и пр.

Не смотря на указанные и нѣкоторые другіе недостатки, сочиненіе г. Бѣляева представляется мнѣ вполнѣ удовлетворительнымъ и обнаруженное авторомъ знакомство съ предметомъ—достаточнымъ. Въ виду этого я прошу Совѣтъ признать г. Бѣляева достойнымъ искомой степени кандидата правъ.

Приватъ-доцентъ *А. Зачинскій*.

1887 года ноября 11 дня, въ засѣданіи Совѣта Лицея, подъ предсѣдательствомъ Директора заслуженнаго ординарнаго профессора *С. М. Шпилевскаго*, *присутствовали*: ординарные профессоры: *И. Т. Тарасовъ*, *А. А. Исаевъ* и *Н. С. Суворовъ*; профессоръ Богословія *А. П. Лавровъ*, исправ. долж. экстраор. проф. *В. Г. Щегловъ*; испр. долж. доцента *М. А. Липинскій*, приватъ-доценты: *А. Е. Минервинъ*, *В. Ф. Левитскій*, *А. Ф. Зачинскій*. *Неприсутствовали*: ординарн. профессоръ *Л. С. Бѣлогрицъ-Котляревскій* и испр. долж. экстраорд. проф. *А. Н. Лодыженскій* по нахожденію въ отпуску и доцентъ *А. Е. Назимовъ* по нахожденію въ заграничной командировкѣ.

Слушали:

1. Чтеніе протокола прошедшаго засѣданія Совѣта и, подписавъ этотъ протоколъ, *Опредѣлили:* Представить оный г. Попечителю Московскаго учебнаго округа, для утвержденія къ напечатанію во Временникѣ Лицея.

2. Предложеніе г. Попечителя Московскаго учебнаго округа отъ 23 минувшаго октября за № 11.193, коимъ увѣдомляетъ, что при распредѣленіи въ будущемъ 1888 году суммъ на приготовленіе профессоровъ и учителей, Министерство будетъ имѣть въ виду ходатайство Совѣта Лицея о назначеніи содержанія приготовляющемуся при Лицеѣ къ профессорскому званію *Павлу Бесѣдкину*. *Опредѣлили:* Принять къ свѣдѣнію.

3. Предложеніе г. Попечителя Московскаго учебнаго округа отъ 6 сего ноября за № 11.873, которымъ разрѣшаетъ напечатать во Временникѣ Лицея протоколы засѣданій Совѣта 13 апрѣля и 1 мая сего года. *Опредѣлили*: Принять къ исполненію.

4. Слѣдующее заявленіе ординарнаго профессора *Н. С. Суворова*: „Высочайше утвержденная въ 1869 году при Св. Синодѣ редакціонная коммиссія начала изданіе Полнаго собранія постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія Россійской Имперіи, и до настоящаго времени изданы пять томовъ самаго собранія. Таже самая коммисія приступила одновременно и къ другому изданію, подъ названіемъ: „Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ Св. Правительствующаго Синода". Этого послѣдняго изданія вышло до настоящаго времени семь томовъ. Въ библіотекѣ Демидовскаго Лицея имѣется четыре тома перваго изданія и всего одинъ лишь томъ втораго, такъ что недостаетъ одного тома „полнаго собранія постановленій и распоряженій" и шести томовъ „Описанія". Полагая, что восполненіе означеннаго пробѣла въ Лицейской библіотекѣ безусловно необходимо какъ для занятій по Церковному праву, такъ и въ интересахъ изученія Исторіи русскаго права, имѣю честь предложить Совѣту, не найдетъ ли онъ нужнымъ войдти съ ходатайствомъ къ г. Министру Народнаго Просвѣщенія о доставленіи въ библіотеку Лицея, посредствомъ сношенія съ Оберъ-Прокуроромъ Св. Синода, недостающихъ томовъ обоихъ изданій, редакціонной при Св. Синодѣ Коммиссіи. Кромѣ того позволяю себѣ обратить вниманіе Совѣта на то, что въ библіотекѣ Лицея не имѣется всеподданнѣйшаго отчета Оберъ-Прокурора Св. Синода по духовному вѣдомству, каковой пробѣлъ также требуетъ восполненія". *Опредѣлили:* Просить ходатайства г. Попечителя Московскаго учебнаго округа предъ г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія не найдетъ ли Его Высокопревосходительство возможнымъ войти въ сношеніе съ г. Оберъ-Прокуроромъ Св. Правительствующаго Синода о доставленіи упомянутыхъ изданій въ библіотеку Лицея.

5. Слѣдующее прошеніе Испр. должн. экстраординарнаго проф. *В. Г. Щеглова*: „Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я началъ работу по одному изъ важнѣйшихъ вопросовъ Русскаго государственнаго права, — „Объ образованіи Государственнаго Совѣта въ Россіи, — въ особенности же при Императорѣ Александрѣ I-мъ". Въ библіотекѣ Лицея нашелъ не мало матеріала, необходимаго для разрѣшенія поставленной мною задачи — отыскать связь Русскаго Государственнаго Совѣта съ высшими учрежденіями въ западно-европейскихъ государствахъ и опредѣлить значеніе Государственнаго Совѣта въ ряду высшихъ установленій Россіи при Александрѣ I-мъ. Эта обширность и сложность задачи при моей работѣ вызывается прежде всего сущностью историко-сравнительнаго метода изученія предмета, безъ котораго теперь невозможно никакое изслѣдованіе по Исторіи права. Съ другой стороны, отнестись подобнымъ серьезнымъ образомъ къ работѣ заставляетъ меня и мое глубокое убѣжденіе въ умѣстности ученаго труда объ образованіи высшаго русскаго государственнаго установленія, о которомъ въ русской юридической литературѣ нѣтъ ниодного обстоятельнаго историко-юридическаго изслѣдованія, при всей массѣ всякаго рода печатнаго матеріала, накопившагося по этому вопросу. Къ моему сожалѣнію я не могъ найти въ Лицейской библіотекѣ всѣхъ источниковъ и пособій, нужныхъ мнѣ для окончанія моего труда. Всѣ не найденныя мною въ Ярославлѣ книги, также какъ и другіе, еще не извѣстные мнѣ матеріалы, я полагаю, могутъ быть отысканы только въ Императорской публичной библіотекѣ въ С.-Петербургѣ, гдѣ, на сколько мнѣ извѣстно, есть цѣлый отдѣлъ сочиненій о Россіи, принадлежащихъ иностраннымъ писателямъ (Rossica). Въ Петербургѣ же, въ Архивѣ Государственнаго Совѣта, безъ со-

мнѣнія, хранится и много драгоцѣннаго матеріала для моей работы, который или вовсе не вошелъ въ изданный въ свѣтъ Архивъ Государственнаго Совѣта, гдѣ не достаетъ втораго тома, или былъ внесенъ сюда въ неполномъ видѣ. Такой же важный сырой матеріалъ о Государственномъ Совѣтѣ находится и въ Архивѣ Министерства Юстиціи въ Москвѣ, какъ это видно изъ появившагося въ 1886 году 14 т. изданій этого архива, гдѣ помѣщена между прочимъ и монографія Пестова объ Императорскомъ Кабинетѣ въ царствованіе Іоанна Антоновича. Наконецъ, въ Чертковской библіотекѣ въ Москвѣ же, можно думать, есть много рукописей и книгъ по русской исторіи вообще и, въ частности, исторіи русскихъ государственныхъ учрежденій, какъ, по крайней мѣрѣ, можно заключить изъ издававшагося одно время при Чертковской библіотекѣ Русскаго Архива. Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ я позволяю себѣ просить Совѣтъ Лицея ходатайствовать предъ г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія о командированіи меня съ ученою цѣлію въ Петербургъ и Москву на полтора мѣсяца (съ 20 декабря 1887 г. по 5 февраля 1888 года) и оказать мнѣ пособіе въ размѣрѣ 300 руб. изъ спеціальныхъ средствъ Лицея. При этомъ считаю нужнымъ замѣтить, что почти половина времени, которое я желалъ бы посвятить ученымъ занятіямъ въ столицахъ, падаетъ на зимнія каканіи въ Лицеѣ. Что же касается лекцій, которыя мнѣ придется пропустить въ случаѣ разрѣшенія командировки въ началѣ будущаго академическаго полугодія, то я обязуюсь возмѣстить ихъ въ теченіи остальнаго учебнаго времени, въ которое я могу читать вмѣсто 6-ти лекцій 7 или, если будетъ нужно, даже 8-мь лекцій въ недѣлю“.
Опредѣлили: Просить ходатайства г. Попечителя Московскаго учебнаго округа о командированіи испр. долж.

экстраорд. проф. *Щеглова* съ ученою цѣлью въ Москву и Петербургъ съ 20 декабря 1887 года по 5 февраля 1888 года съ выдачей ему пособія въ размѣрѣ 300 руб. изъ спеціальныхъ средствъ Лицея.

6. Слѣдующее прошеніе ординарнаго профессора Лицея *А. А. Исаева*: „Г. Попечитель Московскаго учебнаго округа отношеніемъ за № 8381 увѣдомилъ Совѣтъ Лицея, что г. Министръ Народнаго Просвѣщенія изъявилъ согласіе на оставленіе кандидата правъ *Петрова* стипендіатомъ для приготовленія къ профессорскому званію и, если будутъ свободныя суммы то со стипендіей изъ суммъ Министерства. Такъ какъ г. Петровъ находится въ очень стѣсненномъ матеріальномъ положеніи, то имѣю честь покорнѣйше просить Совѣтъ Демидовскаго Юридическаго Лицея дать ему изъ спеціальныхъ средствъ Лицея единовременное пособіе въ размѣрѣ 50 рублей. Непрерывно слѣдя за занятіями г. Петрова, я считаю долгомъ довести до свѣдѣнія Совѣта, что имъ изучены слѣдующія сочиненія: 1) Системы Адама Смита, Рикардо, Дж. Ст. Милля, Сея, Сисмонди, Ромера, Вагнера—по Политической экономіи; 2) курсы Лебедева, Леруа Болье, Штейна, Вагнера, Шефле—по наукѣ о финансахъ; 3) нѣсколько монографій, преимущественно по вопросамъ о налогахъ и мѣстныхъ хозяйствахъ". Такъ какъ Петровъ не состоитъ при Лицеѣ стипендіатомъ для приготовленія къ профессорскому званію. то Совѣтъ, не считая возможнымъ удовлетворить просьбу профессора Исаева о выдачѣ Петрову пособія, *Опредѣлилъ*: Прошеніе это оставить безъ послѣдствій.

7. Слѣдующее прошеніе кандидата юридическихъ наукъ *Гурвича*: „Войдя въ соглашеніе съ книгопродавцемъ Карцевымъ въ Москвѣ объ изданіи моего кандидатскаго сочиненія, имѣю честь просить Совѣтъ о поста-

новленіи опредѣленія, разрѣшающаго мнѣ напечатать означенное сочиненіе безъ разсмотрѣнія его цензурою. Копію просимаго опредѣленія вмѣстѣ съ представленною рукописью покорнѣйше прошу выдать студенту Демидовскаго Лицея г. Лейнвандгендлеру, при чемъ по напечатаніи непремину замѣнить представленную рукопись печатнымъ экземпляромъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ имѣю честь просить о разрѣшеніи мнѣ присоединить къ сочиненію прилагаемое предисловіе, частію взятое изъ находящейся въ Лицеѣ рукописи, частью же мною нынѣ дополненное". Такъ какъ разсматривавшій сочиненіе Гурвича приватъ-доцентъ г. Левитскій въ отзывѣ Совѣту о сочиненіи, по которому Гурвичъ удостоенъ степени кандидата не упомянулъ о пригодности этого сочиненія для печати, то *Опредѣлили*: Прошеніе оставить безъ послѣдствій.

8. Въ настоящемъ засѣданіи Совѣта слушался слѣдующій отзывъ испр. долж. экстраорд. проф. Лицея *В. Г. Щеглова* о сочиненіи студента 3 курса Лицея *Ивана Дмитріева*, представленномъ на соисканіе преміи за $188^{6}/_{7}$ академическій годъ: „Сочиненіе студента 3 курса Ивана Дмитріева написано на тему: „Существенныя черты правоваго развитія восточнаго государства въ сравненіи съ античнымъ" представляетъ собою попытку сравнить юридическія учрежденія восточныхъ народовъ съ правовыми институтами древнихъ грековъ и римлянъ. Эта попытка автора, однако, не можетъ быть названа удачною: его сравненіе восточнаго права съ античнымъ не достигаетъ вполнѣ цѣли, не указываетъ на важнѣйшія сходства и, въ особенности, различія въ юридическихъ понятіяхъ и учрежденіяхъ на древнемъ востокѣ и въ античномъ мірѣ. Изъ изложенія Дмитріевымъ античнаго права нельзя составить себѣ опредѣленное понятіе

о томъ, какое положеніе въ исторіи права занимаетъ право древнихъ грековъ и римлянъ, которое оказывается проникнутымъ тѣми же религіозными началами не менѣе восточнаго. Авторъ обращаетъ свое исключительное вниманіе на культъ предковъ, очевидно, увлекаясь извѣстнымъ сочиненіемъ Фюстель Куланжа объ античномъ правѣ и, по примѣру его, игнорируя также вліяніе на право всей древности религіи физической природы. Вопросъ о происхожденіи культа предковъ разсматривается Дмитріевымъ не во всей его полнотѣ и почему то уже при изложеніи античнаго права, хотя ранѣе все восточное право является у него результатомъ господства того же культа предковъ въ восточномъ обществѣ. Благодаря такому особенному вниманію къ роли религіознаго элемента въ образованіи права всей древности, Дмитріевъ упускаетъ изъ виду важное значеніе въ организаціи древняго общества родовыхъ началъ и экономическаго, общиннаго быта, мало говоритъ о вліяніи на древнее право внѣшнихъ физическихъ условій общественной жизни въ древнемъ мірѣ и не указываетъ на различіе въ понятіи права и государства восточныхъ народовъ и древнихъ грековъ и римлянъ. Вообще все вліяніе многочисленныхъ и разнообразныхъ условій общественной жизни на право древности, внутренняя и взаимная связь между правомъ и всѣми остальными соціальными элементами въ восточномъ и античномъ обществѣ, высшій, прогрессивный характеръ права классическихъ народовъ въ сравненіи съ правомъ восточнымъ—все это ускользаетъ отъ вниманія автора, который имѣетъ, притомъ, непохвальную привычку употреблять ничего невыражающія фразы тамъ, гдѣ нужно указать причины того или другаго характера спеціальныхъ явленій. Такъ напр., Востокъ „обреченъ былъ“, по словамъ автора, на

вѣчный застой, Западу (древнему), „суждено было“ пойти несравненно далѣе Востока по пути прогресса. Арійскіе и семитическіе народы „путемъ историческихъ судебъ“ стали во главѣ исторіи развитія человѣчества и т. п. Этотъ и многіе другіе, указанные мною, недостатки въ сочиненіи студента Дмитріева произошли отъ того, что онъ пользовался при своей работѣ небольшимъ сравнительно матеріаломъ, ограничился только русскими, и то не всѣми, источниками и пособіями и не прочелъ ни одного иностраннаго сочиненія при всей обширности литературы вопроса на французскомъ, а, въ особенности, на нѣмецкомъ языкѣ. Авторъ не могъ справиться, какъ слѣдуетъ, съ своей работой еще и потому, что онъ не давалъ себѣ вполнѣ сущности историко-сравнительнаго метода изученія институтовъ права, который примѣняется имъ въ сочиненіи лишь въ незначительныхъ размѣрахъ. Но при всѣхъ недостаткахъ сочиненія Дмитріева, оно обнаруживаетъ въ авторѣ умѣнье излагать, имѣющійся подъ его руками, матеріалъ довольно послѣдовательно, по извѣстной системѣ и плану. Нужно поставить также въ заслугу Дмитріеву основательное и подробное разрѣшеніе вопроса о вліяніи на все право древности культа предковъ. —Самое изложеніе предмета отличается у него, за исключеніемъ не многихъ не точныхъ выраженій, обыкновенно ясностію и литературнымъ слогомъ. Видно что авторъ приложилъ много труда къ своей работѣ на тему, вообще очень сложную и трудную, что отчасти извиняетъ многіе недостатки сочиненія Дмитріева. Всѣ эти указанныя мною достоинства труда студента Дмитріева заставляютъ меня просить Совѣтъ Лицея удостоить его сочиненіе малой преміи (25 р.), награды, которая, быть можетъ, поощритъ автора, безъ сомнѣнія способнаго студента, къ дальнѣйшимъ, болѣе самостоятельнымъ

работамъ по наукѣ права. *Опредѣлили*: Удостить студента Дмитріева малой преміи, размѣръ которой назначить 25 руб., а для исполненія сего постановленія копію съ настоящей статьи журнала передать въ Правленіе Лицея.

9. Прошенія студентовъ Лицея Николая *Доренговскаго* и Александра *Кратирова* о назначеніи имъ пособій, вслѣдствіе ихъ несостоятельности. *Опредѣлили:* Назначить студентамъ Доренговскому и Кратирову, изъ оставшихся послѣ окончившихъ курсъ демидовскихъ стипендіатовъ свободныхъ за іюнь, іюль и августъ суммъ 99 р. 88 к., — пособія по 49 р. 94 к. каждому; копію съ этого постановленія Совѣта передать въ Правленіе для исполненія.

10. На основаніи § 61 правилъ, утвержденныхъ г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія 10 сентября 1883 года, *Опредѣлили*: Для экзаменовъ студентамъ 1-го курса въ декабрѣ мѣсяцѣ, желающимъ освободиться на будущее полугодіе отъ платы за слушаніе лекцій, назначить слѣдующія науки: Экциклопедію права, Исторію Римскаго права и Исторію Русскаго права; о чемъ и объявить студентамъ.

11. Пріобрѣтшіе право на полученіе степени кандидата Юридическихъ наукъ по представленіи диссертацій Соломонъ *Окновскій* и Александръ *Смирновъ*, таковыя представили, подъ заглавіемъ: — первый „Историческій очеркъ развитія предіальныхъ сервитутовъ въ древнемъ Римѣ“, второй — „Ученіе объ участіи адвокатуры въ предварительномъ слѣдствіи“. *Опредѣлили*: Передать эти сочиненія для прочтенія и доставленія въ Совѣтъ отзывовъ о нихъ Окновскаго — приватъ-доценту *Минервину*, а Смирнова — приватъ-доценту *Зачинскому*.

12. Г. Директоръ заявилъ Совѣту, что въ теченіи

сентября и октября мѣсяцевъ гг. профессорами и преподавателями Лицея прочитано и пропущено было слѣдующее число лекцій:

	Въ сентябрѣ.		Въ октябрѣ.	
	Прочитано.	Пропущено.	Прочитано.	Пропущено.
Заслуженнымъ ордин. профессоромъ				
С. М. Шпилевскимъ .	14	4	20	4
Ординарными профессорами:				
И. Т. Тарасовымъ . .	23	4	24	9
А. А. Исаевымъ . .	10	10	20	4
Н. С. Суворовымъ . .	20	0	26	0
Л. С. Бѣлогрицъ-Котляревскимъ	16	0	22	2
Профессоромъ Богословія				
А. П. Лавровымъ . .	10	0	12	0
Испр дол. экстраорд. проф.				
А. Н. Лодыженскимъ .	9	0	0	17
В. Г. Щегловымъ . .	18	0	27	0
Испр. долж. доцента				
М. А. Липинскимъ .	9	12	42	0
Приватъ-доцентами:				
А. Е. Минервинымъ .	17	2	29	0
В. Ф. Левитскимъ . .	0	8	11	0
Княземъ Е. Н. Трубецкимъ . .	4	2	6	2
А. Ф. Зачинскимъ . .	9	0	13	0
Итого . .	159	42	262	38

Показаное количество лекцій въ сентябрѣ и октябрѣ пропущено: *С. М. Шпилевскимъ* 4 по случаю поѣздки въ Москву по семейнымъ дѣламъ и 4 по дѣламъ службы, *И. Т. Тарасовымъ*, *А. А. Исаевымъ* и *В. Ф. Левитскимъ* по нахожденію въ отпуску; *Л. С. Бѣлогрицъ-Котляревскимъ*, *А. Н. Лодыженскимъ*, *М. А. Липинскимъ*, *А. Е. Минервинымъ* и княземъ *Е. Н. Трубецкимъ* по болѣзни. *Опредѣлили*: Записать объ этомъ въ журналъ.

13. Г. Директоръ заявилъ, что нѣкоторые изъ перешедшихъ въ Лицей изъ Университетовъ студенты, коимъ зачтены были тамъ четыре семестра, обратились къ нему за разъясненіемъ: слѣдуетъ ли имъ за первые два курса писать сочиненія? Имѣя въ виду, что студенты эти писали уже сочиненія въ Университетѣ, *Опредѣлили*: Всѣхъ перешедшихъ изъ Университетовъ въ студенты Лицея освободить отъ подачи вновь сочиненій въ Лицеѣ такимъ образомъ: коимъ зачтено два семестра отъ сочиненій за 1 курсъ, коимъ 4 семестра за 1 и 2 курсы. Кромѣ того освободить отъ подачи новаго сочиненія тѣхъ изъ студентовъ Лицея, кои на нынѣшній учебный годъ оставлены на томъ же курсѣ, если въ истекшемъ учебномъ году таковыя ими были поданы и признаны удовлетворительными.

14. Г. Директоръ Лицея заявилъ Совѣту, что докторъ медицины *И. А. Кошкаровъ* изъявилъ готовность безвозмездно читать студентамъ Лицея курсъ судебной медицины. Признавая знакомство будущихъ юристовъ съ судебной медициною весьма желательнымъ и полезнымъ, *Опредѣлили*: Просить г. Кошкарова прочесть предварительно въ присутствіи Совѣта въ Воскресенье 29 ноября вступительную по этому предмету лекцію, публично.

15. Г. Директоръ Лицея заявилъ Совѣту, что въ

число студентовъ имъ приняты на 1 курсъ бывшіе студенты Московскаго Университета: *Абдуловъ* Николай, *Вишняковъ* Александръ, *Жариковъ-Красовскій* Дмитрій, *Киринъ* Алексѣй, *Легейда* Николай, *Ледницкій* Александръ, *Московенковъ* Николай, *Ружицкій* Тадеушъ, *Рѣпниковъ* Александръ, *Талапинъ* Валентинъ и *Шереметевъ* Николай и бывшій студентъ Казанскаго Университета *Петропавловскій* Леонидъ; при чемъ Петропавловскій помѣщенъ въ интернатъ Лицея. *Опредѣлили*: Принять къ свѣдѣнію.

16. Г. Директоръ заявилъ Совѣту, что *А. П. Синельникова*, при письмѣ на его имя, выслала изъ Петербурга для библіотеки Лицея нѣсколько цѣнныхъ книгъ по археологіи. Книги эти г. Директоромъ переданы въ библіотеку Лицея. *Опредѣлили*: Благодарить отъ имени Совѣта А. П. Синельникову за высланныя ею книги.

1887 года ноября 29 дня, въ экстраординарномъ засѣданіи Совѣта Лицея, подъ предсѣдательствомъ Директора заслуженнаго ординарнаго профессора *С. М. Шпилевскаго*, *присутствовали:* ординарный профессоръ *Л. С. Бѣлогрицъ-Котляревскій*, Профессоръ Богословія *А. П. Лавровъ*, испр. долж. экстраординарнаго профессора *В. Г. Щегловъ* и приватъ-доценты: *А. Е. Минервинъ*, *В. Ф. Левитскій* и *А. Ф. Зачинскій*.

Согласно опредѣленію Совѣта отъ 11-го сего ноября, докторъ медицины *И. А. Кошкаровъ* прочелъ сего числа публично пробную лекцію по судебной медицинѣ: „Означеніи судебной медицины для юристовъ“. Обсудивъ достоинство этой лекціи и признавъ ее удовлетворительною, Совѣтъ *Опредѣлилъ*: Просить разрѣшенія г. Попечителя Московскаго учебнаго округа о дoз-

воленіи г. Кошкарову читать студентамъ Лицея безвозмездно необязательный курсъ лекцій по судебной медицинѣ.

1887 года декабря 9 дня, въ засѣданіи Совѣта Лицея, подъ предсѣдательствомъ Директора заслуженнаго ординарнаго профессора *С. М. Шпилевскаго*, *присутствовали*: ординарные профессоры: *И. Т. Тарасовъ*, *А. А. Исаевъ*, *Л. С. Бѣлогрицъ-Котляревскій*, профессоръ Богословія *А. П. Лавровъ*, исправ. долж. экстраор. проф. *В. Г. Щегловъ*; испр. долж. доцента *М. А. Липинскій*, приватъ-доценты: *А. Е. Минервинъ*, *В. Ф. Левитскій*, князь *Е. Н. Трубецкой* и *А. Ф. Зачинскій*. *Неприсутствовали*: ординарн. профессоръ *Н. С. Суворовъ* и доцентъ *А. Е. Назимовъ* по нахожденію въ командировкѣ, испр. должность экстраординарн. проф. *А. Н. Лодыженскій* по болѣзни.

Слушали:

1. Чтеніе протокола прошедшаго засѣданія Совѣта и, подписавъ этотъ протоколъ, *Опредѣлили:* Представить оный г. Попечителю Московскаго учебнаго округа, для утвержденія къ напечатанію во Временникѣ Лицея.

2. Слѣдующее предложеніе г. Попечителя Московскаго учебнаго округа отъ 11 минувшаго ноября за № 12.039: „Вслѣдствіе представленія отъ 28 минувшаго октября за № 798, и по разсмотрѣніи всѣхъ обстоятельствъ дѣла по поводу втораго изданія брошюры ординарнаго профессора Лицея *Суворова* „О происхожденіи и развитіи русскаго раскола“, честь имѣю, не входя въ разборъ содержанія означенной брошюры, увѣдомить Совѣтъ Лицея, что при разрѣшеніи вопроса о помѣщеніи

той, или другой статьи во Временникѣ Лицея Совѣту принадлежитъ сужденіе о научныхъ достоинствахъ статьи, цензурованіе же статьи возложено § 8 инструкціи Директору Лицея на одного Директора. Въ настоящемъ случаѣ, отказавъ въ своемъ согласіи на напечатаніе во Временникѣ Лицея втораго изданія вышеупомянутой брошюры профессора Суворова, Директоръ поступилъ совершенно законно и вполнѣ основательно. По смыслу вышеупомянутаго § 8 инструкціи, Директору Лицея несомнѣнно принадлежитъ право цензурованія статей, не бывшихъ въ печати и предположенныхъ къ напечатанію во Временникѣ Лицея, но вмѣстѣ съ тѣмъ ему вовсе не предоставлено власти кассировать, или отмѣнять постановленіе какого бы то ни было цензурнаго учрежденія о запрещеніи напечатанія той или другой статьи, и относительно брошюры профессора Суворова Директоръ, узнавъ о постановленіи московскаго духовно-цензурнаго Комитета, куда брошюра была направлена вслѣдствіе того, что профессоръ Суворовъ предполагалъ въ началѣ напечатать второе изданіе означенной брошюры не во Временникѣ Лицея, не могъ и не въ правѣ былъ игнорировать это постановленіе. Съ другой стороны несомнѣнно и то, что настоящая цѣль изданія Временника заключается въ томъ, что бы давать преподавателямъ Лицея возможность печатать свои труды, которые при отсутствіи собственнаго лицейскаго изданія могли бы долго оставаться ненапечатанными, вовсе не въ томъ, чтобы содѣйствовать обходу закона напечатаніемъ статей, уже запрещенныхъ какимъ либо правительственнымъ цензурнымъ учрежденіемъ. На основаніи вышеизложеннаго я не могу не присоединиться къ отдѣльному мнѣнію, высказанному по настоящему дѣлу Директоромъ Шпилевскимъ, и нахожу вторичное печатаніе во Временникѣ

Лицея брошюры профессора Суворова „о происхожденіи и развитіи русскаго раскола“ безусловно не возможнымъ, тѣмъ болѣе, что въ цѣли Временника не можетъ входить вторичное печатаніе статей уже прежде напечатанныхъ. *Опредѣлили*: Принять къ свѣдѣнію.

3. Предложеніе г. Попечителя Московскаго учебнаго округа отъ 15 минувшаго ноября за № 12.108, коимъ даетъ знать, что представленіе о командированіи ординарнаго профессора Лицея *Суворова* съ ученою цѣлью въ С.-Петербургъ и Москву срокомъ на одинъ мѣсяцъ съ 20 ноября по 20 декабря сего года утверждено Г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія. *Опредѣлили*: Принять къ свѣдѣнію.

4. Предложеніе г. Попечителя Московскаго учебнаго округа отъ 17 минувшаго ноября, коимъ, во вниманіе къ ходатайству Лицея объ оставленіи кандидата юридическихъ наукъ Митрофана *Петрова* при Лицеѣ для приготовленія къ профессорскому званію, и вслѣдствіе прошенія о томъ самого Петрова, онъ опредѣляетъ его, Петрова, состоящимъ при Лицеѣ для приготовленія къ профессорскому званію по каѳедрѣ Финансоваго права безъ содержанія впредь до назначенія таковаго Г. Министромъ. *Опредѣлили*: Принять къ свѣдѣнію.

5. Слѣдующее заявленіе ординарнаго профессора Лицея *А. А. Исаева*: Кандидатъ правъ *М. П. Петровъ*, оставленный для приготовленія къ профессорскому званію по каѳедрѣ политической экономіи, находится въ очень стѣснительномъ матеріальномъ положеніи. А потому имѣю честь покорнѣйше просить Совѣтъ Лицея выдать г. Петрову изъ спеціальныхъ средствъ единовременное пособіе въ размѣрѣ 100 руб. Непрерывно слѣдя за занятіями г. Петрова, я считаю должнымъ довести до свѣдѣнія Совѣта Лицея, что онъ изучилъ системы Ад.

Смита, Рикардо, Дж. Ст. Милля, Рошера, Иванюкова по Политической экономіи и Вагнера, Штейна, Леруа-Болье, Лебедева—по наукѣ о Финансахъ, а сверхъ того познакомился со многими монографіями по вопросамъ о косвенныхъ податяхъ и мѣстномъ обложеніи. *Опредѣлили*: Выдать Петрову единовременно изъ спеціальныхъ средствъ Лицея сто рублей, для исполненія чего передать въ Правленіе Лицея копію съ настоящей статьи журнала.

6. Въ настоящемъ засѣданіи Совѣта слушались слѣдующіе отзывы о сочиненіяхъ, поданныхъ студентами на соисканіе премій: 1) Заслуженнаго ординарнаго профессора *С. М. Шпилевскаго*: „Студентъ IV курса *Гутманъ* подалъ работу на право получить премію, подъ заглавіемъ: „Псковскія лѣтописи, какъ матеріалъ для исторіи русскаго права". Гутманъ начинаетъ съ общей характеристики Псковскихъ лѣтописей, затѣмъ излагаетъ встрѣчавшіяся ему лѣтописные факты по слѣдующимъ отдѣламъ: отношенія народа къ князю, собственно о призваніи князей и торжественномъ посаженіи ихъ на княжество, положеніе духовенства, отношенія къ Пскову его пригородовъ, административное дѣленіе, населеніе и должности, здѣсь опять говорится о духовенствѣ, о попахъ, войскѣ и уголовномъ правѣ, но послѣдній отдѣлъ съ такимъ громкимъ названіемъ представляетъ только вычисленія лѣтописныхъ данныхъ, въ которыхъ говорится о смертной казни. Работа эта обнаруживаетъ особенную поспѣшность и желаніе написать извѣстное, значительное количество листовъ, всего написано 160 страницъ, впрочемъ разгонистаго письма. Цѣлыя страницы представляютъ только переписку въ хронологическомъ порядкѣ лѣтописныхъ данныхъ по извѣстному отдѣлу, потомъ авторъ даетъ нѣкоторыя объясненія къ представ-

ленным выпискамъ. При этомъ замѣтно, что объясняется, что вздумалось, обыкновенно, болѣе извѣстное, а многое, часто очень важное, остается безъ всякихъ объясненій; какой нибудь систематическій порядокъ въ объясненіяхъ замѣчается рѣдко. Очевидно, что авторъ не пользовался никакими изслѣдованіями по исторіи государственнаго и юридическаго строя, а ограничился только сырымъ матеріаломъ и все объясняетъ по собственному разуму. Необходимо замѣтить, что студентъ Гутманъ, не будучи русскаго происхожденія, оказывается очень хорошимъ знатокомъ русскаго языка, владѣетъ имъ очень бойко, постояно вноситъ въ свою рѣчь народныя поговорки, языкъ его отличается иногда излишнею образностію и народною простотою, не всегда пригодною въ учено-литературномъ изложеніи. Много, что можно было бы предполагать извѣстнымъ студенту 4 курса, Гутманъ объяснить не можетъ; старая терминологія ему совсѣмъ неизвѣстна, напр., онъ незнаетъ, что такое стягъ (знамя). Принимая во вниманіе, что Гутманъ не мало потрудился надъ чтеніемъ и посильнымъ ему объясненіемъ Псковскихъ лѣтописей, и то, что онъ обладаетъ, въ извѣстной степени, критическою способностію, я считаю возможнымъ вознаградить за эту работу премію въ 25 р.“.

2) Исправл. должность доцента *М. А. Липинскаго*: Сочиненіе студента 4 курса *Невскаго* „О судебныхъ доказательствахъ по уложенію царя Алексѣя Михайловича“ распадается на введеніе, гдѣ изложены вкратцѣ тѣ источники и литературныя пособія, которыми пользовался авторъ, и самое изложеніе различныхъ видовъ судебныхъ доказательствъ. Задавая для соисканія преміи тему, которую разработалъ г. Невскій, я имѣлъ въ виду главнымъ образомъ поощрить возможно полное изученіе важнѣйшаго памятника нашего древняго законодательства, при томъ

по такому вопросу, который весьма обстоятельно разработанъ въ этомъ памятникѣ. Г. Невскій не только болѣе чѣмъ удовлетворительно выполнилъ эту задачу, но далъ въ своемъ изслѣдованіи большее по поводу каждаго вопроса, такъ или иначе рѣшеннаго уложеніемъ, онъ дѣлаетъ историческія справки по памятникамъ болѣе древнимъ, предшествующимъ уложенію, при чемъ обнаруживаетъ и большую начитанность и большое умѣнье справляться съ источниками. Всѣ судебныя доказательства, на которыя мы находимъ указаніе въ уложеніи, разсматриваются авторомъ въ слѣдующемъ порядкѣ: признаніе, письменныя доказательства, свидѣтели и сохранившіеся въ уложеніи виды суда Божія—жребій и присяга, при чемъ авторъ начинаетъ свои изложенія съ послѣдней группы доказательствъ. Разсмотрѣвъ вкратцѣ постановленія уложенія о жребіѣ, авторъ подробно излагаетъ XIV главу уложенія, посвященную присягѣ и въ связи съ нею указъ 1678 г., въ которомъ развиты и дополнены постановленія уложенія, главнымъ образомъ относительно обрядовой стороны присяги. На послѣднюю авторъ, къ сожалѣнію, обратилъ больше вниманія, чѣмъ на другіе вопросы большей важности, не разъяснивъ историческаго происхожденія различныхъ ограниченій присяжныхъ показаній, а только перечисливъ ихъ. Послѣ присяги мы находимъ у автора весьма подробное и обстоятельное изложеніе признанія какъ судебнаго доказательства. Послѣ вполнѣ вѣрнаго теоретическаго опредѣленія признанія, авторъ слѣдитъ за всѣми узаконеніями, встрѣчающимися въ уложеніи относительно признанія и отмѣчаетъ характеристическія особенности этихъ узаконеній сравнительно съ послѣдующимъ правомъ. Многочисленныя постановленія уложенія о свидѣтельскихъ показаніяхъ и письменныхъ доказательствахъ сгруппированы авторомъ въ правильную систему

и изложены съ достаточною ясностію и точностію. Въ виду несомнѣнныхъ достоинствъ сочиненія г. Невскаго, студента, который еще со 2 курса извѣстенъ мнѣ своимъ трудолюбіемъ, я прошу Совѣтъ опредѣлить ему большую премію, въ 50 р. *Опредѣлили:* Удостоить студента Невскаго большой преміи, размѣръ которой назначить *пятьдесятъ рублей*, а студента Гутмана малой преміи, назначивъ размѣръ оной *двадцать пять рублей*; для исполненія же сего постановленія копію съ настоящей статьи журнала передать въ Правленіе Лицея.

7. Окончившіе въ 1887 г. курсъ въ Лицеѣ съ званіемъ дѣйствительнаго студента и съ правомъ на полученіе степени кандидата по представленіи диссертацій: *Поповъ* Константинъ, *Чоловскій* Михаилъ и *Смирновъ* Александръ представили своевременно сочиненія: первый „Имущественныя отношенія супруговъ по древне-русскому праву“, второй „Сравненіе статей, относящихся къ уголовному праву, по краткой и пространной редакціи Русской правды“ и третій, „Ученіе объ участіи адвокатуры въ предварительномъ слѣдствіи“. Сочиненія эти, по опредѣленіямъ Совѣта, переданы были два первыхъ Директору *С. М. Шпилевскому*, а послѣднее приватъ-доценту *А. Ф. Зачинскому* для прочтенія и доставленія въ Совѣтъ отзывовъ о нихъ. По выслушаніи въ настоящемъ засѣданіи отзывовъ о помянутыхъ сочиненіяхъ, *Опредѣлили:* Утвердить Попова, Чоловскаго и Смирнова въ степени кандидата юридическихъ наукъ и выдать имъ надлежащіе о томъ аттестаты и по экземпляру судебныхъ уставовъ; отзывы же о сочиненіяхъ ихъ напечатать во Временникѣ Лицея.

8. Письмо Редакціи Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстій отъ 4 сего декабря за № 1374, которымъ предлагаетъ обмѣнъ изданіями въ 1888 году и въ случаѣ сог-

ласія напечатать во Временникѣ Лицея приложенное при письмѣ объявленіе. *Опредѣлили:* Обмѣнъ изданій продолжать; объявленіе Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстій напечатать во Временникѣ, прося редакцію Извѣстій напечатать объявленіе объ изданіи Временника и Юридической Библіографіи.

9. Прошеніе кандидата юридическихъ наукъ *И. Гурвича* о выдачѣ ему представленнаго въ Совѣтъ Лицея для полученія степени кандидата юридическихъ наукъ рукописной диссертаціи, которую онъ обязуется замѣнить по отпечатаніи печатнымъ экземпляромъ. *Опредѣлили*: Выдать принадлежащую г. Гурвичу диссертацію по его довѣренности студенту *Лейнвандгендлеру*.

10. Окончившіе курсъ въ Лицеѣ въ настоящемъ году съ званіемъ дѣйствительнаго студента и съ правомъ на полученіе степени кандидата по представленіи диссертацій *Покровскій* Иванъ и *Агаѳоновъ* Николай представили диссертаціи: первый „Послѣдствія субъективнаго соединенія исковъ“, а второй „Торговое право въ древней Руси“. *Опредѣлили:* Передать эти сочиненія для прочтенія и доставленія въ Совѣтъ отзывовъ о нихъ Покровскаго испр. долж. доцента *Липинскому*, а Агаѳонова ординарному профессору *Тарасову*.

11. Секретарь Совѣта доложилъ, что г. Директоромъ вновь приняты въ число студентовъ Лицея на 1-й курсъ бывшіе студенты Московскаго Университета: Иванъ *Даниловъ* и Петръ *Кожевниковъ* и исключенъ изъ студентовъ 1-го курса Лицея, согласно распоряженію Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, Мордко Эйбергъ. *Опредѣлили*: Принять къ свѣдѣнію.

12. По разсмотрѣніи въ настоящемъ засѣданіи Совѣта доставленнаго въ оный библіотекаремъ списка русскихъ и иностранныхъ журналовъ и газетъ, *Опредѣлили*:

Выписать на будущій годъ журналы и газеты по составленному списку.

13. Ординарный профессоръ Лицея *А. А. Исаевъ* просилъ занести въ формулярный о его службѣ списокъ время состоянія его стипендіатомъ для приготовленія къ профессорскому званію при С.-Петербургскомъ Университетѣ до назначенія его въ 1879 г. въ Лицей. *Опредѣлили*: Просить г. Ректора Императорскаго С.-Петербургскаго университета увѣдомить Совѣтъ съ какого и по какое время состоялъ г. Исаевъ стипендіатомъ при университетѣ.

14. Г. Директоръ Лицея заявилъ Совѣту, что въ истекшемъ ноябрѣ мѣсяцѣ гг. профессорами и преподавателями Лицея прочитано и пропущено слѣдующее число лекцій:

		Прочитано	Пропущено.
Заслужен. орд. проф.	С. М. Шпилевскимъ	12	8
Ордин. профессорами:	И. Т. Тарасовымъ.	30	0
	А. А. Исаевымъ.	22	0
	Н. С. Суворовымъ	25	0
	Л. С. Бѣлогрицъ-Котляревскимъ	16	2
Испр. д. экстр. проф.	А. Н. Лодыженскимъ	0	12
	В. Г. Щегловымъ.	18	0
Профессор. Богословія	А. П. Лавровымъ.	10	0
Испр. долж. доцента	М. А. Липинскимъ.	24	3
Приватъ-доцентами:	А. Е. Минервинымъ	26	0
	В. Ф. Левитскимъ.	10	0
	княземъ Е. Н. Трубецкимъ.	8	0
	А. Ф. Зачинскимъ	12	0
	Итого.	213	25

Показанное количество лекцій пропущено: *С. М. Шпилевскимъ*, *А. Н. Лодыженскимъ* и *М. А. Липинскимъ* по болѣзни, а *Л. С. Бѣлогриць-Котляревскимъ* по нахожденію въ отпуску. *Опредѣлили*: Записать объ этомъ въ журналъ.

15. Ординарный профессоръ Лицея *А. А. Исаевъ* заявилъ Совѣту, что для библіотеки Лицея желательно было бы имѣть „Вѣстникъ финансовъ, промышленности и торговли“ за 1886 годъ, такъ какъ журналъ этотъ высылался въ Лицей Министерствомъ Финансовъ въ предъидущіе и въ 1887 году. *Опредѣлили:* Просить, чрезъ г. Попечителя Московскаго учебнаго округа, Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, не найдетъ ли Его Высокопревосходительство возможнымъ войти въ сношеніе съ г. Министромъ Финансовъ о доставленіи упомянутаго изданія въ библіотеку Лицея.

16. Г. Директоръ заявилъ о необходимости измѣнить § 5 инструкціи преподавателямъ Лицея, въ которомъ указано обязательное въ недѣлю число часовъ преподаванія. *Опредѣлили*: Для составленія проэкта новой редакціи § 5 инструкціи избрать коммиссію, въ которую и избраны *С. М. Шпилевскій*, *И. Т. Тарасовъ* и *М. А. Липинскій*.

1887 года декабря 16 дня, въ экстраорд. засѣданіи Совѣта Лицея, подъ предсѣдательствомъ Директора Заслуженнаго ординарнаго профессора *С. М. Шпилевскаго*, *присутствовали*: ординарный профессоръ *А. А. Исаевъ*, Профессоръ Богословія *А. П. Лавровъ*, испр. должность экстраординарныхъ профессоровъ *В. Г. Щегловъ* и *А. Н. Лодыженскій*, испр. долж. доцента *М. А. Липинскій* и приватъ-доцентъ *А. Е. Минервинъ*.

Слушали:

Отношеніе Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, отъ 8 сего декабря за № 1255, которымъ проситъ принять участіе въ занятіяхъ предварительнаго Комитета для выработки программы VIII Археологическаго Съѣзда въ Москвѣ и съ этой цѣлью избрать изъ среды своей депутатовъ, которыхъ Общество приглашаетъ на засѣданіе предварительнаго Комитета 4 января 1888 года въ Москву. *Опредѣлили:* Просить быть депутатами на предварительномъ съѣздѣ г. Директора Лицея *С. М. Шпилевскаго* и испр. долж. доцента *М. А. Липинскаго*, на что они и изъявили свое согласіе; на путевые же расходы по поѣздкѣ ихъ въ Москву выдать каждому по семидесяти пяти рублей изъ спеціальныхъ средствъ Лицея счетъ 2-й (сумма сбора за слушаніе лекцій).

(Приложеніе къ журналу 9 декабря № 7).

ОТЗЫВЪ

заслуженнаго ординарнаго профессора, директора Лицея, С. Шпилевскаго о кандидатской диссертаціи студента К. Попова.

Дѣйствительный студентъ Лицея К. Поповъ, для полученія степени кандидата, представилъ диссертацію подъ заглавіемъ „Имущественныя отношенія супруговъ по древне-русскому праву“. Трудъ г. Попова представляется весьма почтеннаго объема (104 страницы убористаго письма) и дѣлится на два отдѣла: пері дъ язычества и періодъ христіанства. Въ первый отдѣлъ входятъ три главы: о формахъ брака у древнихъ Славянъ-Русовъ, о явленіяхъ, характеризующихъ ничтожное положеніе женщинъ и о взаимныхъ отношеніяхъ супруговъ. Вто-

рой отдѣлъ распадается на слѣдующія три главы: критика ученій о раздѣльности имущества супруговъ, имущественныя отношенія супруговъ во время брака и имущественныя отношенія супруговъ послѣ брака. Нельзя не признать очень большой начитанности автора, обширнаго знакомства его съ первоначальными источниками и литературою предмета. Украшеніемъ труда г. Попова я признаю изученіе имъ Литовскаго статута и сравненіе древняго права съ современными обычаями великороссійскими и малороссійскими, послѣднее на основаніи изслѣдованія по обычному праву Ефименко и по сборнику Чубинскаго. Результатомъ своего изслѣдованія г. Поповъ ставитъ слѣдующее положеніе: „Во время брака субъектомъ семейнаго имущества была супружеская пара, т. е. господствовала система имущественной общности. Но съ прекращеніемъ брака выступаетъ физическое лицо съ единичной, самоличной волей, т. е. наступаетъ моментъ раздѣльности. Слѣдовательно въ отношеніяхъ супруговъ по имуществу у Славянъ лежитъ не принципъ раздѣльности, какъ думаетъ Неволинъ, а система двойственности“. Диссертацію г. Попова должно поставить выше простой компиляціи, ко многимъ вопросамъ г. Поповъ старается относиться самостоятельно и представляетъ опроверженія нѣкоторыхъ выводовъ, сдѣланныхъ учеными, писавшими по затрагиваемымъ имъ вопросамъ. Онъ возражаетъ Неволину, Кавелину, Цитовичу, Алексѣеву, мнѣ и другимъ; при этихъ опроверженіяхъ онъ не пользуется только мнѣніемъ одного ученаго противъ другаго, но исходитъ и отъ собственныхъ соображеній. Съ нѣкоторыми выводами и положеніями автора согласиться нельзя, напр. съ отрицаніемъ его существованія въ періодъ Русской Правды частной поземельной собственности, но этотъ вопросъ не составляетъ предмета спеціальнаго его изу-

ченія; нельзя признать вѣрнымъ и нѣкоторыя положенія, относящіяся прямо къ избранному авторомъ предмету, но при этомъ лучшимъ оправданіемъ автора могутъ служить слова почтеннаго знатока древняго русскаго права, профессора Владимірскаго-Буданова, который говоритъ въ своемъ учебникѣ (выпускъ II, стр. 128), что „для древнѣйшаго времени у насъ нѣтъ средствъ разрѣшить вопросъ объ имущественныхъ отношеніяхъ супруговъ съ научною точностію".

Трудъ г. Попова мнѣ представляется по своимъ достоинствамъ выходящимъ изъ ряда обыкновенныхъ кандидатскихъ работъ и, слѣдовательно, вполнѣ удовлетворительнымъ для признанія за г. Поповымъ степени кандидата.

С. Шпилевскій.

ОТЗЫВЪ

заслуженнаго ординарнаго профессора, директора Лицея, С. Шпилевскаго о кандидатской диссертаціи студента Чоловскаго.

Для полученія степени кандидата дѣйствительный студентъ Чоловскій представилъ диссертацію подъ заглавіемъ „Сравненіе статей, относящихся къ уголовному праву, по краткой и пространной редакціи Русской Правды". Задачею своего труда г. Чоловскій ставитъ прослѣдить развитіе началъ древняго русскаго уголовнаго права путемъ сравненія статей двухъ редакцій Русской Правды, древнѣйшей и болѣе новой. Это сравненіе представляется по отдѣламъ уголовнаго права, по группамъ статей, относящихся къ преступленіямъ противъ жизни, тѣлесной неприкосновенности, чести и имущества. Задачу свою г. Чоловскій исполняетъ добросовѣстно, онъ

хорошо изучилъ текстъ Русской правды и познакомился съ важнѣйшими трудами, относящимися къ уголовному праву Русской Правды (Поповъ, Ланге, Чебышевъ-Дмитріевъ, Мрочекъ-Дроздовскій); указываются разные виды преступленій и наказанія за нихъ; замѣчаются дополненія и измѣненія постановленій краткой редакціи въ подробной; обращается вниманіе и на другіе разные вопросы уголовнаго права; напр., относительно вмѣненія, о степени проявленія преступной воли, о покушеніи, о коллективномъ совершеніи преступленій, о необходимой оборонѣ и пр. Я не могу согласиться съ основными противоположеніями краткой редакціи подробной, что въ первой преступленія, будто бы, имѣютъ значеніе только частное а не общественное, что этимъ же характеромъ отличаются въ краткой редакціи и наказанія, слѣдовательно, напр. 40 гривенное взысканіе за убійство не княжеская вира, а частное вознагражденіе и т. д. Авторъ, къ сожалѣнію, не воспользовался нѣкоторыми изслѣдованіями нашихъ ученыхъ, очень важными для пониманія началъ уголовнаго права Русской Правды и взаимнаго отношенія разныхъ редакцій этого памятника. (Власьевъ „О вмѣненіи“, Дювернуа „Источники права и судъ въ древней Россіи“ и пр.). Было бы желательно болѣе подробное сравненіе однородныхъ по содержанію статей разныхъ редакцій, но и сдѣланнаго авторомъ я считаю достаточнымъ для признанія его достойнымъ степени кандидата.

С. Шпилевскій.

ОТЗЫВЪ

о кандидатскомъ разсужденіи Александра Смирнова „Ученіе объ участіи адвокатуры въ предварительномъ слѣдствіи".

Сочиненіе г. Смирнова состоитъ изъ введенія и двухъ частей. Во введеніи авторъ даетъ краткую характеристику основныхъ формъ уголовнаго судопроизводства — обвинительной и слѣдственной, и въ связи съ этимъ разсматриваетъ вопросъ о юридическомъ положеніи адвокатуры въ уголовномъ процессѣ. За тѣмъ, въ первой части излагаются возраженія противъ допущенія защиты на предварительномъ слѣдствіи. По отправнымъ ихъ точкамъ они сведены авторомъ къ слѣдующимъ категоріямъ: возраженія, основанныя на отрицательныхъ сторонахъ дѣятельности профессіональной защиты, на необходимости негласнаго порядка производства слѣдствія, на достаточности гарантій, содержащихся въ современномъ его построеніи, и наконецъ — на второстепенномъ значеніи слѣдствія для суда. Опроверженію и критикѣ этихъ положеній посвящена вторая часть разсужденія. Источникъ перваго возраженія авторъ видитъ въ неправильномъ пониманіи задачъ защиты и, усматривая въ организаціи адвокатуры вполнѣ дѣйствительную гарантію противъ злоупотребленій со стороны защитниковъ, признаетъ рѣшительно не основательными тѣ опасенія, которыя высказываются по поводу предлагаемаго допущенія адвокатуры къ участію въ предварительномъ слѣдствіи. Далѣе, по мнѣнію автора, положеніе о необходимости тайны предварительнаго слѣдствія не можетъ быть признано правильнымъ въ силу того, что предполагаемый защитниками этого взгляда вредъ отъ гласности сторонъ не подтверждается положительными данными. Разсмотрѣвъ

затѣмъ дѣйствующее законодательство объ организаціи предварительнаго слѣдствія, г. Смирновъ убѣждается въ существованіи въ ней пробѣла—въ смыслѣ недостаточной охраны интересовъ обвиняемаго, такъ какъ означенная процессуальная функція не можетъ быть выполнена существующими слѣдственными органами—судебнымъ слѣдователемъ и прокурорскимъ надзоромъ, не можетъ быть осуществлена самимъ обвиняемымъ и надлежащимъ образомъ обезпечена установленными для этой цѣли формами и обрядами, какъ то правомъ обжалованія, формальными условіями протоколовъ, присутствіемъ понятыхъ при важнѣйшихъ слѣдственныхъ дѣйствіяхъ и обрядами преданія суду. Не соглашаясь, наконецъ, со взглядомъ на значеніе слѣдствія въ обвинительномъ судопроизводствѣ въ его современномъ построеніи, авторъ указываетъ на то сильное вліяніе, которое можетъ оказать на судебное разбирательство и его исходъ эта предварительная, подготовляющая для судебнаго слѣдствія матеріалъ, стадія производства уголовнаго дѣла,—чѣмъ, по мнѣнію автора, вызывается настоятельная необходимость усиленія гарантій интересовъ обвиняемаго уже и въ этомъ періодѣ разбирательства. Всѣ указанныя соображенія приводятъ г. Смирнова къ заключенію о призрачности тѣхъ опасностей, которыя будто бы угрожаютъ правосудію отъ признанія за обвиняемымъ права на защиту въ предварительномъ слѣдственномъ производствѣ. Не усматривая поэтому въ нихъ препятствія для желаемаго авторомъ преобразованія, онъ сверхъ того приводитъ и положительные аргументы въ пользу защиты допущенія съ самаго начала возбужденія уголовнаго преслѣдованія, доказывая, что такой порядокъ вытекаетъ изъ начала равенства сторонъ и принесетъ несомнѣнную пользу, способствуя наилучшему осуществленію задачъ государствен-

наго обвиненія и вообще уголовнаго правосудія, —причемъ подробно излагаетъ ученіе Ф. Каррара объ этомъ предметѣ, не соглашаясь впрочемъ съ его предложеніемъ объ учрежденіи трибунала защиты. Разсужденіе оканчивается бѣглою характеристикою положенія защиты по французскому и англійскому законодательству о предварительномъ производствѣ, и указываются преимущества послѣдняго, какъ наиболѣе соотвѣтствующаго требованіямъ правильной организаціи уголовнаго судопроизводства.

Главный недостатокъ разсматриваемаго сочиненія состоитъ въ недостаточномъ усвоеніи авторомъ мысли, что предлагаемая имъ поправка въ построеніи предварительнаго слѣдствія неизбѣжно ведетъ къ коренному преобразованію его въ цѣломъ, къ радикальному измѣненію задачъ предварительнаго слѣдствія и дознанія, чѣмъ въ свою очередь обусловливается отличное отъ современнаго процессуальное положеніе слѣдственныхъ органовъ, и пр. Благодаря этому, нѣкоторыя доводы автора теряютъ въ своей убѣдительности. Съ другой стороны, въ разсужденіи замѣчается мѣстами не вполнѣ сознательное отношеніе автора къ прочитанному. Отсюда—нѣкоторыя противорѣчія во взгладахъ, напр. въ одномъ мѣстѣ признается тождество задачъ защиты и обвиненія, въ другомъ—ихъ противоположность. Очевидно, встрѣтивши при изученіи литературы предмета то и другое мнѣніе, авторъ воспользовался ими, недостаточно уяснивъ себѣ различіе между высшею этическою задачею защиты, какъ уголовно-процессуальнаго института, и задачами ея дѣятельности въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Взглядъ автора на назначеніе предварительнаго производства въ состязательномъ процессѣ неправиленъ. Но недостатки сочиненія зависятъ главнымъ образомъ отъ незнакомства съ иностранною литературою; матеріалъ же, содержащійся въ

русской литературѣ, утилизированъ съ достаточной полнотой и умѣньемъ, изложеніе ясно и правильно, трудолюбіе автора несомнѣнно. Въ виду этого, разсужденіе можетъ быть признано удовлетворительнымъ—и прошу Совѣтъ признать г. Смирнова достойнымъ искомой степени кандидата правъ.

Приватъ-доцентъ *А. Зачинскій.*

Приложеніе къ журналу Совѣта 13 сентября 1886.

ОТЗЫВЪ

о кандидатскомъ разсужденіи окончившаго курсъ Лицея г. Проценко.

Разсужденіе г. Проценко посвящено вопросу о вооруженномъ нейтралитетѣ. Первую часть его составляетъ введеніе, очень обширное, трактующее объ общеніи между людьми, объ общественномъ сознаніи, о необходимости права, объ условіяхъ международнаго быта и т. п. общихъ вопросахъ. Введеніе отличается неточностью терминологіи, туманностью изложенія и стоитъ внѣ органической связи съ дѣльнѣйшими отдѣлами.

Гораздо основательнѣе вторая часть сочиненія. Здѣсь авторъ выясняетъ юридическое значеніе вооруженныхъ нейтралитетовъ въ международной жизни и даетъ краткій, но обстоятельный очеркъ исторіи этого института, останавливаясь главнымъ образомъ на вооруженномъ нейтралитетѣ 1780 г.

Во вниманіе къ достоинствамъ главной части разсужденія, *я полагалъ бы,* не смотря на слабость введенія къ нему, *признать автора его достойнымъ степени кандидата.*

Испр. д. экстраорд. профессора *А. Лодыженскій.*

(Къ журналу 7 февраля 1887 г. № 11).

Въ Совѣтъ Демидовскаго Юридическаго Лицея.

ОТЗЫВЪ

о соч. „Основаніе вмѣненія", представленномъ дѣйствительнымъ студентомъ Владиміромъ Архангельскимъ на степень кандидата

Сочиненіе Владиміра Архангельскаго распадается на четыре части: 1) Введеніе, въ которомъ предлагается опредѣленіе смысла темы и значенія терминовъ; 2) Общая часть, въ которой излагаются факторы психической дѣятельности человѣка съ краткимъ анализомъ самаго процесса послѣдней, а также—ученія о свободѣ воли; 3) Особенная часть, посвященная ближайшему и болѣе частному анализу психическаго процесса у человѣка; и 4) заключеніе, представляющее конечные выводы всего разсужденія. Такова система сочиненія г. Архангельскаго, неудовлетворительная въ томъ отношеніи, что раздѣленіе изложенія на общую и особенную части представляется несомнѣнно искуственнымъ, что и заставило автора часто повторяться. Кромѣ этого недостатка, работа г. Архангельскаго представляетъ важный промахъ и въ томъ отношеніи, что не заключаетъ въ себѣ, вслѣдъ за изложеніемъ ученій о свободѣ воли, критики послѣднихъ или по крайней мѣрѣ такой постановки взгляда автора, которая способна была бы опредѣлить его отношеніе къ названнымъ ученіямъ. Все изслѣдованіе основанія вмѣненія построено авторомъ на чисто психологической методѣ, а потому и оставляетъ безъ отвѣта какъ этотъ существенный вопросъ въ ученіи о вмѣненіи, такъ и другой, тѣсно съ нимъ связанный,—о тождествѣ или нетожде-

ствѣ закона причинности въ мірѣ нравственныхъ и физическихъ явленій.

Не смотря на эти и нѣкоторые другіе менѣе важные недостатки, соч. г. Архангельскаго представляетъ добросовѣстную и весьма интересную работу по данному вопросу, исполненную въ границахъ избраннаго авторомъ метода съ полнымъ для кандидатскаго разсужденія успѣхомъ, изобличающемъ въ немъ достаточно развитой философски умъ, подготовленный и къ самостоятельнымъ изслѣдованіямъ въ этомъ направленіи.

Испр. д. экстраорд. профессора *Бѣлогрицъ-Котляревскій.*

(*Къ журналу 14 марта 1887 г. № 6*).

Въ Совѣтъ Демидовскаго Юридическаго Лицея.

ОТЗЫВЪ

о соч. „Сводъ критическихъ замѣчаній на проэктъ общей части новаго уголовнаго уложенія“, представленномъ Семеномъ Срѣтенскимъ на степень кандидата.

Семенъ Срѣтенскій поставилъ себѣ задачей—свести въ одно цѣлое различныя критическія замѣчанія на проэктъ общей части новаго уложенія о наказаніяхъ, распредѣливъ ихъ по соотвѣтственнымъ рубрикамъ. Эту весьма почтенную и столь же нелегкую задачу—въ виду главнымъ образомъ крайней разбросанности и отрывочности матеріала—авторъ выполнилъ не безъ успѣха; ему удалось массу разнообразнѣйшихъ замѣчаній, появившихся на русскомъ языкѣ, въ сжатомъ, но болѣе или менѣе точномъ изложеніи свести во едино, въ извѣстную систему, не чуждую основной идеи, но, разумѣется, не спо-

собную претендовать на научное значеніе. Крупнѣйшій ея недостатокъ заключается въ томъ, что ученіе о причинахъ, уничтожающихъ противозаконность дѣянія помѣщено въ совершенно не соотвѣтственной рубрикѣ: субъекты уголовно-юридическаго отношенія; затѣмъ тамъ же совершенно неумѣстно помѣщено ученіе объ уголовномъ законѣ. Не смотря однако на эти и другія недостатки, работа Срѣтенскаго свидѣтельствуетъ столько же о привычкѣ къ усидчивому труду, сколько и о способности болѣе или менѣе развитаго юридическаго мышленія. Поэтому я полагалъ бы возможнымъ удостоить автора искомой степени.

Ординарный профессоръ *Л. Бѣлогрицъ-Котляревскій.*

(Къ журналу Совѣта 14 марта 1887 г. № 8).

ОТЗЫВЪ

о сочиненіи дѣйствительнаго студента г. Митрофана Петрова „Хозяйство органовъ самоуправленія. Часть 1-я. Земскіе доходы", представленномъ для полученія степени кандидата правъ.

Обширный трудъ г. Петрова распадается на двѣ части. Въ 1-й авторъ даетъ теоретическій очеркъ хозяйства органовъ самоуправленія, во 2-й—онъ знакомитъ насъ съ тѣми доходами русскихъ земствъ, которыя онъ извлекаетъ изъ своего частнаго хозяйства.

Отмѣтивъ недостаточность теоретическаго изслѣдованія хозяйства единицъ самоуправленія, авторъ знакомитъ съ воззрѣніями на хозяйство, господствующими въ литературѣ. Оцѣнивая мнѣніе высказанное Л. Ф. Штейномъ, Рейценштейномъ, Вагнеромъ, проф. Лебедевымъ и

другими, авторъ не соглашается съ положеніемъ, что необходима особая самостоятельная наука о хозяйствѣ мѣстныхъ самоуправляющихся единицъ. Кругъ задачъ и расходовъ этихъ единицъ показываетъ, что нѣтъ никакихъ прирожденныхъ этимъ единицамъ задачъ и расходовъ и что они рѣшаютъ нѣкоторые изъ государственныхъ задачъ. Въ ученіи о налогахъ въ сферѣ мѣстнаго управленія авторъ останавливается на оцѣнкѣ двухъ началъ—услуги и возмездія—на которыхъ зиждется податная обязанность гражданъ, подробно разбираетъ воззрѣнія Гнейста, Вагнера, Гельда, Билинскаго, Фаухера, Брауна и останавливается даже на контроверзахъ чисто литературнаго свойства. Глава заканчивается проведеніемъ принципа всеобщности въ податныхъ системахъ мѣстныхъ единицъ.

Вторая часть состоитъ изъ 5 главъ, она является только началомъ обширнаго труда о хозяйствѣ русскихъ земствъ и содержитъ обозрѣніе земскихъ частно-хозяйственныхъ доходовъ.—Среди земскихъ промышленныхъ предпріятій самое видное мѣсто занимаютъ типографіи и нѣкоторыя ремесленныя мастерскія. Фабрики, заводы и минеральныя копи не привились въ земскомъ хозяйствѣ и составляютъ только исключеніе. Среди торговыхъ операцій авторъ отмѣчаетъ подрядъ съ казной по содержанію почтовыхъ станцій, продажу пороха и игральныхъ картъ. Всего долѣе авторъ останавливается на разсмотрѣніи дѣятельности земскихъ книжныхъ складовъ, аптекъ, и торгово-промышленныхъ музеевъ и отмѣчаетъ тѣ законодательные акты, которые содѣйствовали развитію этихъ учрежденій. Особая глава посвящена обозрѣнію земскихъ кредитныхъ операцій, которыя авторъ дѣлитъ на 3 категоріи: 1) для поддержанія крупнаго землевладѣнія и промышленности, 2) взаимнаго кредита, 3) для поддер-

жанія крестьянскаго хозяйства. Наиболѣе подробно изслѣдованы ссудосберегательныя товарищества, которыя авторъ считаетъ непригодными для крестьянскаго хозяйства. Кредитованіе артелей также оказалось убыточнымъ. Изученіе дѣятельности крестьянскаго банка приводитъ автора къ заключенію, что банкъ имѣетъ много недостатковъ; нѣкоторые изъ нихъ могли бы быть устранены съ передачей операцій банка въ вѣдѣніе земства. Въ послѣдней главѣ мы находимъ свѣдѣнія о поземельной собственности земствъ; эта собственность незначительна. Указавъ на ходатайства различныхъ земствъ продать или сдать въ аренду участки казенной земли, г. Петровъ считаетъ полезнымъ передать эксплуатацію государственныхъ земель въ вѣдѣніе земскихъ учрежденій.

Какъ на недостатки работы, я укажу на нѣкоторую раскинутость, именно въ первой части, повторенія и, мѣстами, шероховатость слога.

Но эти недостатки съ избыткомъ выкупаются крупными достоинствами сочиненія. Г. Петровъ съ большой основательностью изучилъ обширную литературу по вопросу объ управленіи и отнесся къ господствующимъ воззрѣніямъ вполнѣ самостоятельно.—Вторая же часть представляетъ явленіе совершенно новое, неизвѣстное нашей литературѣ. На основаніи огромнаго матеріала—статистическихъ сборниковъ, журналовъ собраній, докладовъ и отчетовъ управъ—воспроизведены картины дѣятельности многихъ десятковъ земствъ въ той области финансовъ, за которой наука упрочила названіе частнаго хозяйства государства.

Крупныя и выходящія изъ ряда вонъ достоинства работы заставляютъ меня просить Совѣтъ Демидовскаго Юридическаго Лицея не только утвердить г. Петрова въ степени кандидата правъ, но и разрѣшить, по ис-

правленіи нѣкоторыхъ частностей, напечатать его трудъ во Временникѣ Лицея.

Съ тѣмъ вмѣстѣ я считаю долгомъ ходатайствовать, чтобы Совѣтъ Лицея принялъ мѣры для оставленія г. Петрова, столь успѣшно прошедшаго курсъ юридическихъ наукъ и заявившаго настоящимъ сочиненіемъ о своей способности къ состоятельной работѣ, по каѳедрѣ политической экономіи, для приготовленія къ профессорскому званію, съ выдачею ему въ теченіи 2 лѣтъ стипендіи по 600 рублей въ годъ.

Ординарный профессоръ *А. Исаевъ*.

ОТЧЕТЪ

Правленія Попечительства о недостаточныхъ студентахъ Демидовскаго Юридическаго Лицея

Съ 1-го Іюля 1887-го года по 1-е Іюля 1888-го года.

Уставъ Попечительства о недостаточныхъ студентахъ Демидовскаго Юридическаго Лицея въ Ярославлѣ, начавшій свои дѣйствія съ іюля 1871 года, утвержденъ Высочайшей властью 28 апрѣля 1871 года.

Средства Попечительства, по утвержденнымъ о немъ г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія правиламъ, составляются изъ ежегодныхъ взносовъ членовъ; кромѣ того предоставлено Попечительству устраивать публичныя лекціи, концерты и спектакли. Членами почетными, оказавшими особыя услуги, или дѣйствительными, могутъ быть совершеннолѣтнія лица обоего пола, всѣхъ званій и состояній. Почетныхъ членовъ къ концу отчетнаго года состоитъ 52, а дѣйствительныхъ, внесшихъ въ годъ не менѣе 5 рублей,—17; въ предъидущихъ же годахъ дѣйствительныхъ членовъ было: 99, 102, 76, 83, 72, 54, 74, 60, 74, 65, 52, 45, 22, 24, 21 и 30. Въ суммѣ пожертвованій дѣйствительныхъ членовъ видное мѣсто занимаютъ, какъ и слѣдуетъ ожидать, взносы бывшихъ студентовъ юридическаго лицея.

Случайные доходы попечительства ограничились сборомъ съ публичныхъ лекцій проф. Н. С. Суворова и И. Т. Тарасова, съ спектакля и вечера съ концертомъ.

Постоянныхъ пособій поступило: отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 300 руб., отъ Ярославской городской думы 100 руб. и отъ Ярославскихъ земствъ: губернскаго 50 р. и уѣзднаго 100 р. Процентовъ съ капитала попечительства, состоящаго къ концу отчетнаго года въ 10550 р., получено было 568 р. 20 к.

Пособія студентамъ выдавались въ размѣрѣ, смотря по состоянію кассы и дѣйствительной бѣдности, отъ 3 до 10 р. въ мѣсяцъ. Уплатой за слушаніе лекцій дана нѣсколькимъ молодымъ людямъ возможность оставаться студентами и не быть уволенными изъ числа ихъ за не взносъ этой платы.

Заимообразно выдано было въ отчетномъ году 336 р., въ уплату же долговъ поступило только 109 руб. и затѣмъ остается долговъ не возвращенныхъ 2803 р.

Общимъ собраніемъ попечительства избраны въ отчетномъ году въ почетные члены: Ярославскій губернаторъ *А. Я. Фриде*, Ярославскій городской голова *И. Н. Соболевъ* и доцентъ Лицея *М. А. Липинскій*. Изъ числа почетныхъ членовъ исключены въ отчетномъ году умершіе *Н. В. Пирожковъ* и *А. В. Скульскій*.

Членами правленія попечительства, подъ предсѣдательствомъ Директора Лицея *С. М. Шпилевскаго*, въ истекшемъ году были: *И. А. Вахромѣевъ*, *П. А. Введенскій*, *В. П. Власьевскій*, *А. А. Исаевъ*, *А. П. Лавровъ*, *Б. А. Лапухинъ* и *Е. И. Якушкинъ*.—Дѣлопроизводствомъ и раздачей суммъ завѣдывалъ и въ нынѣшнемъ году, равно какъ и во всѣ предшествовавшіе, Секретарь Лицея *К. Д. Головщиковъ*.

СПИСОКЪ

членовъ попечительства, съ указаніемъ сдѣланныхъ ими пожертвованій.

а. Почетные члены:

1. *Безакъ* Николай Александровичъ управляющій почтою и телеграфомъ, бывшій Ярославскій губернаторъ (единовременно въ 1878 г. 100 р.).

2. *Вахромѣевъ* Иванъ Александровичъ бывшій Ярославскій городской голова—25 р. (220 р.)

3. *Введенскій* Павелъ Аполлоновичъ—присяжный повѣренный въ Ярославлѣ (бил. въ 100 руб. и наличными 40 руб.).

4. *Вейсбергъ* Михаилъ Яковлевичъ—тайный совѣтникъ (съ учрежденія попечительства 740 р.).

5. *Глаголевъ* Иванъ Матвѣевичъ—присяжный повѣренный изъ Москвы 25 р. (275 р.).

6. *Головщиковъ* Константинъ Дмитріевичъ—Секретарь Лицея (45 р.).

7. *Деляновъ* Иванъ Давыдовичъ—Министръ народнаго просвѣщенія.

8. *Діонисій* Архіепископъ Уфимскій (125 р.).

9. *Звонниковъ* Иванъ Моисеевичъ—бывшій директоръ Ярославской гимназіи (75 р.).

10. *Ивановъ* Сергѣй Сергѣевичъ, бывшій помощникъ попечителя московскаго учебнаго округа.

11. *Іонафанъ* Архіепископъ ярославскій 25 р. (115 р.).

12. *Іустинъ* Архимандритъ—Настоятель Николо-Бабаевскаго Костромской губ. монастыря (370 р.).

13. *Калачовъ* Викторъ Васильевичъ—костромской губернаторъ (20 р.).

14. *Капнистъ* графъ Павелъ Алексѣевичъ—Попечитель московскаго учебнаго округа.

15. *Капустинъ* Михаилъ Николаевичъ—попечитель дерптскаго учебнаго округа (2000 р.).

16. *Клириковъ* Николай Павловичъ—титулярный совѣтникъ (170 р.).

17. *Коншинъ* Владиміръ Дмитріевичъ—коммерціи совѣтникъ изъ Москвы (800 р.).

18. *Кремлевъ* Николай Александровичъ—ректоръ Императорскаго казанскаго университета (10 р.).

19. *Лавровъ* Алексѣй Петровичъ Протоіерей—профессоръ Богословія Лицея (200 р.).

20. *Липинскій* Маріанъ Александровичъ—профессоръ Лицея.

21. *Лопатина* Графира Александровна—потомственная почетная гражданка (50 р.).

22. *Маурина* Михаилъ Семеновичъ—ярославскій купецъ (бан. бил. въ 100 руб).

23. *Мещерская* княгиня Марія Александровна—изъ Москвы (250 р.).

24. *Мещерскій* князь Николай Петровичъ—бывшій попечителя московскаго учебнаго округа (900 р.).).

25. *Пастухова* Анна Васильевна—потомственная почетная гражданка—15 р. (80 р.).

26. *Пастухова* Елена Яковлевна—потомственная почетная гражданка (150 р.).

27. *Пастуховъ* Дмитрій Александровичъ—потомственный почетный гражданинъ (1000 р.).

28. *Пастуховъ* Иванъ Александровичъ—потомственный почетный гражданинъ (1000 р.).

29. *Пастуховъ* Николай Петровичъ—потомственный почетный гражданинъ (5% банковый билетъ въ 1000 рублей).

30. *Пыловъ* Владиміръ Васильевичъ—изъ Москвы коммерціи совѣтникъ (700 р.).

31. *Поляковъ* Самуилъ Соломоновичъ—коммерціи совѣтникъ (150 р.).

32. *Рукавишникова* Евдокія Николаевна изъ Москвы (200 р.).

33. *Рукавишниковъ* Константинъ Васильевичъ—почетный мировой судья изъ Москвы (100 р.).

34. *Синельникова* Анастасія Петровна изъ Петербурга 5 р. (255 р.).

35. *Скрипицынъ* Николай Павловичъ—бывшій Ярославскій губернскій предводитель дворянства.

36. *Смирновъ* Андрей Павловичъ—судебный слѣдователь изъ Ветлуги 15 р, (190 р.).

37. *Смышляевъ* Дмитрій Дмитріевичъ—предсѣдатель пермской губернской земской управы.

38. *Соболевъ* Иванъ Николаевичъ—ярославскій городской голова.

39. *Солдатенковъ* Косьма Терентьевичъ—потомственный почетный гражданинъ изъ Москвы (3600 р.).

40. *Тарасовъ* Иванъ Трофимовичъ—Орд. проф. Лицея, доставившій попечительству отъ своихъ публичныхъ лекцій въ разное время до 450 р.

41. *Терещенко* Ѳедоръ Артемьевичъ — дѣйствительный статскій совѣтникъ изъ Москвы (500 р.).

42. *Толстой* графъ Дмитрій Андреевичъ—Министръ внутреннихъ дѣлъ.

43. *Троицкій* Константинъ Ѳедоровичъ—присяжный повѣренный въ Ярославлѣ (75 р.).

44. *Федотова* Гликерія Николаевна—артистка Императорскихъ театровъ.

45. *Фриде* Алексѣй Яковлевичъ—Ярославскій губернаторъ.

46. *Черногоровъ* Сергѣй Арефьевичъ—ярославскій купецъ (290 р.).

47. *Чистяковъ* Дмитрій Ивановичъ—мировой судья Ярославскій (192 р.).

48. *Шнейдеръ* Августъ Августовичъ, содержатель аптеки въ Ярославлѣ, отпускающій для больныхъ студентовъ лѣкарства съ значительной уступкой, доходящей до 100 руб. ежегодно.

49. *Шостаковскій* Петръ Адамовичъ—директоръ московской консерваторіи.

50. *Шпилевскій* Сергѣй Михайловичъ—Директоръ Лицея 5 р. (10 р.).

51. *Щелкова* Нина Антоновна.

52. *Якушкинъ* Евгеній Ивановичъ—дѣйствительный статскій совѣтникъ 5 р. (80 р.).

Всего отъ почетныхъ членовъ получено попечительствомъ въ отчетномъ году 120 р.

б. Дѣйствительные члены:

Ѳедоровъ Владиміръ Васильевичъ—студентъ X выпуска—24 руб.

Орельскій Иванъ Андревичъ—суд. слѣдов. изъ Пудожа 15 руб.

Бодиско Николай Константиновичъ—управляющій акцизнымъ сборомъ въ Новочеркаскѣ; *Маляровъ* Александръ Яковлевичъ—судебный слѣдователь изъ Верхотурья; *Потѣхинъ* Павелъ Борисовичъ—Дѣлопроизводитель въ Департаментѣ народнаго просвѣщенія, по 10 р. (30 р.).

Остроумовъ Николай Ивановичъ—суд. слѣд. изъ Мещевска 8 руб.

Богдановъ Яковъ Ивановичъ—тов. прокурора изъ Костромы; *Владыченскій* Николай Михайловичъ—инспекторъ сту-

дентовъ Лицея; *Власьевскій* Валеріанъ Павловичъ—статскій совѣтникъ; *Измарагда*—игуменья угличскаго монастыря; *Казанцевъ* Леонидъ Николаевичъ—проф. Кіевск. унив.; *Казанскій* Александръ Ивановичъ—судебн. слѣд. изъ Княгинина; *Климовъ* Иванъ Васильевичъ—судебный слѣдоват. изъ Перми; *Лавровъ* Веніаминъ Тихоновичъ изъ Орла; *Маслаковъ* Иліодоръ Васильевичъ—товар. прокурора казанскаго окружнаго суда; *Орловъ* Иванъ Николаевичъ—присяж. повѣр. въ Ярославлѣ; *Проценко* Николай Николаевичъ изъ Петербурга, по 5 р. (55 р.).

Всего же отъ дѣйствительныхъ членовъ въ отчетномъ году поступило 132 р.

ВѢДОМОСТЬ

объ оборотахъ суммъ Попечительства за время съ 1-го іюля 1887 по 1-е іюля 1888 года.

1. Отъ прошедшаго года въ остаткѣ суммъ было:

наличными . .	78 р.	63 к.
билетами . . .	10.550 р.	—
Сверхъ того въ долгахъ за студентами .	2.585 р.	—

2. Приходъ:

Въ іюлѣ:	Поступило членскихъ взносовъ	24 р. —
	Возвращено въ уплату долга	18 р. —
	Итого	42 р. —
Въ августѣ:	Поступило отъ разныхъ лицъ членскихъ взносовъ . .	10 р. —
	Итого	10 р. —

Въ Сентябрѣ:	Поступило отъ разныхъ лицъ членскихъ взносовъ . .	5 р. —
	Получено процентовъ съ билетовъ	312 р. —
	И т о г о	317 р. —
Въ октябрѣ:	Отъ разныхъ лицъ членскихъ взносовъ . . .	5 р. —
	Возвращено въ уплату долга	16 р. —
	И т о г о	21 р. —
Въ ноябрѣ:	Отъ разныхъ лицъ членскихъ взносовъ . . .	30 р. —
	Сборъ съ студенческаго вечера	658 р. —
	И т о г о	688 р. —
Въ декабрѣ:	Отъ разныхъ лицъ членскихъ взносовъ . . .	60 р. —
	Получено процентовъ съ билетовъ	166 р. 20
	Возвращено въ уплату долговъ	8 р. —
	И т о г о	234 р. 20 к.
Въ январѣ:	Отъ разныхъ лицъ членскихъ взносовъ . . .	15 р. —
	Возвращено въ уплату долговъ	24 р. —
	И т о г о	39 р. —

Въ февралѣ:	Отъ Ярославской городской думы	100 р. —
	Отъ разныхъ лицъ членскихъ взносовъ . .	5 р. —
	Итого	105 р. —
Въ мартѣ:	Получено процентовъ съ билетовъ	90 р. —
	Возвращено въ уплату долговъ	10 р. —
	Итого	100 р. —
Въ апрѣлѣ:	Пособіе отъ министерства народнаго просвѣщенія .	300 р. —
	Членскихъ взносовъ .	23 р. —
	Возвращено въ уплату долговъ	16 р. —
	Итого	339 р. —
Въ маѣ:	Отъ публичныхъ лекцій .	80 р. 30 к.
	Отъ Ярославской губернской земской управы .	50 р. —
	Отъ Ярославской уѣздной земской управы . .	100 р. —
	Въ уплату долговъ . .	17 р. —
	Итого	247 р. 30 к.
Въ іюнѣ:	Отъ разныхъ лицъ членскихъ взносовъ . .	70 р. —
	Итого	70 р. —

ИТОГО ПОСТУПИЛО:

Пожертвовано наличными	797 р.	—
Получено процентовъ съ билетовъ	568 р.	20 к.
Сборъ съ публичныхъ лекцій	80 р.	30 к.
Сборъ съ концерта и вечера	658 р.	—
Возвращено въ уплату долговъ	109 р.	—
Итого наличными .	2212 р.	50 к.

ВСЕГО ЖЕ СЪ ОСТАТОЧНЫМИ:

наличными .	2291 р.	13 к.
билетами .	10550 р.	—

3. РАСХОДЪ.

Въ августѣ:	Выдано пособій 13-ти студентамъ . . .	27 р.	—
	Уплочено при застрахованіи выигрышнаго билета .	— р.	85 к.
	Итого	27 р.	85 к.
Въ сентябрѣ:	Выдано пособій 19-ти студентамъ . . .	158 р.	—
	Выдано заимообразно .	6 р.	—
	Итого	164 р.	—
Въ октябрѣ:	Выдано пособій осьми студентамъ . . .	57 р.	—
	Выдано заимообразно .	34 р.	—
	Итого	91 р.	—

Въ ноябрѣ:	Выдано пособій 24 студентамъ	197 р. —
	Выдано заимообразно .	34 р. —
	Уплочено за слушаніе лекцій по 20 р. за 9 студентовъ	180 р. —
	И т о г о	411 р. —
Въ декабрѣ:	Выдано пособій 37 студентамъ	314 р. —
	Выдано заимообразно .	121 р. —
	Уплочено за слушаніе лекцій	83 р. —
	Возвращено излишне поступившихъ въ уплату долга отъ Любимова . .	28 р. —
	Уплочено Банку при обмѣнѣ облигацій . .	1 р. 5 к.
	И т о г о	547 р. 5 к.
Въ январѣ:	Выдано пособій 7 студентамъ	59 р. —
	Выдано заимообразно .	70 р. —
	И т о г о	129 р. —
Въ февралѣ:	Выдано пособій 12 студентамъ	87 р. —
	Выдано заимообразно .	4 р. —
	За застрахованіе выигрышн. билета	— р. 85 к.
	И т о г о	91 р. 85 к.

Въ мартѣ:	Выдано пособій 19 студентамъ	98 р. —
	Итого	98 р. —
Въ апрѣлѣ:	Выдано пособій 29 студентамъ	187 р. —
	Внесено за слушаніе лекцій за 8 студ. по 20 руб. .	160 р. —
	Итого	347 р. —
Въ маѣ:	Выдано пособій 34 студентамъ	188 р. —
	Выдано заимообразно .	41 р. —
	Итого	229 р. —
Въ іюнѣ:	Выдано пособій 14 студентамъ	100 р. —
	Выдано заимообразно .	26 р. —
	Уплочено при обмѣнѣ облигацій	5 р. 35 к.
	Итого	131 р. 35 к.

ИТОГО ИЗРАСХОДОВАНО:

На пособія студентамъ .	1472 р. —
На уплату за слушаніе лекцій	423 р. —
Выдано заимообразно .	336 р. —
Уплочено при страхованіи выигрышныхъ билетовъ .	1 р. 70 к.
Израсходовано при обмѣнѣ облигацій . . .	6 р. 40 к.

Возвращено излишне поступившихъ . . .	28 р. —
Итого	2267 р. 10 к.

ЗАТѢМЪ ВЪ ОСТАТКѢ:

Наличными . .	24 р. 3 к.
Билетами . . .	10550 р. —
Въ долгахъ за студентами къ началу отчетнаго года было.	2685 р. —
Въ отчетномъ году вновь выдано заимообразно .	336 р. —
Итого	3021 р. —
Въ уплату долговъ въ отчетномъ году поступило .	109 р. —
Исключено изъ недоимки за смертію: съ Скворцова Петра 44 р. и Троицкаго Николая 65 руб. . . .	109 р. —
Затѣмъ остается не уплоченныхъ долговъ . . .	2803 р. —

Въ число этой послѣдней суммы считаются должниками:

а) *Окончившіе уже курсъ*: *Авдіевъ* Николай выпуска 1884 года (о мѣстѣ служенія свѣдѣній не доставилъ) 15 р.; *Агафоновъ* Николай выпуска 1887 г. (свѣдѣній недоставилъ) 30 руб.; *Альбовъ* Иванъ выпуска 1884 года, (о мѣстѣ служенія свѣдѣній не доставилъ) 5 руб.; *Аргентоескій* Евграфъ выпуска 1884 года, (свѣдѣній не доставилъ) 29 руб.; *Асотскій* Иванъ выпуска 1887 г. (свѣдѣній не доставилъ) 29 р.; *Бакулевскій* Иванъ выпуска 1885 года, (свѣдѣній не доставилъ) 23 руб.; *Бѣляевъ* Николай выпуска 1887 года (свѣдѣній не доставилъ) 20 руб.; *Введенскій* Николай выпуска 1883 г.; (помощ. присяжнаго повѣреннаго въ Ярославлѣ)

10 руб.: *Виноградскій* Василій выпуска 1887 г., (свѣдѣній не доставилъ) 10 руб.; *Воскресенскій* Дмитрій выпуска 1883 года, (свѣдѣній не доставилъ) 10 р.; *Георгіевскій* Александръ выпуска 1888 г. (свѣдѣній не доставилъ) 37 руб.; *Горлицынъ* Владиміръ выпуска 1880 года, (помощ. присяжнаго повѣр. въ Ярославлѣ) 10 р.; *Грацинскій* Павелъ выпуска 1884 г., (свѣдѣній не доставилъ) 43 р.; *Замахаевъ* Сергѣй выпуска 1887 г. (свѣдѣній не доставилъ) 15 р.; *Звѣздинъ* Александръ выпуска 1887 г., (свѣдѣній не доставилъ) 25 руб.; *Зыковъ* Арсеній выпуска 1885 г., (канд. на судебныя долж. при окр. судѣ въ Ковно) 20 р.; *Илличъ* Александръ выпуска 1886 г., (свѣдѣній нѣтъ) 20 р.; *Истоминъ* Иванъ выпуска 1887 г., (свѣдѣній не доставилъ) 22 р.; *Калашниковъ* Николай выпуска 1887 г., (свѣдѣній не доставилъ) 11 р.; *Киріевъ* Андрей выпуска 1886 г., (помощ. секрет. окр. суда въ Вологдѣ) 5 р.; *Козловскій* Сергѣй вып. 1883 года, (помощ. присяж. повѣр. въ Москвѣ) 10 р.; *Лебедевъ* Павелъ выпуска 1884 г., (свѣдѣній не доставилъ) 2 руб.; *Леоновъ* Евѳимій выпуска 1884 года, (свѣдѣній не доставилъ) 6 р.; *Любимовъ* Александръ выпуска 1887 г., (свѣдѣній не доставилъ) 63 р.; *Любомудровъ* Мих. выпуска 1881 г., (помощникъ секретаря судебной палаты въ Тифлисѣ) 7 руб.; *Марковъ* Александръ выпуска 1886 г., (свѣдѣній нѣтъ) 36 руб.; *Малининъ* Иванъ выпуска 1886 г., (свѣдѣній нѣтъ) 20 р.; *Милославовъ* Игнатій выпуска 1887 г., (свѣдѣній не доставилъ) 10 р.; *Мирмиковъ* Сергѣй выпуска 1886 г., (свѣдѣній нѣтъ) 23 р.; *Мирославскій* Ник. выпуска 1884 г., (секрет. при прокурорѣ въ Черниговѣ) 17 р.; *Михайловскій* Константинъ выпуска 1886 г., (свѣдѣній нѣтъ) 26 р.; *Нехорошевъ* Тимоѳей выпуска 1884 г., (помощ. присяж. пов. въ С.-Петербургѣ) 1 р.; *Никольскій* Дмитр. выпуска 1884 года, (свѣдѣній не досгавилъ) 6 р.; *Новицкій* Григорій выпуска 1885 года, (свѣд. не доставилъ) 35 р.; *Отрошкевичъ*

Николай выпуска 1886 года, (свѣд. нѣтъ) 8 р.; *Покровскій* Иванъ выпуска 1887 г., (свѣдѣній нѣтъ) 16 р.; *Покровскій* Сергѣй выпуска 1884 г., (свѣдѣній не доставилъ) 22 руб.; *Поповъ* Николай выпуска 1884 г., (свѣдѣній не доставилъ) 8 р.; *Приступа* Георгій 1884 г., (свѣдѣній не доставилъ) 6 руб.; *Протопоповъ* Алексѣй выпуска 1884 г., (свѣдѣній не доставилъ) 14 р.; *Райскій* Василій выпуска 1887 года, (свѣдѣній не доставилъ) 20 р.; *Самойловичъ* Владиміръ выпуска 1884 года, (свѣдѣній не доставилъ) 10 р.; *Семидаловъ* Владиміръ выпуска 1884 г., (губ. угол. дѣлъ стрянчій въ Енисейскѣ) 2 р.; *Скопинскій* Александръ выпуска 1886 года, (свѣдѣній не доставилъ) 30 р.; *Слюсаревъ* Викентій вып. 1887 г., (свѣд. недост.) 14 р.; *Соколовъ* Леонидъ выпуска 1887 г., (свѣд. не доставилъ) 27 р.; *Соловьевъ* Иванъ выпуска 1885 г., (свѣдѣній не доставилъ) 30 р.; *Софоновъ* Сергѣй выпуска 1887 г., (свѣд. не дост.) 12 р.; *Спасскій* Пав. вып. 1885 г., (ном. секр. окр. суда въ Ярославлѣ) 10 р.; *Страховъ* Мих. вып. 1884 г., (свѣдѣній не доставилъ) 34 р.; *Сулковскій* Вас. вып. 1884 г., (свѣдѣній не доставилъ) 8 р.; *Сущинскій* Германъ вып. 1884 г., (канд. на суд. долж. при окр. судѣ въ Могилевѣ) 27 р.; *Страховъ* Иванъ выпуска 1878 г., (свѣдѣній не доставилъ) 16 руб.; *Сперанскій* Николай вып. 1884 г., (свѣдѣній не доставилъ) 23 р.; *Тихонравовъ* Александръ вып. 1883 г., (свѣдѣній не доставилъ) 15 р.; *Третьяковъ* Ив. вып. 1885 г., (свѣд. не достав.) 30 р.; *Троицкій* Ник. вып. 1885 года, (свѣд. не достав.) 10 р.; *Тюльпановъ* Ѳед. вып. 1885 г., (канд. на суд. долж. при Владимірскомъ окр судѣ) 16 р.; *Удинцовъ* Николай вып. 1886 г., (свѣд. не достав.) 5 руб.; *Успенскій* Ник. выпуска 1887 г. (свѣд.не доставилъ) 20 р.; *Феликсовъ* Евгеній вып. 1885 г., (засѣдатель уѣзднаго суд, въ Арханг. губ.) 26 руб.; *Хохловъ* Алексѣй вып. 1884 г. (свѣд. не доставилъ) 13 р.; *Четыркинъ* Пав. вып. 1885 г.

(канд. на суд. должн. при Смоленскомъ окр. судѣ) 10 р.; *Чоловскій* Мих. вып. 1886 г., (свѣд. не доставилъ) 18 р.; *Юрьевъ* Алексѣй вып. 1883 г., (свѣд. не доставилъ) 24 р.; *Язвицкій* Конст. выпуск. 1880 г., (свѣдѣній не доставилъ) 10 р.; *Ѳедосѣевъ* Александръ вып. 1884 г., (свѣдѣній не доставилъ) 23 р.: *Ѳедотовъ* Арсеній вып. 1885 г., (свѣдѣній не доставилъ) 15 р., итого 1223 руб.

и б) *выбывшіе изъ Лицея до окончанія курса*: *Аврoровъ* Николай 6 р., *Александровскій* Иванъ 4 р., *Алякринскій* Сергѣй 41 р., *Бобарыкинъ* Петръ 3 р.; *Введенскій* Василій 19 р., *Воиновъ* Иванъ 20 р., *Востоковъ* Николай 10 руб., *Гедеоновскій* Александръ 30 руб., *Громовъ* Иванъ 34 руб., *Декаполитовъ* Михаилъ 5 р., *Заринскій* Ив. 42 р., *Колесовъ* Георгій 25 р., *Коншинъ* Николай 10 р., *Короткевичъ* Антоній 15 р., *Крапухинъ* Иванъ 4 р., *Лепешинскій* Николай 10 р., *Львовъ* Владиміръ 15 р., *Любимовъ* Андрей 10 р., *Миноръ* Іосифъ 5 р., *Нейскій* Яковъ 7 р., *Никольскій* Алексѣй 9 руб., *Песоченскій* Иванъ 15 руб., *Плѣшко* Иванъ 10 р., *Полисадовъ* Александръ 17 р., *Птицынъ* Николай 12 р., *Смольянниковъ* Павелъ 25 р., *Снѣгиревъ* Николай 25 р., *Соловьевъ* Александръ 18 р., *Софійскій* Владиміръ 17 р.; *Станкевичъ* Яковъ 16 р., Успенскій Петръ 5 руб., *Ухиновъ* Александръ 12 р., *Щепетевъ* Владиміръ 10 р., итого 486 руб.

Печатано по опредѣленію Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.
Директоръ *С. Шпилевскій*.

1888 г. Ярославль. Тип. Г. В. ФАЛЬКЪ.

ЛѢТОПИСЬ

Демидовскаго Юридическаго Лицея

за 1887—1888 учебный годъ.

„Благословиши вѣнецъ лѣта благости твоея, Господи!“ Демидовскій Юридическій Лицей вступаетъ въ 19-й годъ своего существованія. “Демидовское высшихъ наукъ училище“, основанное въ 1803 г., преобразовано въ 1833 г. въ Демидовскій Лицей, а съ 30 августа 1870 г. существуетъ преобразованнымъ въ Демидовскій Юридическій Лицей. Вступая въ новый учебный годъ, возблагодаримъ Господа за окончившееся лѣто благости Его, прошедшее для нашего Лицея тихо и счастливо, безъ тѣхъ несчастныхъ испытаній, которыми ознаменовался прошедшій годъ для многихъ высшихъ учебныхъ заведеній.

По обычаю, заведенному со времени преобразованія Лицея въ Юридическій, я имѣю честь обратиться къ представителямъ Ярославскаго Общества, удостоившимъ Лицей своимъ присутствіемъ въ день его годовщины, съ такъ называемою лѣтописью Лицея за истекшій годъ. Я буду говорить о преподавателяхъ, о перемѣнахъ, послѣдовавшихъ въ составѣ ихъ, о ихъ ученой дѣятельности и о студентахъ.

Для осуществленія цѣли Лицея, состоящей въ доставленіи юридическаго образованія, по уставу Лицея, полагается 12 каѳедръ, по которымъ распредѣляется 18 предметовъ; для

преподаванія этихъ предметовъ по штату Лицея полагается: 6 ординарныхъ профессоровъ, профессоръ богословія, 5 экстраординарныхъ профессоровъ и 3 доцента. Въ дѣйствительности, въ настоящее время состоитъ: 5 ординарныхъ профессоровъ, изъ нихъ одинъ заслуженный, онъ же директоръ, профессоръ богословія, 2 испр. д. экстраордин. профессора, одинъ доцентъ, одинъ исправл. д. доцента, 5 приватъ доцентовъ и одинъ преподаватель безъ содержанія (преподаватель судебной медицины). Число приватъ доцентовъ штатомъ не опредѣляется и штатной суммы на содержаніе ихъ не отпускается; они получаютъ вознагражденіе изъ остатка отъ суммы, отпускаемой на указанное число штатныхъ преподавателей; остатокъ же этотъ образуется вслѣдствіе того, что на содержаніе преподавателей ежегодно отпускается полностью вся сумма, полагаемая на всѣхъ штатныхъ преподавателей, а въ дѣйствительности ихъ можетъ быть менѣе опредѣленнаго количества и они могутъ быть въ низшихъ, сравнительно со штатомъ званіяхъ, а различіемъ званія опредѣляется количество содержанія. Приватъ доценты назначаются только на годъ и подвергаются ежегодно баллотировкѣ въ совѣтѣ Лицея. Всего въ настоящее время 10 преподавателей штатныхъ и 6 нештатныхъ, количество почтенное, немного уступающее количеству преподавателей юридическихъ факультетовъ въ столичныхъ университетахъ (въ Московскомъ университетѣ 19, въ С.-Петербургскомъ 21) и превышающее количество преподавателей этихъ факультетовъ въ провинціальныхъ университетахъ; но не смотря на это, въ нашемъ Лицеѣ 4 свободныхъ каѳедры, т, е, не замѣщенныхъ штатными преподавателями; преподаваніе наукъ, принадлежащихъ этимъ каѳедрамъ распредѣляется между наличными штатными преподавателями, занимающими свои каѳедры, и между приватъ доцентами.

Въ наступающемъ учебномъ году начнетъ чтеніе лекцій

по уголовному праву новый приватъ доцентъ Бесѣдкинъ. Это воспитанникъ нашего Лицея, бывшій стипендіатъ его для приготовленія къ профессорскому званію, съ полнымъ успѣхомъ сдавшій въ Московскомъ университетѣ экзаменъ на магистра уголовнаго права и для полученія званія приватъ доцента (pro venia legendi) представившій диссертацію подъ названіемъ: „Историческій очеркъ преступленія поджога по римскому, германскому и русскому праву“. Диссертацію эту г. Бесѣдкинъ недавно защищалъ въ публичномъ засѣданіи совѣта Лицея; многіе изъ присутствующихъ въ настоящемъ собраніи были свидѣтелями вполнѣ успѣшной защиты г. Бесѣдкинымъ своей диссертаціи. Лицей радуется видѣть новаго преподавателя, обѣщающаго быть научною силою, изъ бывшихъ своихъ воспитанниковъ; лучшею наградою для учителя представляются наилучшія успѣхи его ученика. Другой воспитанникъ Лицея, кандидатъ Петровъ, въ настоящее время оканчиваетъ въ Московскомъ университетѣ экзаменъ на магистра политической экономіи; въ истекшемъ году онъ былъ оставленъ при Лицеѣ для приготовленія къ профессорскому званію, но безъ содержанія. Для усиленія преподаванія важнѣйшаго предмета юридическаго образованія, римскаго права, Лицей ожидаетъ въ настоящее время назначенія новаго преподавателя по этому предмету, воспитанника и магистранта Московскаго университета, Нечаева, который недавно вернулся изъза границы, куда онъ былъ посылаемъ Московскимъ университетомъ для усовершенствованія въ юридическомъ образованіи, подъ руководствомъ представителей науки римскаго права, профессоровъ германскихъ университетовъ. На дняхъ напечатанъ и появился въ свѣтъ переведенный г. Нечаевымъ съ нѣмецкаго языка наилучшій учебникъ римскаго права „Институціи Римскаго права“ лейпцигскаго профессора Зома. Въ истекшемъ году началъ чтеніе лекцій по судебной медицинѣ докторъ медицины Кошкаровъ; по уставу Лицея чтенія су-

дебной медицины не полагается, поэтому лекціи г. Кошкарова необязательны для студентовъ, но во многихъ университетахъ признается важное значеніе этой науки для юриста, поэтому, хотя по новому университетскому уставу въ юридическихъ факультетахъ не полагается особой каѳедры судебной медицины, наука эта преподается въ нѣкоторыхъ университетахъ юристамъ. Лицей, не имѣя средствъ для назначенія вознагражденія за чтеніе судебной медицины, долженъ принести г. Кошкарову полную признательность за его безвозмездные труды. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Лицей также имѣлъ безвозмезднаго преподавателя судебной медпцины въ лицѣ г. Боткина, за отъѣздомъ котораго на жительство въ Москву, прекратилось въ Лицеѣ преподаваніе судебной медицины. Сердечно радуемся новымъ преподавателямъ Лицея,— „нашего полка прибыло“!

Но съ наступающимъ учебнымъ годомъ мы лишаемся одного изъ лучшихъ преподавателей. Ординарный профессоръ А. А. Исаевъ подалъ прошеніе объ отставкѣ отъ службы, по домашнимъ обстоятельствамъ. Мнѣ нѣтъ надобности распространяться о преподавательскихъ способностяхъ и ученыхъ заслугахъ г. Исаева: Ярославское общество знало его очень хорошо. Его многіе напечатанные ученые труды говорятъ сами о себѣ и достоинство ихъ оцѣнено компетентными судьями; Ярославское же общество знаетъ профессора Исаева и какъ выдающагося оратора, его публичныя лекціи постоянно привлекали вниманіе общества, которое, какъ мнѣ вѣрится, долго будетъ хранить добрую память о многоуважаемомъ профессорѣ и сожалѣть, что болѣе не слышно его серьезной и изящной рѣчи. Я съ своей стороны долженъ свидѣтельствовать, что профессоръ Исаевъ былъ образцовымъ, самымъ точнымъ и добросовѣстнымъ исполнителемъ своихъ преподавательскихъ обязанностей. Вполнѣ сознавая всю важность потери для Лицея такого преподавателя, мы должны желать, чтобы об-

стоятельства наступающей для него новой жизни не препятствовали ему служить наукѣ, если не преподаваніемъ, то учеными изслѣдованіями въ области политической экономіи, достойнымъ представителемъ которой онъ былъ доселѣ.

Въ истекшемъ году окончился двухгодичный срокъ службы при Лицеѣ профессора богословія, настоятеля лицейской церкви, нашего отца духовнаго, протоіерея Лаврова; на этотъ срокъ онъ былъ оставленъ по окончаніи имъ 35-лѣтія ученой службы, но въ виду ожидаемой пользы для Лицея отъ продолженія профессоромъ Лавровымъ его ученой службы, онъ оставленъ на каѳедрѣ еще на два года.

Большинство преподавателей Лицея не ограничивалось только исполненіемъ обязанностей по преподаванію. Лучшіе русскіе профессора, какъ то мы видимъ и за границею, вмѣстѣ съ тѣмъ и главные, почти единственные работники науки, они не только слѣдятъ за постепеннымъ развитіемъ науки и усвоиваютъ результаты этого развитія, передавая ихъ своимъ слушателямъ, но и сами двигаютъ науку впередъ, разрабатывая разныя отрасли ея и отдѣльные вопросы, соединяя, такимъ образомъ, въ себѣ обязанности преподавателей и академиковъ, спеціально призываемыхъ къ научнымъ изслѣдованіямъ. Ученые труды профессоровъ нашего Лицея, помѣщались въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ и въ печатномъ органѣ Лицея, во „Временникѣ“, котораго въ истекшемъ году вышло двѣ книги: 45 и 46-ая, 47-ой томъ приготовленъ къ выпуску въ свѣтъ.

Очень важнымъ пособіемъ для ученыхъ трудовъ преподавателей Лицея представляется богатая по всѣмъ отдѣламъ права и по исторіи лицейская библіотека; но для своихъ спеціальныхъ изслѣдованій лицейскимъ преподавателямъ часто бываетъ необходимо работать въ столичныхъ библіотекахъ и въ архивахъ, представляющихъ для изученія первоначальный, рукописный матеріалъ. Въ истекшемъ году профессоры Сувo-

ровъ и Щегловъ пользовались командировками въ столицы для ученыхъ работъ въ тамошнихъ библіотекахъ и архивахъ. Профессоръ Суворовъ занимался изученіемъ древнихъ русскихъ рукописныхъ сборниковъ церковно-юридическаго содержанія, ознакомленіе съ которыми ему было необходимо для его изслѣдованія о вліяніи западно-католическаго права на древнее русское церковное право; для этого изслѣдованія профессоръ Суворовъ воспользовался и тѣми выписками изъ древнихъ византійскихъ рукописей, которыя онъ сдѣлалъ въ Вѣнской придворной библіотекѣ, во время пребыванія своего три года тому назадъ за границею. Новое изслѣдованіе г. Суворова въ настоящее время оканчивается печатаніемъ. Профессоръ Щегловъ пишетъ „Исторію Государственнаго Совѣта въ Россіи“, богатый матеріалъ для своего труда онъ встрѣтилъ въ Архивѣ Государственнаго Совѣта. Доцентъ Назимовъ весь истекшій учебный годъ былъ въ командировкѣ за границею, поэтому преподаваемое имъ государственное право, которое обыкновенно читается на второмъ курсѣ, въ прошломъ году совсѣмъ не читалось, а въ наступающемъ году будетъ прочитано двумъ соединеннымъ курсамъ—второму и третьему.

Кромѣ преподаванія и ученыхъ кабинетныхъ занятій профессора Лицея служатъ наукѣ и ознакомленію общества съ выводами ея публичными лекціями, въ истекшемъ году читали публичныя лекціи профессора Суворовъ и Тарасовъ.

Обращаюсь къ студентамъ. Къ наступившему учебному году подано болѣе 60 прошеній о зачисленіи въ студенты Лицея; въ прошломъ году до начала сентября было подано 71 прошеніе, но всего въ прошломъ году вновь поступило въ Лицей 113 студентовъ; это количество превышаетъ всѣ предыдущіе годы; такъ какъ до послѣдняго года наибольшее число вновь поступившихъ въ Лицей было въ 1881 г.—110 человѣкъ. Возможность поступленія новыхъ студентовъ въ Лицей послѣ начала учебныхъ занятій объясняется тѣмъ, что

пріемъ въ студенты оканчивается 20 августа только по отношенію къ вновь поступающимъ въ студенты по аттестатамъ зрѣлости и къ бывшимъ студентамъ, вышедшимъ изъ Лицея или изъ университетовъ; но переходъ студентовъ непосредственно изъ университетовъ въ Лицей допускается и послѣ начала учебныхъ занятій,—студентамъ другихъ факультетовъ, кромѣ юридическаго, до 15 октября, а студентамъ юридическаго факультета до 15 февраля. Въ прошломъ и нынѣшнемъ году значительное большинство вновь поступившихъ въ Лицей составляютъ студенты, переходящіе въ Лицей изъ университетовъ. Въ прошломъ году изъ Московскаго университета перешло въ Лицей 42 студента. Какъ мнѣ извѣстно, они не раскаяваются въ этомъ и указываютъ на нѣкоторыя преимущества Ярославля передъ Москвой: въ Ярославлѣ жить дешевле, здѣсь менѣе развлеченій, доступнѣе учебныя пособія. Лицей также не сожалѣетъ о принятіи московскихъ и другихъ студентовъ, значительное большинство ихъ сдало экзамены вполнѣ удовлетворительно. Вслѣдствіе распоряженія г. Министра Народнаго Просвѣщенія, послѣдовавшаго въ прошломъ году, о непринятіи въ Лицей лицъ іудейскаго исповѣданія болѣе 5% всего наличнаго количества студентовъ, въ настоящемъ году никто изъ исповѣдующихъ іудейскую вѣру не могъ поступить въ Лицей, такъ какъ въ настоящее время количество студентовъ, іудейскаго вѣроисповѣданія въ Лицеѣ превышаетъ 5% всего количества студентовъ, именно составляетъ 16%. Къ концу истекшаго года всего студентовъ въ Лицеѣ было 162, за выбытіемъ въ теченіи года 11 студентовъ, по различнымъ причинамъ, и по окончаніи курса около 15 человѣкъ, въ настоящее время число студентовъ можно считать до 200. Наибольшее количество студентовъ доходило до 314, такъ было въ 1881—1882 учебномъ году, наименьшее число студентовъ было въ 1886—1887 году—95. Значительное уменьшеніе въ этомъ году студентовъ объясняется

малымъ числомъ вновь поступившихъ въ 1885 и 1886 годахъ, именно по 26; а это объясняется тѣмъ, что въ 1885 г. послѣдовало запрещеніе принимать въ Лицей семинаристовъ, которые прежде составляли почти исключительный контингентъ студентовъ; съ 1885 г. въ Лицей принимаются только имѣющіе аттестаты зрѣлости.

Научные успѣхи студентовъ за истекшій годъ, какъ свидѣтельствуютъ экзамены, должно признать вполнѣ удовлетворительными. Кромѣ отвѣтовъ на экзаменахъ, о научныхъ занятіяхъ студентовъ свидѣтельствуютъ и письменныя работы, обязательныя для студентовъ. Сверхъ того, для поощренія студентовъ къ научнымъ занятіямъ ежегодно задаются темы для сочиненій на денежныя преміи и для полученія медалей. Въ истекшемъ году за поданныя работы студентъ Невскій удостоился полной преміи въ 50 р., а студенты Гутманъ и Дмитріевъ половинной преміи 25 р.

Но по причинамъ, трудно объяснимымъ, уже нѣсколько лѣтъ студенты Лицея не подаютъ сочиненій на темы, задаваемыя для полученія золотыхъ и серебряныхъ медалей; вопросъ этотъ заслуживаетъ вниманія и обсужденія преподавателей Лицея.

Поведеніе студентовъ въ истекшемъ году, за весьма немногими исключеніями, было вполнѣ удовлетворительно. Мнѣ особенно пріятно заявить, что отъ многихъ почтенныхъ представителей Ярославскаго общества я слышалъ похвальные отзывы о поведеніи студентовъ внѣ Лицея; надѣюсь, что и впредь представители общества не оставятъ меня своими замѣчаніями о поведеніи студентовъ; при этомъ понятно, что я желаю слышать отзывы справедливые, а не только пріятные мнѣ: я признаю для себя и для Лицея очень вреднымъ, если передъ нами будутъ скрывать истину и не захотятъ указать намъ случаевъ и фактовъ изъ студенческой жизни, недостойныхъ высокаго нравственнаго положенія студента. Связь студентовъ

Лицея съ обществомъ очень тѣсная; студенты не только живутъ въ обществѣ, но многіе изъ нихъ являются учителями и воспитателями подростающаго поколѣнія, такимъ образомъ, въ педагогическомъ отношеніи студенты имѣютъ очень важное общественное значеніе.

Поднимая вопросъ объ отношеніяхъ Лицея къ обществу, я съ особенною радостью долженъ указать на новое доказательство, что мѣстное общество признаетъ важное значеніе Лицея и считаетъ его учрежденіемъ полезнымъ и заслуживающимъ пожертвованій въ его пользу. Въ истекшемъ году ярославская дворянка Марія Павловна Макина оставила по духовному завѣщанію въ пользу Лицея 2000 р. на образованіе одной стипендіи.

По принятому обычаю, обращаюсь въ настоящій день годовщины Лицея къ кончившимъ лицейскій курсъ и къ студентамъ, вновь вступившимъ въ Лицей.

Кончившіе юридическое образованіе не менѣе 4 лѣтъ занимались изученіемъ права во всѣхъ его отрасляхъ: они познакомились съ правомъ въ смыслѣ положительнаго законодательства, слагавшагося исторически, различно у разныхъ народовъ; передъ ними была открыта поучительная и заслуживающая глубокаго интереса житейская драма образованія права путемъ борьбы сталкивающихся интересовъ разныхъ сторонъ, отдѣльныхъ личностей, классовъ и сословій населенія, цѣлыхъ народностей и государствъ, борьбы новыхъ идей и новыхъ принциповъ человѣческой дѣятельности съ отжившими, старыми идеями и принципами. Кромѣ ближайшаго ознакомленія съ отечественнымъ законодательствомъ, во всѣхъ его частяхъ, важнѣйшимъ предметомъ юридическаго образованія является классическое римское право, преимущественно частное, которое, дошедши по своей обработкѣ путемъ законодательства и юридической науки, почти до художественнаго совершенства, доселѣ считается основаніемъ и образцомъ част-

наго права; оно особенно привлекаетъ къ себѣ, если не всегда справедливостью, то образцовою техникою, и представляетъ для изучающаго его лучшее средство къ развитію юридическаго смысла, особеннаго склада юридическаго мышленія. Изучавшему право были открыты всѣ идеалы справедливости, которые носили въ головахъ своихъ лучшіе люди всѣхъ вѣковъ и которые постепенно возрождались подъ вліяніемъ всѣхъ условій развитія человѣчества. Серьезно занимавшійся науками долженъ стать мастеромъ своего дѣла, юристомъ; если онъ человѣкъ неиспорченной нравственности, высокіе идеалы справедливости должны воплотиться въ немъ.

Такъ спеціально, къ опредѣленной профессіи, подготовленный и нравственно развитый юноша выходитъ на житейское поприще служить правдѣ. Трудно говорить о преимуществахъ одного знанія передъ другимъ и одной профессіи передъ другою, но нельзя не увлечься профессіей практическаго юриста: онъ призванъ разъяснять истину въ запутанныхъ спорахъ о правѣ, ему поручается разъясненіе истины и при обвиненіяхъ въ нарушеніи правъ; онъ долженъ стоять и за законъ, какъ норму, и за индивидуальную личность человѣка, въ случаѣ являющейся противоположности между правомъ и дѣйствіемъ человѣка, онъ долженъ возстановить торжество права, по всей справедливости. Велико благодѣяніе того, кто, благодаря своей силѣ и ловкости, спасаетъ утопающаго въ водѣ или охваченнаго огнемъ; велико благодѣяніе врача, который благодаря своимъ знаніямъ и таланту, возстановляетъ здоровье, спасаетъ отъ смерти; но постоянно представляющаяся юристу возможность спасти отъ раззоренія, безчестія и незаслуженнаго наказанія, представляется не меньшимъ, а часто и большимъ благодѣяніемъ. Да поможетъ Господь юристамъ, вступающимъ на житейское поприще, служить своему великому дѣлу.

Изъ сказаннаго открываются задачи и идеалы будущаго

образованія нашихъ новыхъ слушателей. Они пришли сюда учиться,—за новыми спеціальными знаніями, и они достигнутъ этого, если будутъ заниматься только избраннымъ ими дѣломъ, не отказываясь отъ труда и при готовности на нѣкоторыя лишенія, необходимыя для наилучшаго достиженія намѣченной ими себѣ цѣли—пріобрѣсти солидное юридическое образованіе. При правильномъ отношеніи ихъ къ дѣлу, они пройдутъ счастливое четырехлѣтіе, постоянно обогащаясь новыми знаніями и новыми идеями, расширяя свой умственный горизонтъ и постепенно достигая болѣе совершеннаго міросозерцанія. Сознаніе своего постепеннаго обогащенія знаніями и постепеннаго духовнаго роста будетъ для нихъ духовнымъ наслажденіемъ, составляющимъ лучшую принадлежность времени пребыванія въ высшемъ училищѣ. Да сохранитъ ихъ Господь отъ уклоненія съ предстоящаго имъ прямаго пути, отъ житейскаго соблазна и несчастныхъ увлеченій! Привлекателенъ образъ вступающаго въ высшее учебное заведеніе: онъ молодъ, здоровъ, подготовленъ къ воспринятію высшаго образованія, онъ стремится къ высшему знанію, проситъ открыть ему высшіе идеалы человѣческой жизни, желаетъ трудиться...

Прискорбно бываетъ, когда вдругъ житейская буря ломаетъ такой прекрасный образъ человѣка....

Я кончилъ свою рѣчь въ день лицейской годовщины! Это торжественный для всей Россіи день тезоименитства Верховнаго Правителя Русскаго Государства.

По русскому народному обычаю стараются чѣмъ нибудь порадовать дорогаго имянинника; лучшая радость нашему Государю видѣть, что правда живетъ въ Его царствѣ. Поэтому мы должны порадѣть о правдѣ. Да царствуетъ правда подъ покровомъ Самодержавнаго Царя!

Директоръ *С. Шпилевскій.*

(Приложеніе къ лѣтописи Лицея за 188$^{7}/_{8}$ учебный годъ).

СПИСОКЪ СТУДЕНТОВЪ

Демидовскаго Юридическаго Лицея,

ОКОНЧИВШИХЪ ВЪ ОНОМЪ ПОЛНЫЙ КУРСЪ.

Первый выпускъ—1874 г. [1]).

*1. Архангельскій Николай Дмитріевичъ, родомъ Ярославской губерніи. Мировой Судья, по назначенію отъ правительства, въ Динабургѣ.

*2. Бенедиктовъ Алексѣй Ивановичъ, Яросл. г. Судебный слѣд. Инсарскаго у., Пензенск. губ.

3. Боевской Михаилъ Александровичъ, Яросл. г. Товарищъ прокурора при окружн. судѣ въ Екатеринославлѣ.

4. Бѣляевъ Александръ Матвѣевичъ, Костромской губ. Тов. прокурора окр. суда въ Казани.

5. Васильевъ Николай Васильевичъ, Калужской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

*6. Введенскій Николай Николаевичъ, Ярославск. губ. Свѣдѣній не доставилъ.

7. Веригинъ Александръ Константиновичъ, Тверской г. Свѣдѣній не доставилъ.

*8. Виноградовъ Александръ Николаевичъ, Тверской г. Іеромонахъ миссіонеръ (Алексѣй) въ Китаѣ.

---

[1]) Тѣ изъ окончившихъ курсъ въ Лицеѣ, противъ которыхъ поставлена звѣздочка, окончили курсъ со степенью кандидата юридическихъ наукъ; остальные—съ званіемъ дѣйствительнаго студента.

9. Головачевскій Иванъ Николаевичъ, Черниговск. губ. Умеръ въ 1875 г., состоя кандидатомъ на судеб. должн. при окр. судѣ въ Кишеневѣ.

*10. Грузинцевъ Константинъ Николаевичъ, Яросл. губ. Преподаватель учительской семинаріи въ Карачевѣ, Орлов. губерніи.

*11 Добротинъ Арсеній Андреевичъ, Ярославской губ. Секретарь городской думы въ Рыбинскѣ.

12. Драбовскій Петръ Тимофеевичъ, Новгородской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

13. Дьковъ Викторъ Михайловичъ, Вологод. губ. Суд. слѣд. 2-го уч Тотемскаго уѣзда, Волог. губ.

*14. Знаменскій Алексѣй Ивановичъ, Яросл. губ, Предсѣдатель съѣзда мировыхъ судей въ Брестъ-Литовскѣ.

15. Ивановскій Алексѣй Михайловичъ, Ярослав. губ. Членъ окружнаго суда въ Изюмѣ, Харьк. губ.

*16. Казанскій Александръ Ивановичъ, Ярославск. губ. Судебный слѣд. 1-го уч. Княгининскаго у., Нижег. губ.

17. Князевскій Александръ Андреевичъ, Саратов. губ. Свѣдѣній не доставилъ.

*18. Князевскій Степанъ Андреевичъ, Саратовской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

*19. Колокольцевъ Лавръ Флегонтовичъ, Ярославск. губ. Суд. слѣд. 2-го уч. Кадниковскаго уѣзда Волог. губ.

20. Крутикъ-Горетубанскій Иванъ Григорьевичъ, Харьк. г. Канд. на суд. должн. при прокур. въ Симферополѣ.

*21. Лебедевъ Александръ Максимовичъ, Тульской губ. Товарищъ прокурора окр. суда въ Кутаисѣ.

*22. Лебедевъ Василій Ѳедоровичъ, Рязанской губ. Товарищъ прокурора окр. суда въ Сувалкахъ.

*23. Лыткинъ Николай Константиновичъ, Владим. губ. Свѣдѣній не доставилъ.

24. Межаковъ Иванъ Николаевичъ, Костр. губ. Миро-

вой судья по назначенію отъ правительства въ Царевскомъ уѣздѣ Астрах. губерніи.

25. Мерцаловъ Николай Ѳедоровичъ, Тульск. губ. Умеръ въ 1882 году, находясь суд. слѣд. въ Усть-Медвѣдицкѣ.

*26. Минервинъ Александръ Евграфовичъ, Яросл. губ. Приватъ-доцентъ въ Демидовскомъ Юридическомъ Лицеѣ.

27. Моревъ Николай Николаевичъ, Яросл. губ. Дѣлопроизводитель VIII класса въ Деп. Народ. Просвѣщенія.

*28. Назимовъ Андрей Владиміровичъ, Яросл. губ. Мировой судья по назнач. отъ правит. въ Горѣцк. у. Могил. г.

29. Орловъ Александръ Тимофеевичъ, Тамб. губ. Умеръ въ 1880 г., находясь судебн. слѣд. въ Оренбургѣ.

*30. Орловъ Дмитрій Ивановичъ, Калужской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

*31. Островскій Николай Петровичъ, Ярославской губ. Судебный слѣдователь въ Пошехоньѣ.

*32. Покровскій Иванъ Ѳедоровичъ, Владимірской губ. Товарищъ прокурора окружнаго суда въ Харьковѣ.

*33. Польскій Михаилъ Ивановичъ, Яросл. губ. Судебный слѣдователь въ Кадниковѣ, Вологодской губ.

*34. Протопоповъ Петръ Владиміровичъ, Московск. губ. Мировой судья въ г. Угличѣ, по выбору.

35. Розовъ Николай Николаевичъ, Яросл. г. Умеръ въ 1875 г.. состоя помощ. ревизора контр. палаты въ Ташкентѣ.

*36. Розовъ Павелъ Гавриловичъ, Яросл. губ. Судебный слѣдователь въ городѣ Мологѣ.

*37. Розовъ Сергѣй Алексѣевичъ, Яросл. губ. Товарищъ губернскаго прокурора въ Мензелинскѣ.

38. Свидерскій Іосифъ Михайловичъ, Могилевск. губ. Судебн. слѣд. 2-го уч. Романовъ-Борисогл. уѣзда.

39. Слѣповъ Николай Филипповичъ, Яросл. губ. Занимается обученіемъ дѣтей.

40. Смарагдовъ Владиміръ Васильевичъ, Ярославск. губ.

Предсѣдатель съѣзда мировыхъ судей и участковый мировой судья въ Ушицахъ Подольск. губ.

*41 Соколовъ Сергѣй Александровичъ, Московск. губ. Судебный слѣд. Бронницкаго уѣзда, Моск. губ.

*42. Талантовъ Александръ Порфирьевичъ, Яросл. губ. Дѣлопр. VI кл. въ Деп. Нар. Просвѣщенія.

43. Толстовъ Викторъ Дмитріевичъ, Владимірской губ. Бухгалтеръ губ. акц. упр. во Владимірѣ.

44. Успенскій Николай Петровичъ, Костромской губ. Помощникъ секретаря окружн. суда въ Костромѣ.

*45. Чистяковъ Петръ Лаврентьевичъ, Калужской губерн. Присяжный повѣренный въ Орлѣ.

Второй выпускъ—1875 года.

1. Баталинъ Сергѣй Михайловичъ, Калужской губерн. Свѣдѣній не доставилъ.

2. Беллертъ Николай Николаевичъ, Ярославск. губерн. Умеръ въ 1876 г., не поступивъ на службу.

3. Богородскій Иванъ Флегонтовичъ, Ярославской губ. Суд. слѣд. 3-го уч. Яранскаго у. Вятской губ.

4. Бѣляевъ Арсеній Васильевичъ, Яросл. губ. Свѣдѣній не доставилъ.

5. Валединскій Григ. Ив., Влад. губ. Умеръ въ 1880 г., состоя канд. на суд. должн. Нижег. окр. суда.

*6. Волковичъ Дмитрій Львовичъ, Черниговской губерн. Свѣдѣній не доставилъ.

7. Воскресенскій Николай Алексѣевичъ, Ярославск губ. Свѣдѣній не доставилъ.

8. Гейцыгъ Александръ Николаевичъ, Владимір. губ. Судебный слѣд. 3-го уч. Бердичевскаго уѣзда.

*9. Глаголевъ Иванъ Матвѣевичъ, Тульской губ. При-

сяжный повѣренный округа Московской судебной палаты и присяжный стряпчій при Московскомъ коммерческомъ судѣ.

*10. Дмитревскій Ѳедоръ Семеновичъ, Тульской губерн. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ Тулѣ.

*11. Елпединскій Алексѣй Петровичъ, Владим. губ. Судебный слѣд. по важнѣйшимъ дѣламъ въ Петроковѣ.

12. Капацинскій Алексѣй Ивановичъ, Владимірск. губ. Судебный слѣдователь въ Нижнемъ-Новгородѣ.

13. Капустинъ Константинъ Ивановичъ, Ярославск. губ. Умеръ въ 1882 г., состоя судебн. слѣд. Слуцкаго уѣзда.

14. Климовъ Иванъ Васильевичъ, Рязанской губ. Судебный слѣд. 2-го участка Пермскаго уѣзда.

15. Любимовъ Митрофанъ Андреевичъ, Калужской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

*16. Люминарскій Ник. Мих., Костр. г. Умеръ 1885 г., состоя секр. канц. оберъ-прокурора св. синода.

*17 Мартыновъ Николай Антоновичъ, Ярославской губ. Секретарь окружнаго суда въ Ярославлѣ.

*18. Матвѣевскій Митрофанъ Евдокимовичъ, Черн. губ. Товарищъ прокурора окр. суда въ Вяткѣ.

19. Минервинъ Андрей Семеновичъ, Владим. губ. Судебный слѣд. 2-го уч. Челяб. у., Оренбургской губ.

*20. Минервинъ Василій Семеновичъ, Владимірской губ. Присяжный повѣренный въ Ельцѣ Орловской губ.

21. Надѣинскій Павелъ Ѳедоровичъ, Яросл. губ. Судебн. слѣд. 2-го уч. Молмыжскаго у., Вятской губ.

*22. Орловъ Михаилъ Ивановичъ, Калужской губ. Судебный слѣд. 2-го уч. Старобѣльскаго уѣзда.

23. Павловъ Константинъ Николаевичъ, Рязанск. губ. Свѣдѣній не доставилъ.

24. Песоченскій Иванъ Андреевичъ, Калужской губерн. Свѣдѣній не доставилъ.

25. Преображенскій Александръ Мих., Костр. г. Умеръ

въ 1877 г., состоя въ 4-мъ департ. Сената помощн. оберъ-секретаря.

26. Розановъ Владиміръ Яковлевичъ, Владимірск. губ. Исправникъ въ г. Меленкахъ, Владимірской губ.

27. Смирновъ Андрей Павловичъ, Костром. губ. Судебный слѣдователь Ветлужскаго уѣзда, Костромской губ.

28. Смирновъ Иванъ Михайловичъ, Псковской губерн. Свѣдѣній не доставилъ.

*29. Соколовъ Степанъ Васильевичъ, Смоленской губерн. Состоя судебнымъ слѣдователемъ Сѣннинскаго уѣзда, умеръ въ 1883 г.

*30. Соловьевъ Иванъ Павловичъ, Владимірской губ. Товарищъ прокурора окружнаго суда въ Сандомирѣ.

31. Сперанскій Иванъ Васильевичъ, Владимірской губ. Товарищъ прокурора окружнаго суда въ Сарапулѣ.

32. Сперанскій Петръ Ивановичъ, Яросл. губ. Причисленъ къ Министерству Юстиціи.

33. Стратилатовъ Александръ Константиновичъ, Яросл. губ. Судебный слѣд. 2 уч. Лукояновскаго уѣзда, Нижег. г.

34. Стратилатовъ Иванъ Константиновичъ, Яросл. губ. Судебный слѣд. 2 уч. Сергачскаго у., Нижегор. губ.

*35. Стремоуховъ Андрей Михайловичъ, Яросл. губ. Товарищъ прокурора окружнаго суда въ Москвѣ.

36. Ульяшенко Сергѣй Ивановичъ, Владимірской губ. Судебный слѣд. 3-го участка Шуйскаго уѣзда.

37. Уткинъ Петръ Петровичъ, Ярослав. губ. Судебный слѣд. въ Оренбургской губерніи.

*38. Фуртунатовъ Павелъ Дмитріевичъ, Тульской губ. Судебный слѣдователь въ Умани.

39. Чанцевъ Сергѣй Александровичъ, Смоленской губ. Судебный слѣд. 2-го уч. Витебскаго уѣзда.

40. Шиповъ Павелъ Александровичъ, Ярославской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

41. Эдемовъ Николай Дмитріевичъ, Саратовск. губ. Свѣдѣній не доставилъ.

*42. Якиманскій Александръ Михайловичъ, Владимірской губ. Члевъ соединенной палаты въ Оренбургѣ.

43. Яхонтовъ Николай Алексѣевичъ, Костромской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

Третій выпускъ—1876 года.

1. Александровскій Иванъ Михайловичъ, Тульск. губ. Состоя судебн. слѣдов. въ Вильно, умеръ въ 1884 г.

*2. Архангельскій Николай Ивановичъ, Рязанской губерн. Свѣдѣній не доставилъ.

*3. Богдановъ Яковъ Ивановичъ, Владимірской губ. Тов. прокур. окр. суда въ Костромѣ.

4. Вознесенскій Александръ Ивановичъ, Костром. губ. Свѣдѣній не доставилъ.

5. Волочковъ Иванъ Петровичъ, Смоленской губ. Судебный слѣдователь 20 участка Смоленской губерніи.

*6. Звонниковъ Павелъ Ивановичъ, Кіевской губ. Присяжный повѣренный округа Московской судебной палаты.

*7. Зерновъ Сергѣй Степановичъ, Московской губерніи. Присяжный повѣренный въ Москвѣ.

8. Кириловъ Михаилъ Васильевичъ, Москов. губ. Свѣдѣній не доставилъ.

9. Лапчинскій Ѳедоръ Алексѣевичъ, Черниговской губ. Членъ соединенной палаты въ Архангельскѣ.

*10. Лебедевъ Николай Максимовичъ, Тульск. губ. Помощникъ секретаря при окр. судѣ въ Ставрополѣ.

11. Лилеевъ Михаилъ Николаевичъ, Яросл. губ. Судебный слѣдователь Чембарскаго уѣзда Пензенск. губ.

12. Маляровъ Александръ Яковлевичъ, Оренбург. губ. Судебный слѣдователь Верхотурскаго уѣзда.

13. Маслаковъ Иліодоръ Васильевичъ, Чернигов. губ. Товарищъ прокурора окр. суда въ Казани.

14. Мелодіевъ Евлогій Евгеньевичъ, Тульской губ. Судебный слѣд. Бѣлевскаго уѣзда, Тульской губерніи.

*15. Нечаевъ Лука Ивановичъ, Тульской губ. Умеръ въ 1883 г., состоя судебн. слѣд. Богородицкаго уѣзда.

16. Остроумовъ Николай Ивановичъ, Калужской губ. Судебн. слѣд. Мещевскаго уѣзда.

17. Оферьевъ Ѳедоръ Арсеньевичъ, Владимірской губ. Судебный слѣдователь Юрьевскаго уѣзда.

18. Парнасовъ Петръ Петровичъ, Владим. губ. Судеб. слѣд. 1-го уч. въ Екатеринодарѣ.

19. Пригаровскій Михаилъ Петровичъ, Чернигов. губ. Свѣдѣній не доставилъ.

20. Прозоровскій Мих. Григорьевичъ, Калуж. г. Умеръ въ 1878 г., состоя пом. дѣл. Калуж. губ. правленія.

*21. Писаревскій Николай Григорьевичъ, Ярослав губ. Членъ окр. суда въ Гродно.

*22. Поповъ Степанъ Дмитріевичъ, Архангельской губ. Мировой судья, по выбору, въ г. Тотьмѣ.

23. Разумовскій Аполлонъ Николаевичъ, Ярослав. губ. Свѣдѣній не доставилъ.

24. Спасскій Владиміръ Евѳимовичъ, Тульск. губ. Судебный слѣд. въ г. Крапивнѣ.

25. Стратилатовъ Михаилъ Константиновичъ, Яросл. г. Товарищъ прокурора окружнаго суда въ Минскѣ.

26. Субботинъ Василій Философовичъ, Яросл. губ. Судебный слѣд. 2 уч. Бѣжецкаго уѣзда.

27. Троицкій Василій Александровичъ, Тверской губ. Судебный приставъ въ Весьегонскѣ.

Четвертый выпускъ—1877 года

1. Алякринскій Митрофанъ Александровичъ, Владим. губ. Судебный слѣдователь 1 уч. Кинешемскаго уѣзда.

2. Бенедиктовъ Геннадій Петровичъ, Ярославской губ. Судебный слѣдователь Волковыйскаго уѣзда, Гродненск. губ.

*3. Валединскій Илья Іеронимовичъ, Владимірской губ. Старшій чиновн. особ. поруч. губернатора въ Н.-Новгородѣ.

4. Веселовскій Василій Аркадьевичъ, Владимірск. губ. Свѣдѣній не доставилъ.

5. Галаховъ Алексѣй Михайловичъ, Тверской губ. Состоя при Министерствѣ Юстиціи, умеръ въ 1878 г.

6. Глѣбовъ Никаноръ Васильевичъ, Рязанск. г. Старшій помощн. окружн. акцизнаго надзирателя въ Умани.

7. Горбатовскій Матвѣй Степановичъ, Черниговской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

8. Гродзицкій Василій Ивановичъ, Минской губ. Состоя судебн. слѣд. въ Каменецъ-Подольскѣ, умеръ въ 1880 г.

9. Духовской Евгеній Васильевичъ, Нижегородской губ. Присяжный повѣренный въ Москвѣ.

10. Журавченко Михаилъ Ивановичъ, Черниг. г. Состоя канд. на суд. долж. Яросл. окр. суда, умеръ въ 1881 г.

11. Казанскій Павелъ Андреевичъ, Тульской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

*12. Казанцевъ Леонидъ Николаевичъ, Яросл. г. Экстраорд. проф. по римск. праву въ университ. Св. Владиміра.

*13. Крюковъ Сергѣй Ильичъ, Тверской губ. Учитель реальнаго училища въ Курскѣ.

14. Линденбратенъ Яковъ Рафаиловичъ, Виленской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

15. Меморскій Александръ Михайловичъ, Владимірской губ. Присяжный повѣренный къ Нижнемъ-Новгородѣ.

16. Михайловскій Арсеній Николаевичъ, Тверской губ. Секретарь окружнаго суда въ Владикавказѣ.

*17. Моригеровскій Сергѣй Ивановичъ, Тульской губ. Товарищъ прокурора окружнаго суда въ Екатеринодарѣ.

18. Невскій Иванъ Александровичъ, Тверской губерн. Учитель реальнаго училища въ Екатеринославлѣ.

19. Никольскій Александръ Григорьевичъ, Владимірской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

20. Никольскій Александръ Яковлевичъ, Черниговской губ. Помощ. прис. повѣр. въ Арзамазѣ.

21. Никольскій Петръ Павловичъ, Тверской губ Свѣдѣній не доставилъ.

22. Остряковъ Николай Яковлевичъ, Тамбовской губ. Судебный слѣдов. Землянскаго уѣзда, Воронежской губ.

23. Пагава, князь, Мельхиседекъ Григорьевичъ, Кутаисской губерніи. Директоръ Михайловскаго дворянскаго земельнаго банка въ Кутаисѣ.

24. Парвицкій Николай Ивановичъ, Владимірской губ. Правитель канцеляріи градоначальника въ Керчь-Еникалѣ.

25. Поповъ Михаилъ Ивановичъ, Тамбовской губ. Судебный слѣдователь Карачевскаго уѣзда, Орловской губ.

*26. Потѣхинъ Павелъ Борисовичъ, Костромской губ. Дѣлопр. VIII кл. въ Департаментѣ Народнаго Просвѣщенія.

*27. Пѣтунинъ Алексѣй Яковлевичъ, Ярославской губ. Присяжный повѣренный въ Москвѣ.

28. Радугинъ Константинъ Павловичъ Владимірск. губ. Судебный слѣдователь Меленковскаго уѣзда, Владимір. губ.

29. Розовъ Николай Александровичъ, Костромской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

30. Сахаровъ Владиміръ Ивановичъ, Калужской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

31. Святославскій Алексѣй Петровичъ, Московской губ. Секретарь окружнаго суда въ Орлѣ.

*32. Савастьяновъ Владиміръ Константиновичъ, Тамбовской губ. Мировой судья, по выбору, въ гор. Шацкѣ.

*33. Славновскій Алексѣй Александровичъ, Тверской губ. Учитель II реальнаго училища въ С.-Петербургѣ.

34. Соловьевъ Иванъ Николаевичъ, Владим. губ. Умеръ въ 1885 г., состоя секретаремъ Таврич. дух. консисторіи.

35. Страховъ Александръ Семеновичъ, Московской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

36. Успенскій Алексѣй Николаевичъ, Моск. губ. Умеръ въ 1881 г., находясь помощн. прис. повѣрен. въ Ярославлѣ.

37. Успенскій Иванъ Ивановичъ, Тверской губ. Помощникъ старш. Нотаріуса окружн. суда въ С.-Петербургѣ.

38. Утѣхинъ Филаретъ Владиміровичъ, Тверской губ. Судебный слѣдователь Луковскаго уѣзда, Сѣдлецк. губ.

39. Хохловъ Иванъ Александровичъ, Тверской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

40. Хохловъ Сергѣй Александровичъ, Тверской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

Пятый выпускъ—1878 года.

1. Алякринскій Григорій Артамоновичъ, Владим. губ. Судебный слѣдователь 2-го уч. Меленковскаго уѣзда.

*2. Андроссовъ Николай Ивановичъ, Московской губ. Присяжный повѣр. округа Московской судебной палаты.

3. Афанасьевъ Маркъ Ивановичъ, Тамбовской губерн. Свѣдѣній не доставилъ.

4. Бабіевскій Иванъ Григорьевичъ, Черниговской губ. Старшій ревизоръ контрольной палаты въ Ярославлѣ.

5. Балутинъ Флорентій Петровичъ, Черниговской губ. Кандидатъ на судебн. должн. при прок. Харьк. судеб. палаты.

6. Виноградовъ Дмитрій Алексѣевичъ, Владимірской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

7. Вознесенскій Николай Алексѣевичъ, Тверской губ. Судебный слѣд. Лодейнопольскаго уѣзда, Олонецкой губ.

8. Воскресенскій Николай Дмитріевичъ, Тульской губ. Судебный слѣд. Повѣнецкаго уѣзда, Ковенской губ.

9. Гладковъ Владиміръ Григорьевичъ, Ярославской губ. Присяжный повѣренный во Владимірѣ.

*10. Доброхотовъ Александръ Алексѣевичъ, Яросл. губ. Умеръ въ 1883 г., состоя судебн. слѣд. въ Устюгѣ.

*11. Есиповъ Алексѣй Николаевичъ, Яросл. губ. Непремѣнный засѣдатель крестьянск. присутствія въ г. Данилovѣ.

12. Ивановскій Александръ Ивановичъ, Вологодской г. Судебный слѣдователь въ Динабургѣ.

13. Казанскій Василій Алексѣевичъ, Ярославской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

14. Краснопѣвцевъ Алексѣй Ивановичъ, Тульской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

15. Лавровъ Алексѣй Андреевичъ, Орловской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

16. Лебедевъ Дмитрій Алексѣевичъ, Московской губ. Мировой судья въ Москвѣ.

17. Литовъ Сергѣй Ивановичъ, Ярославской губ. Занимается торговыми дѣлами.

18. Малиновскій Николай Георгіевичъ, Орловской губ. Судебный слѣдователь Пинскаго уѣзда, Минской губ.

19. Миловидовъ Александръ Ивановичъ, Владимір. губ. Свѣдѣній не доставилъ.

20. Молчановъ Владиміръ Алексѣевичъ, Тульской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

21. Моревъ Николай Николаевичъ, Ярославской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

22. Несмѣловъ Николай Алексѣевичъ, Пензенской губ. Судебный слѣдователь въ Оренбургской губ.

23. Орельскій Иванъ Андреевичъ, Нижегородской губ. Судебный слѣдователь Повенѣжскаго уѣзда, Олонецкой губ.

24. Орловъ Алексѣй Алексѣевичъ, Воронежской губ.

Товарищъ прокурора окружнаго суда въ Новочеркасскѣ.

*25. Петровскій Павелъ Лавровичъ, Яросл. губ. Чиновн. особ. поруч. при управленіи госуд. имущ. въ Новгородѣ.

26. Погожевъ Дмитрій Андреевичъ, Московской губ Присяжный повѣренный округа Московской судебн. палаты.

27. Поспѣловъ Николай Алексѣевичъ, Московской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

28. Путилинъ Александръ Ивановичъ, Воронежской губ. Судебный слѣд. Острогожскаго уѣзда, Воронежской губ.

29. Реутскій Митрофанъ Ивановичъ, Черниговской губ. Въ управленіи Волжско-Камскаго банка въ Петербургѣ.

30. Серафимовъ Николай Константиновичъ, Костромской губ. Секретарь духовной консисторіи въ Вяткѣ.

31. Сергѣевъ Петръ Степановичъ, Воронежской губ. Судебный слѣдов. Новохоперскаго уѣзда, Воронежскаго губ.

32. Соколовъ Илья Васильевичъ, Смоленской губ. Судебный слѣдов. Повѣнецкаго уѣзда, Ковенской губ.

33. Срѣтенской Евгеній Аврамьевичъ, Ярославской губ. Секретарь духовной консисторіи въ Житомірѣ.

34. Стратилатовъ Николай Петровичъ, Ярославск. губ. Преподаватель реал. уч. въ Троицкосавскѣ, Забайк. обл.

35. Страховъ Иванъ Игнатьевичъ, Тверской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

36. Ундольскій Сергѣй Александровичъ, Владимір. губ. Судебный слѣдов. 1-го уч. Вязниковскаго уѣзда.

37. Шумилинъ Николай Петровичъ, Ярославской губ. Судебный слѣдователь въ Варшавской губ.

Шестой выпускъ—1879 года.

1. Алексѣевскій Александръ Васильевичъ, Тверск. губ. Судебный слѣд. Усманскаго уѣзда, Воронежской губ.

2. Алякринскій Иванъ Артамоновичъ, Владимір. губ.

При Министерствѣ Юстиціи, съ откомандированіемъ для занятій въ Оренбургскую соединенную палату.

*3. Артыновъ Евгеній Дмитріевичъ, Владимірской губ. Присяжный повѣренный въ Москвѣ.

4. Бѣлоровскій Михаилъ Петровичъ, Черниговск. губ. Засѣдатель окружн. суда въ Каинскѣ Томской губ.

5. Виноградовъ Иванъ Сергѣевичъ, Костромской губ. Столоначальникъ въ Минист. Императорскаго Двора.

6. Знаменскій Николай Павловичъ, Владимірской губ. Судебный слѣд. Лукояновскаго уѣзда Нижегор. губ.

7. Козловскій Иванъ Гавриловичъ, Могилевской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

8. Лебедевъ Василій Григорьевичъ, Владимірской губ. Кандидатъ на судебн. должн. при Владимірск. окр. судѣ.

9. Мировъ Алексѣй Алексѣевичъ, Яросл. губ. Состоя помощ. попечителя Калмыцкаго народа въ Астрахани, умеръ въ 1880 году.

10. Никольскій Николай Яковлевичъ, Черниговской губ. Судебный слѣдователь въ Уфимской губ.

*11. Образцовъ Семенъ Флегонтовичъ, Вологодской губ. Учитель реальнаго учил. въ Урюпинской станицѣ (земли войска донскаго).

*12 Орлинскій Евсевій Ивановичъ, Тульской губ. Судебный слѣд. 2 уч. Вольскаго уѣзда, Сарат. губ.

13. Платоновъ Иванъ Ивановичъ, Тамбовской губ. Судебный слѣд. 1 уч. Енотаевскаго уѣзда, Астрах. губ.

14. Романовскій Алексѣй Константиновичъ, Московской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

15. Смирновъ Андрей Константиновичъ, Рязанской губ. Судебный слѣдователь въ Уфѣ.

*16. Соколовъ Николай Ѳедоровичъ, Тверской губ. Учитель реальнаго училища въ Нижнемъ-Новгородѣ.

17. Стефановскій Александръ Трифоновичъ, Чернигов.

губ. Кандидатъ на судебн. долж. при Черниг. окр. судѣ.

*18. Титовъ Сергѣй Георгіевичъ, Костром. губ. Кандидатъ на судебн. долж. при окружн. судѣ въ Вологдѣ.

19. Ураковъ Павелъ Петровичъ, Костром. губ. Помощникъ секретаря при окружн. судѣ въ Костромѣ.

*20. Успенскій Алексѣй Ѳедоровичъ, Тверской губ. Судебный слѣдователь въ Витебской губерніи.

*21. Флорентинскій Владиміръ Николаевичъ, Нижегород. губ. Судебный слѣд. 2 уч. Ошмянскаго уѣзда, Вил. губ.

*22. Фортунатовъ Константинъ Александровичъ, Тверской губ. Секретарь окр. суда въ Смоленскѣ.

Седьмой выпускъ—1880 года.

*1. Безсоновъ Александръ Михайловичъ, Московск. губ. Присяжный повѣрен. округа Московской судебн. палаты.

2. Бѣляевъ Иванъ Ивановичъ, Владимірской губерніи. Суд. слѣд. 2 уч. Гороховецкаго уѣзда.

3. Валединскій Викторъ Іеронимовичъ, Владимір. губ. Судебный слѣдователь во Владикавказѣ.

4. Горлицынъ Владиміръ Авксентьевичъ, Ярославской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

*5. Граціановъ Александръ Яковлевичъ, Нижегородской губ. Судебный слѣд. въ Нижегород. губ.

*6. Гусевъ Николай Николаевичъ, Московской губ. Въ распоряженіи Виленскаго губернскаго прокурора.

7. Дубенскій Николай Николаевичъ, Петербургкой губ. Судебный слѣд. 4 уч. Бобруйскаго уѣзда, Минск. губ.

8. Ждановъ Андрей Андреевичъ, Полтавской губерніи. Мировой судья по выбору въ Царицынѣ.

9. Колосовскій Иванъ Владиміровичъ, Черниrов. губ. Судебный слѣдователь Мензелинскаго уѣзда, Уфимской губ.

*10. Красовскій Александръ Антоновичъ, Ярослав. губ. Товарищъ прокурора окружн. суда въ Елисаветполѣ.

11. Любимовъ Павелъ Ѳомичъ, Рязанской губ. Секретарь окружнаго суда въ Ковно.

12. Муравьевъ Сергѣй Ивановичъ, Московск. губ. Судебный слѣдоват. въ Болховѣ, Орловской губ.

13. Орловъ Иванъ Николаевичъ, Московской губерніи. Присяжный повѣренный въ Ярославлѣ.

*14. Пятницкій Михаилъ Петровичъ, Ярославской губ. Судебный слѣдов. въ Кинешмѣ.

15. Шѣнскій Алексѣй Николаевичъ, Тверской губерніи. Секретарь акцизнаго управленія въ Ковно.

*16. Раппопортъ Алексѣй Львовичъ, Кіевской губ. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ Кіевѣ.

17. Розановъ Гавріилъ Петровичъ, Рязанской губ. Кандидатъ на суд. долж. при окружн. судѣ въ Рязани.

18. Розовъ Александръ Васильевичъ, Ярославской губ. Архиваріусъ окружнаго суда въ Ярославлѣ.

19. Фортунатовъ Гавріилъ Дмитріевичъ, Тульской губ. Судебный слѣдователь 2 уч. Россіенскаго у. Ковенск. губ.

20. Чернобровцевъ Василій Дмитріевичъ, Владимір. губ. Суд. слѣд. 1 уч. Семеновскаго у. Нижегор. губ.

*21. Шубинъ Никаноръ Александровичъ, Петербургской губ. Членъ окр. суда въ Баку.

*22. Яковлевъ Иванъ Георгіевичъ, Петербургской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

23. Язвицкій Константинъ Павловичъ, Владимірской г. Свѣдѣній не доставилъ.

Восьмой выпускъ—1881 года.

1. Аменицкій Иванъ Александровичъ, Владимірск. губ. Секретарь при прокурорѣ окруж. суда въ Н.-Новгородѣ.

2. Богородскій Леонидъ Алексѣевичъ, Ярославской г. Свѣдѣній не доставилъ.

3. Вишняковъ Михаилъ Семеновичъ, Москов. губерн. Присяжн. повѣренный округа Московской судебной палаты.

4. Гоффманъ Антонъ Эдуардовичъ, Могилевской губ. Секретарь окружнаго суда въ Смоленскѣ.

*5. Ильинъ Порфирій Николаевичъ, Петербургской губ. Кандидатъ на судеб. должн. при окр. судѣ въ Петербургѣ.

6. Истоминъ Александръ Ивановичъ, Тверск. губ. Суд. слѣдователь въ Архангельскѣ.

7. Коржавинъ Николай Николаевичъ, Московск. губ. Секретарь окружнаго суда въ Москвѣ.

*8. Критскій Иванъ Александровичъ, Владимірской губ. Кандидатъ на судебн. должн. при окружн. судѣ въ Череповцѣ.

9. Крыловъ Павелъ Александровичъ, Ярославск. губ. Свѣдѣній не доставилъ.

10. Любомудровъ Михаилъ Александровичъ, Тульской губ. Помощникъ секретаря судебной палаты въ Тифлисѣ.

11. Лялинъ Михаилъ Николаевичъ, Владимірской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

12. Малевскій-Малевичъ Александръ Юльевичъ, Московской губерн. Присяжный повѣр. въ Твери.

13. Милославовъ Павелъ Афанасьевичъ, Ярославск. г. Свѣдѣній не доставилъ.

14. Поповъ Дмитрій Васильевичъ, Вологодской губерн. Свѣдѣній не доставилъ.

15. Поповъ Лавръ Андреевичъ, Ярославской губ. Суд. слѣд. 8 участка Екатеринбургскаго уѣзда.

16. Предтеченскій Николай Андреевичъ, Ярослав. губ. Уѣздный исправникъ въ г. Рыбинскѣ.

17. Приселковъ Владиміръ Захаровичъ, Тверской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

*18. Раевскій Евгеній Александровичъ, Ярославской губ. Присяжный повѣренный въ Ярославлѣ.

19. Раевскій Ѳедоръ Констант., Костромск. губ. Состоя канд. на суд. долж. при Костр. ок. судѣ, умеръ въ 1883 г.

20. Рождественскій Ѳедоръ Дмитріевичъ, Московск. губ. Пом. секретаря судебной палаты въ Москвѣ.

21. Смирновъ Василій Семеновичъ, Владимірской губ. Секретарь окружнаго суда въ Могилевѣ.

22. Смирновъ Михаилъ Михайловичъ, Владимірск. губ. Пом. секретаря окр. суда во Владимірѣ.

*23. Смоленскій Михаилъ Ѳедоровичъ, Тверской губерн. Суд. слѣд. 1-го уч. Хотинскаго уѣзда.

24. Соколовъ Александръ Глѣбовичъ, Ярославской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

*25. Телегинъ Сергѣй Александровичъ, Московской губ. Кандидатъ на суд. долж. при военно-окр. судѣ въ Москвѣ.

26. Троицкій Василій Михайловичъ, Тульской губерн. Судебный слѣдователь въ Уфимской губ.

27. Троицкій Василій Михайловичъ, Рязанской губерн. Свѣдѣній не доставилъ.

*28. Шахъ-Азизъ Семенъ Іоакимовичъ, Эриванской губ. Канд. на суд. должн. при судебной палатѣ въ Тифлисѣ.

Девятый выпускъ—1882 года.

1. Александровскій Владиміръ Андреевичъ, Владимірск. губ. Секретарь духовной консисторіи въ Могилевѣ.

2. Алексѣевъ Михаилъ Петровичъ, Тверской губ. Суд. слѣд. 21 уч. округа Варшавскаго окружн. суда.

3. Введенскій Иванъ Ивановичъ, Тверской губ. Секретарь окруж. суда въ Твери.

4. Дагаевъ Аркадій Ѳедоровичъ, Воронежской губерн. Секретарь окруж. суда въ Тамбовѣ.

5. Дмитревскій Дмитрій Ивановичъ, Ярославской губ. Кандидатъ на судебн. долж. при прокурорѣ въ Череповцѣ.

*6 Ивановъ Николай Аполлоновичъ, Тульской губерн. Свѣдѣній не доставилъ.

7. Кондратьевъ Михаилъ Петровичъ, Моск. губ. Пом. секрет. окруж. суда во Владимірѣ.

8. Лебедевъ Сергѣй Антоновичъ, Владимірск. губерн. Свѣдѣній не доставилъ.

9. Надеждинъ Сергѣй Александровичъ, Владимірск. г. Свѣдѣній не доставилъ.

10. Ораевскій Ѳедоръ Александровичъ, Ярославск. губ. Секретарь мироваго съѣзда въ Костромѣ.

11. Платоновъ Василій Александровичъ, Тамбовск. губ. Судебный слѣдов. въ Мезени.

*12. Полетаевъ Павелъ Арсеньевичъ, Ярославской губ. Судебный слѣд. въ Солигаличѣ.

13. Полянскій Ѳедоръ Ивановичъ, Воронежской губерн. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ Воронежѣ.

14. Свѣтловъ Константинъ Петровичъ, Рязанской губ. Суд. слѣд. Шацкаго уѣзда, Тамбовск. губ.

15. Соколовъ Иванъ Іассоновичъ, Ярославской губерн. Мировой судья по выбору въ гор. Даниловѣ.

*16. Тверицкій Павелъ Ѳедоровичъ, Ярославской губер. Судебн. слѣдователь въ Ростовѣ-Ярославскомъ.

17. Троицкій Александръ Ивановичъ, Московск. губ. Помощ. акцизн. надзирателя въ Сапожкѣ, Рязанской губ.

Десятый выпускъ—1883 года.

1. Агриковъ Василій Дмитріевичъ, Владимірской губ. Податной инспекторъ въ Муромѣ.

2. Андруцкій Гавріилъ Дмитріевичъ, Мигилевск. губ. Суд. слѣд. Вилейскаго уѣзда, Виленской губ.

*3. Благовѣщенскій Иванъ Дмитріевичъ, Орловской губ. Судебный слѣдователь въ Мышкинѣ.

4. Богородскій Василій Николаевичъ, Ярославск. губ. Свѣдѣній не доставилъ.

5. Бѣлогостицкій Петръ Ивановичъ, Ярославской губ. Секретарь окруж. суда въ Ярославлѣ.

*6. Бѣлопольскій Петръ Васильевичъ, Воронежской губ. Помощникъ секретаря судебной палаты въ Саратовѣ.

7. Бѣлявскій Александръ Алексѣевичъ, Смоленской г. Свѣдѣній не доставилъ.

*8 Введенскій Константинъ Евгеньевичъ, Вологодской губ. Податной инспекторъ въ Рыбинскѣ.

*9. Введенскій Николай Дмитріевичъ, Ярославской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

*10. Вишневскій Алексѣй Дмитріевичъ, Рязанской губ. Кандидатъ на суд. долж. при прокур. ок. суда въ Рязани.

11. Воздвиженскій Петръ Петровичъ, Московской губ. Помощникъ секретаря окружнаго суда въ Москвѣ.

*12. Воскресенскій Дмитрій Андреевичъ, Тверской губ. Канд. на суд. должности при Великолуцкомъ окр. судѣ.

*13. Голубцовъ Алфей Александровичъ, Вологодской губ. Податной инспекторъ въ Шуѣ.

*14. Григоревскій Петръ Семеновичъ, Курской губерн. Кандидатъ на суд. долж. при окр. судѣ въ Вологдѣ.

15. Добрянскій Феодосій Николаевичъ, Черниговск. губ. Суд. слѣдователь въ Слонимѣ.

16. Земблиновъ Александръ Ивановичъ, Пензенской г. Свѣдѣній не доставилъ.

17. Зубовскій Іосифъ Федотовичъ, Могилевской губерн. Кандидатъ на судебныя должн. при окружномъ судѣ въ Могилевѣ.

18. Ивановъ Петръ Дмитріевичъ, Воронежской губерн. Свѣдѣній не доставилъ.

19. Ивинскій Ѳедоръ Петровичъ, Тамбовской губ. Пом. присяжнаго повѣреннаго въ Тамбовѣ.

20. Казанскій Сергѣй Алексѣевичъ, Нижегородск. губ. Пом. миров. судьи въ Сырь-Дарьинской области.

21. Каллиниковъ Евгеній Дмитріевичъ, Архангел. губ. Свѣдѣній не доставилъ.

22. Козловскій Сергѣй Александровичъ, Черниговской губ. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ Москвѣ.

23. Лебедевъ Василій Ѳедоровичъ, Уфимской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

*24. Невскій Александръ Ивановичъ, Тверской губ. Суд. слѣд. 4 участка Россіенскаго уѣзда.

*25. Невскій Дмитрій Александровичъ, Ярославской губ. Библіотекарь Демидовскаго юридическаго лицея.

26. Образцовъ Сергѣй Флегонтовичъ, Вологодской губ. Судебный слѣдователь въ Пинегѣ.

27. Плавтовъ Иванъ Васильевичъ, Рязанской губерн. Помощн. надзирателя 5 округа акцизн. управл. въ Черниговской губ.

28. Погожевъ Игнатій Дмитріевичъ, Московской губ. Помощникъ секретаря окружнаго суда въ Москвѣ.

29. Поповъ Александръ Ивановичъ, Харьковской губ. Секретарь окружнаго суда въ Гродно.

30. Процвѣталовъ Иванъ Ивановичъ, Тамбовской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

*31. Розановъ Константинъ Александровичъ, Вологодской губ. Помощникъ присяжн. повѣр. въ Вологдѣ.

32. Сацердотовъ Степанъ Степановичъ, Вологодской губ. Тов. губ. прокурора въ Вологдѣ.

33. Сербскій Василій Матвѣевичъ, Московской губ. Товарищъ губерн. прокурора въ Иркутскѣ.

*34. Соловьевъ Николай Васильевичъ, Олонецкой губ. Секретарь дух. конс. въ Ставрополѣ, Таврической губ.

35. Степановъ Сергѣй Никитичъ, Московской губ. Помощникъ мироваго судьи на Кавказѣ.

*36. Тихонравовъ Александръ Ѳедоровичъ, Симбирской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

*37. Троицкій Виніаминъ Виссаріоновичъ, Черниговской губ. Секретарь окружн. суда въ Черниговѣ.

38. Троцкій Гурій Аристарховичъ, Черниговской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

39. Успенскій Алексѣй Петровичъ, Тульской губ. Пом. присяжн. повѣр. въ Тулѣ.

40. Чернобровцевъ Константинъ Ивановичъ, Влад. губ. Кандидатъ на судебн. должн. при окр. судѣ въ Костромѣ.

41. Шмаковъ Семенъ Васильевичъ, Архангельской губ. Секретарь окружнаго суда въ Вологдѣ.

42. Шмигельскій Константинъ Григорьевичъ, Кіевской губ. Судебн. слѣд. 1-го уч. въ Умани.

43. Юрьевъ Алексѣй Николаевичъ, Курской губ. Кандидатъ на судебн. должн. при окружн. судѣ въ Перми.

44. Язвицкій Александръ Павловичъ, Владимірской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

*45. Ѳедоровъ Владиміръ Васил., Ставроп. г. Судебн. слѣд. Отрадненскаго уч. Екатеринодарскаго окружн. суда.

46. Ѳоминъ Василій Яковлевичъ, Олонецкой губ Свѣдѣній не доставилъ.

Одиннадцатый выпускъ—1884 года.

1. Авдіевъ Николай Ивановичъ, Курской губ. Кандидатъ на судебн. должн. при окружн. судѣ въ Курскѣ.

2. Альбовъ Иванъ Ивановичъ, Костромской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

3. Аргентовскій Евграфъ Васильевичъ, Тобольской г. Свѣдѣній не доставилъ.

*4. Бесѣдкинъ Павелъ Ѳедоровичъ, Моск. г. Приватъ-доцентъ въ Лицеѣ по уголовному праву.

5. Благонадеждинъ Иванъ Васильевичъ, Владимірской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

6. Бруевичъ Иванъ Ивановичъ, Могилев. губ. Кандидатъ на суд. долж. при окруж. судѣ въ Могилевѣ.

7. Введенскій Иванъ Григорьевичъ, Владимірской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

8. Виноградовъ Николай Александровичъ, Ярославск. губ. Свѣдѣній не доставилъ.

9. Высоцкій Иванъ Капитоновичъ, Орловской губерн. Членъ Семирѣченскаго областнаго правленія.

10. Голосовъ Александръ Александровичъ, Ярославской губерніи. Засѣдатель уѣзднаго суда въ Кеми.

11. Голубцовъ Павелъ Александровичъ, Вологодской г. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ Вологдѣ.

12. Городецкій Александръ Степановичъ, Пензенской г. Судебный слѣдователь 1 уч. въ Архангельскѣ.

13. Грацинскій Павелъ Павловичъ, Воронежской губер. Свѣдѣній не доставилъ.

14. Громковскій Иванъ Кодратовичъ, Тамб. губ. Суд. слѣд. 3-го уч. Кунгурскаго уѣзда.

15. Дмитріевъ Михаилъ Александровичъ, Архангельской губ. Засѣдатель уѣзднаго суда въ Шенкурскѣ.

16. Заваринъ Владиміръ Павловичъ, Вологодской губ. Пом секр. окруж. суда въ Костромѣ.

*17. Звѣревъ Александръ Михайловичъ, Московской губ. Кандидатъ на суд. долж. при прокур. окр. суда въ Кіевѣ.

*18. Зыковъ Тимоѳей Яковлевичъ, Ярославской губ. Въ акцизномъ управленіи въ Вышнемъ-Волочкѣ.

*19. Казанскій Алексѣй Васильевичъ, Московской губ. Кандидатъ на судебныя должности при окружномъ судѣ въ Москвѣ.

20. Куприановъ Алексѣй Ивановичъ, Владимірской губ. Суд. сл. 3 уч. Мензелинскаго у.

*11. Лебедевъ Иванъ Александровичъ [1]), Олонецкой губ. Засѣдатель уѣздн. суда въ Архангельскѣ.

22. Лебедевъ Павелъ Васильевичъ, Московской губерн. Свѣдѣній не доставилъ.

23. Леоновъ Евѳимій Петровичъ, Воронежской губерн. Свѣдѣній не доставилъ.

*24. Любимовъ Павелъ Николаевичъ, Калужской губерн. Судебный слѣд. въ Тобольской губерніи.

*25. Мирославскій Николай Ѳедоровичъ, Черниговской губ. Суд. слѣд. 4 уч. во Владимирѣ-Волынскомъ.

26. Михайловъ Михаилъ Николаевичъ, Орловской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

27. Моисеевъ Ѳедоръ Ивановичъ, Харьковской губерн. Дѣлопроизв. 3 округа Акцизнаго Упр. въ Самарѣ.

*28. Невзоровъ Александръ Серафимовичъ, Оренбургск. губ. Бухгалтеръ Лицея.

*29. Нехорошевъ Тимоѳей Васильевичъ, Томской губерн. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ Петербургѣ.

30. Никифоровскій Андрей Васильевичъ, Костромской губ. Податной инспекторъ въ гг. Мологѣ и Мышкинѣ.

31. Никольскій Дмитрій Герасимовичъ, Орловской губ. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ Петербургѣ.

32. Павловскій Сергѣй Александровичъ, Орловской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

33. Петровскій Митрофанъ Іоакимовичъ, Воронежской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

34. Плетеневъ Андрей Алексѣевичъ. Курской губ. Членъ соединенной палаты въ Астрахани.

---

[1]) Окончилъ курсъ съ золотой медалью.

35. Покровскій Сергѣй Алексѣевичъ, Тульской губерн. Кандидатъ на суд. долж. при окр. судѣ въ Самарѣ.

*36. Поповскій Иванъ Ивановичъ, Воронежской губерн. Суд. слѣд. 4 уч. Ошмянскаго у. Виленск. губ.

37. Поповъ Николай Александровичъ, Костромской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

38. Поповъ Ѳедоръ Львовичъ, Вятской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

39. Приступа Георгій Игнатьевичъ, Волынской губерн. Частн. повѣренный въ Шадринскѣ, Пермской губ.

40. Протопоповъ Алексѣй Андреевичъ, Владим. губер. Судебн. слѣд. въ Ферганской области.

41. Раевскій Сергѣй Михайловичъ, Нижегор. губ. Кандидатъ на суд. долж. при окр. судѣ въ Самарѣ.

42. Робустовъ Василій Ивановичъ, Владимірской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

43. Рождественскій Константинъ Николаевичъ, Тамбовской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

44. Рязанцевъ Дмитрій Ивановичъ, Тверской губерніи. Помощн. столонач. въ департ. минист. юстиціи.

45. Самаринъ Сергѣй Николаевичъ, Вологодской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

46. Самойловичъ Владим. Александровичъ, Полтавск. г. Канд. на суд. долж. при прокур. суд. палаты въ Одессѣ.

47. Сахаровъ Александръ Лукичъ, Рязанской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

48. Сементовскій Иванъ Петровичъ, Оренбургской губ. Тов. губ. прокурора въ Томскѣ.

*49. Семидаловъ Владиміръ Ивановичъ, Енисейской губ. Окружный судья въ Красноярскѣ.

*50. Серповскій Николай Григорьевичъ, Тамб. г. Суд. слѣд. въ Щучинѣ, Ломж. губ. [1]).

---

[1]) Окончилъ курсъ съ золотой медалью.

51. Скворцовъ Павелъ Косьмичъ, Московской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

52. Спасскій Василій Павловичъ, Владим. губ. Судебн. слѣд. 2-го уч. Аткарск. у. Саратовск. губ.

53. Сперанскій Николай Ивановичъ, Владимірской губ. Тов. губ. прокурора въ Иркутской губ.

54. Стефановъ Николай Григорьевичъ, Смоленской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

55. Страховъ Михаилъ Васильевичъ, Калужской губер. Кандидатъ на судебн. долж. при окружномъ судѣ въ Рыбинскѣ.

56. Струменскій Евгеній Евгеньевичъ, Подольск. губ. Помощ. акцизн. надзирателя въ Ямполѣ.

*57. Сулковскій Василій Константиновичъ, Минской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

58. Сущинскій Германъ Васильевичъ, Могил. губ. Кандидатъ на суд. долж. при окр. судѣ въ Могилевѣ.

*59. Трехлѣтовъ Александръ Матвѣевичъ, Ярослав. губ. Мировой судья по выбору, въ Ярославлѣ.

60. Троицкій Алексѣй Арсеньевичъ, Тверской губерн. Свѣдѣній не доставилъ.

61. Троицкій Николай Петровичъ, Тверской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

62. Труфановъ Василій Константиновичъ, Харьковской губерніи. Судебный слѣд. въ Калишѣ.

63. Флеровъ Сергѣй Александровичъ, Тверской губерн. Судебный слѣд. 3 уч. въ Архангельскѣ.

64. Флоринскій Константинъ Ивановичъ, Владим. губ. Канд. на суд. должн. при окруж. судѣ въ Москвѣ.

65. Фортунатовъ Петръ Степановичъ, Казанской губер. Судебный слѣдователь въ Баку.

66. Хохловъ Александръ Васильевичъ, Черниговск. губ. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ Рыбинскѣ.

67. Хохловъ Алексѣй Александровичъ, Тверской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

68. Цвѣтковъ Павелъ Васильевичъ, Московской губерн. Пом. присяжн. повѣр. въ Москвѣ.

69. Часовниковъ Ѳедоръ Михайловичъ, Воронежской г. Свѣдѣній не доставилъ.

*70. Чулановскій Михаилъ Ильичъ, Екатеринослав. губ. Канд. на суд. долж. при окруж. судѣ въ Екатеринославлѣ.

71. Шелепинъ Василій Іустиновичъ, Могилевской губ. Канд. на суд. долж. при окруж. судѣ въ Могилевѣ.

72. Ѳедосѣевъ Александръ Петровичъ, Владимір. губ. Кандидатъ на суд. долж. при окр. судѣ во Владимірѣ.

Двѣнадцатый выпускъ—1885 года.

1. Агеевъ Иванъ Васильевичъ, Полтавской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

*2. Архангельскій Иванъ Косьмичъ, Ярославской губ. Секр. окр. суда въ Кѣльцахъ.

3. Бакулевскій Иванъ Гавриловичъ, Казанской губерн. Канд. на суд. должн. при судебн. Палатѣ въ Казани.

4. Богословскій Сергѣй Дмитріевичъ, Орловской губ. Пом. прис. пов. въ Орлѣ.

5. Богородицкій Всеволодъ Сергѣевичъ, Владимір. губ. Пом. стол. каз. палаты во Владимірѣ.

*6. Будзиловичъ Николай Николаевичъ, Минской губ. Суд. сл. 2-го уч. Рѣчицкаго уч. Минск. губ.

7. Быстрицкій Всеволодъ Владиміровичъ, Владимірск. губ. Въ акцизномъ управленіи въ Муромѣ.

8. Бѣляевъ Иванъ Васильевичъ, Харьковской губерн. Свѣдѣній не доставилъ.

*9. Введенскій Ѳедоръ Викторовичъ, Орловской губер. Суд. слѣд. 5 уч. Осинск. у. Пермск. губ.

10. Виноградовъ Николай Николаевичъ, Орловской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

11. Виноградскій Николай Степановичъ, Черниговской губ. Столон. коммерч. суда въ Петербургѣ.

12. Вознесенскій Василій Константиновичъ, Владимір. г. Пом. секр. окр. суда въ Нижнемъ-Новгородѣ.

13. Вознесенскій Николай Аркадьевичъ, Костромской губ. Суд. слѣд. въ Тропцкѣ Оренбург. губ.

*14. Гродзицкій Митрофанъ Іосифовичъ, Минской губ. Кандидатъ на суд. долж. при окр. судѣ въ Кіевѣ.

15. Гунбинъ Василій Алексѣевичъ, Тверской губ. Кандидатъ на судеб. долж. при окруж. судѣ въ Ржевѣ.

16. Драгомирецкій Дмитрій Ѳеоѳановичъ, Подольск. губ. Старшій контролеръ винокур. заводовъ 4 окр. въ Подольскѣ.

17. Ерасси Владиміръ Ивановичъ, Владимірской губ. Умеръ 1887 г., состоя пом. присяж. повѣр. во Владимірѣ.

18. Зыковъ Арсеній Павловичъ, Тверской губ. Кандидатъ на суд. должн. при окружн. судѣ въ Ковно.

19. Картвеловъ Михаилъ Лаврентьевичъ, Тифлисск. губ. Пом. мир. судьи по Тифлисск. уѣзду.

20. Казанскій Петръ Ивановичъ, Владимірской губерн. Свѣдѣній не доставилъ.

21. Короткевичъ Николай Дмитріевичъ, Чернигов. губ. Кандидатъ на судебн. должн. при окружномъ судѣ въ Нѣжинѣ.

22. Лавровъ Веніаминъ Тихоновичъ, Орловской губерн. Старш. контролеръ 2 окр. акцизн. управленія въ Орлѣ.

23. Лисицинъ Николай Васильевичъ, Тверской губерн. Кандидатъ на судебн. долж. при окр. судѣ въ Ржевѣ.

24. Ломакинъ Константинъ Павловичъ, Курской губер. Канд. на суд. долж. при окр. судѣ въ Калугѣ.

25. Лубнинъ Алексѣй Дмитріевичъ, Вятской губерніи. Кандидатъ на судебн. должн. при окр. судѣ въ Вяткѣ.

26. Медвѣдевъ Александръ Семеновичъ, Тверской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

27. Нечаевъ Сергѣй Петровичъ, Черниговской губерн. Свѣдѣній не доставилъ.

28. Никольскій Владиміръ Ильичъ, Тульск. губ Пом. секретаря окр. суда въ Тулѣ.

29. Никольскій Павелъ Ивановичъ, Тверск. губ. Контролеръ винокурен. заводовъ 1 окр. въ Каменецъ-Подольскѣ.

30. Никольскій Ѳедоръ Петровичъ, Калужск. губ. Суд. слѣд. Белебѣевск. уѣзда, Уфимской губ.

31. Новицкій Григорій Ивановичъ, Минской губерніи. Пом. мир. судьи въ Ферганской области.

32. Поповъ Иванъ Алексѣевичъ, Вологодской губерніи. Пом. Секр. окр. суда въ Вологдѣ.

33. Поповъ Николай Степановичъ, Воронежской губ. Кандидатъ на судебн. должн. при окружномъ судѣ въ Воронежѣ.

*34. Проценко Николай Николаевичъ, Петербургск. губ. Въ министерствѣ финансовъ.

35. Преображенскій Василій Ивановичъ, Московск. губ. Свѣдѣній не доставилъ.

36. Рклицкій Николай Васильевичъ, Черниговской губ. Помощ. секретаря окруж. суда въ Каменецъ-Подольскѣ.

*37. Смирновъ Дмитрій Васильевичъ, Ярославской губ. Кандидатъ на судебн. долж. при окр. судѣ въ Ковно.

38. Соколовъ Дмитрій Ивановичъ, Ярославской губер. Канд. на суд. должн. при окр. судѣ въ Ковно.

39. Соколовъ Александръ Васильевичъ, Казанск. губ. Суд. слѣд. въ Тобольской губерніи.

*40. Сперанскій Петръ Ив., Калуж. г. Состоя канд. на суд. долж. при Калуж. окр. с., умеръ въ 1886 г.

41. Соловьевъ Иванъ Петровичъ, Владимірской губерн. Помощ. присяж. повѣр. въ Иваново-Вознесенскѣ.

42. Спасскій Павелъ Александровичъ, Ярославск. губ. Свѣдѣній не доставилъ

43. Третьяковъ Иванъ Антоновичъ, Смоленской губерн. Свѣдѣній не доставилъ.

44. Троицкій Николай Александровичъ, Костром. губ. Свѣдѣній не доставилъ.

45. Туношенскій Василій Васильевичъ, Ярославск. губ. Счетный чиновн. контр. палаты въ Ярославлѣ.

46. Тюльпановъ Ѳедоръ Степановичъ, Владим. губерн. Канд. на суд. долж. при прокур. окр. суда во Владимірѣ.

47. Феликсовъ Евгеній Андреевичъ, Симбирской губер. Засѣдатель уѣзднаго суда въ Онегѣ.

48. Хабурзанія Антонъ Степ. Тифл. губ. Канд. на суд. долж. при Сачхерскомъ миров. съѣздѣ Кутаисск. губ.

49. Цѣлицо Владиміръ Леонтьевичъ, Могилевской губ. Контролеръ акцизнаго управленія въ Витебскѣ.

*50. Четыркинъ Павелъ Васильевичъ, Смоленской губ. Канд. на суд. долж. при прокурорѣ окр. суда въ Смоленскѣ.

51. Чарнецкій Григорій Ивановичъ, Минской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

52. Шугаевскій Иванъ Николаевичъ, Черниговск. губ. Канд. на суд. долж. при окр. судѣ въ Каменецъ-Подольскѣ.

53. Ѳедотовъ Арсеній Петровичъ, Воронежской губер. Свѣдѣній не доставилъ.

Тринадцатый выпускъ—1886 года

1. Антоновъ Митрофанъ Давидовичъ, Харьковск. губ. Свѣдѣній не доставилъ.

*2. Архангельскій Владиміръ Хрисанфовичъ, Симбирск. губ. Канд. на суд. долж. при окр. судѣ въ Ярославлѣ.

3. Богоявленскій Филадельфъ Вас., Каз. г. Умеръ въ 1887 г., состоя канд. на суд. должн. при Ярос. окр. судѣ.

4. Боевской Николай Александровичъ, Ярослав. губ. Секретарь при прокурорѣ Рыбинск. окр. суда.

5. Бочаговъ Александръ Ивановичъ, Ярославск. губ. Пом. контролера въ акцизн. упр. въ Петербургѣ.

6. Воротниковъ Василій Сергѣевичъ, Томской губерн. Свѣдѣній не доставилъ.

7. Воскресенскій Александръ Андреевичъ, Тверской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

*8. Демидовичъ Александръ Ѳедоровичъ, Екатериносл. губ. Помощ. мироваго судьи въ Кутаисѣ.

*9. Иваншинъ Евгеній Матвѣевичъ, Воронежской губ. Помощ. присяжн. повѣрен. въ Ярославлѣ.

10. Илличъ Александръ Александровичъ, Подольской губ. Канд. на суд. долж. при окр. судѣ въ Каменецъ-Подольскѣ.

11. Каменцовъ Петръ Николаевичъ, Ярославской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

12. Киріевъ Андрей Семеновичъ, Полтавской губ. Суд. слѣдов въ Устьсысольскѣ.

13. Леоновъ Алексѣй Георгіевичъ, Уфимской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

14. Малининъ Иванъ Никитичъ, Калужской губ. Канд. при прокурорѣ окр. суда въ Калугѣ.

15. Марковъ Александръ Николаевичъ, Воронежск. губ. Свѣдѣній не доставилъ.

16. Мирниковъ Сергѣй Алексѣевичъ, Смоленской губ. Засѣдатель уѣзднаго суда въ Мезени.

17. Михайловскій Константинъ Николаевичъ, Нижегородской губерн. Свѣдѣній не доставилъ.

18. Модестовъ Сергѣй Сергѣевичъ, Моск. губ. Канд. на суд. дол. при прокурорѣ суд. палаты въ Москвѣ.

19. Мясниковъ Александръ Александровичъ, Тверской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

*20. Нагинъ Андрей Павловичъ, Псковской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

21. Невскій Александръ Арсеньевичъ, Тверской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

*22. Отрошкевичъ Николай Саввичъ, Витебской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

*23. Петровъ Митрофанъ Петровичъ, Харьковской губ. Состоитъ при лицеѣ для приготовлен. къ профессорскому званію.

24. Поповъ Михаилъ Алексѣевичъ, Харьковской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

25. Пятницкій Александръ Константиновичъ, Тульской губерн. Засѣдатель уѣзднаго суда въ Архангельскѣ.

26. Роговъ Василій Дмитріевичъ, Петербургской губ. Секретарь окружнаго суда въ Ковно.

*27. Розовъ Константинъ Ивановичъ, Ярославской губ. Помощникъ столонач. казен. палаты въ Ярославлѣ.

*28 Сергѣевскій Александръ Васильевичъ, Самарской губ. Пом. акцизн. надзирателя въ Алатыри.

29. Синебрюховъ Александръ Ивановичъ, Уфимской г. Пом. секретаря судебной палаты въ Вильно.

*30. Скопинскій Александръ Васильевичъ, Рязанской г. Секретарь при прокурорѣ окр. суда въ Казани.

31. Скульскій Петръ Николаевичъ, Ярославской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

*32. Срѣтенскій Семенъ Александровичъ, Петербургской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

33. Удинцовъ Николай Васильевичъ, Пермской губерн. Свѣдѣній не доставилъ.

34. Успенскій Николай Алексѣевичъ, Орловской губ. Суд. слѣд. въ Тюкалинскѣ, Тоб. губ.

*35. Чоловскій Михаилъ Ѳедоровичъ, Могилевской губ. Въ земскомъ отдѣлѣ мин. внутр. дѣлъ.

*36. Чулановскій Гавріилъ Ильичъ, Екатериносл. губ. Свѣдѣній не доставилъ.

37. Чумаевскій Алексѣй Сергѣевичъ, Саратовской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

38. Шипинъ Александръ Павловичъ, Ярославск. губ. Канд. на суд. должн. при окр. судѣ въ Петербургѣ.

*39. Щербина Матвѣй Петровичъ, Харьковской губерн. Свѣдѣній не доставилъ.

40. Ѳеденко Григорій Игнатьевичъ, Харьковской губер. Канд. на суд. должн. при окр. судѣ въ Харьковѣ.

Четырнадцатый выпускъ—1887 года.

*1. Агафоновъ Николай Ѳедоровичъ, Уфимской губерн. Свѣдѣній не доставилъ.

2. Асотскій Павелъ Михайловичъ, Курской губ. Канд. на суд. должн. при окр. судѣ въ Могилевѣ.

3. Боголюбскій Иларіонъ Алексѣевичъ, Воронежск. губ. Свѣдѣній не доставилъ.

*4. Бѣляевъ Николай Семеновичъ, Воронежской губер. Свѣдѣній не доставилъ.

5. Виноградовъ Моисей Петровичъ, Витебской губерн. Кандидатъ на суд. должности при окр. судѣ въ Гродно.

6. Виноградскій Василій Степановичъ, Черниговск. губ. Кандид. на суд. должн. при прок. Черниг. окр. суда.

7. Георгіевскій Александръ Васильевичъ, Ярославск. г. Свѣдѣній не доставилъ.

*8. Гурвичъ Айзикъ Ароновичъ, Ковенской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

*9. Дмитревскій Иванъ Петровичъ, Влад. губ. Свѣдѣній не доставилъ.

10. Замахаевъ Сергѣй Андреевичъ, Воронежской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

11. Звѣздинъ Александръ Ивановичъ, Нижегород. губ. Свѣдѣній не доставилъ.

12. Истоминъ Иванъ Ивановичъ, Тверской губ. Пом. дѣлопроизводителя губ. правл. въ Ковно.

13. Калашниковъ Николай Петровичъ, Рязанской губ. Канд. на суд. должн. при окр. судѣ въ Ковно.

14. Клементьевъ Григорій Игнатьевичъ, Харьковск. губ. Свѣдѣній не доставилъ.

15. Котовичъ Василій Васильевичъ, Могилевской губ. Канд. на суд. долж. при окр. судѣ въ Могилевѣ.

16. Лебедевъ Николай Васильевичъ, Калужской губерн. Свѣдѣній не доставилъ.

17. Левитскій Григорій Романовичъ, Саратовской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

18. Любимовъ Александръ Ивановичъ, Владимірск. губ. Канд. на суд. должн. при окр. судѣ во Владимірѣ.

*19. Люцедарскій Леонтій Евдоксіевичъ, Каменецъ-Подольской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

*20. Ляхницкій Клавдій Васильевичъ, Черниг. губ. Канд. на судебн. должн. при прокур. окр. суда въ Петербургѣ.

21. Милославовъ Игнатій Алексѣевичъ, Ярославск. губ. Кандидатъ на судебн. должн. при соединенной палатѣ въ Уфѣ.

22. Моревъ Николай Ивановичъ, Яросл. губ. Свѣдѣній не доставилъ.

23. Никольскій Александръ Герасимовичъ, Орлов. губ. Свѣдѣній не доставилъ.

24. Никольскій Петръ Мироновичъ, Владимірской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

*25. Окновскій Шлема Лейзеровичъ, Сувалкской губер. Свѣдѣній не доставилъ.

*26. Покровскій Иванъ Александровичъ, Нижегор. губ. Свѣдѣній не доставилъ.

*27. Поповъ Константинъ Ѳедоровичъ, Ярославск. губ. Канд. на суд. должн. при прокур. окр. суда въ Ярославлѣ.

28. Проскурниковъ Константинъ Васильевичъ, Харьков. губ. Свѣдѣній не доставилъ.

29. Райскій Василій Дмитріевичъ, Кіевской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

30. Слюсаревъ Викентій Ивановичъ, Харьк. губ. Канд. на суд. должн. при окр. судѣ въ Лубнахъ Полт. губ.

*31. Смирновъ Александръ Андреевичъ, Смоленск. губ. Канд. на суд. должн. при прок. окр суда въ Смоленскѣ.

32. Соколовъ Леонидъ Андреевичъ, Ярославской губ. Канд. на суд. должн. при окр. судѣ въ Вологдѣ.

33. Солнцевъ Александръ Лаврентьевичъ, Тульск. губ. Канд. на суд. долж. при прокур. окр. суда въ Тулѣ.

34. Соловьевъ Константинъ Адріановичъ, Московск. г. Умеръ въ 1887 г., не поступивъ на службу.

35. Софоновъ Сергѣй Ивановичъ, Томск. губ. Канд. на суд. долж. при прокур. окр. суда въ Ярославлѣ.

*36. Сперанскій Алексѣй Ивановичъ, Владимір. губ. Канд. на суд. должн. при окр. судѣ въ Ярославлѣ.

37. Томашевичъ Андроникъ Семеновичъ, Волынск. губ. Пом. секр. окр. суда въ Ярославлѣ.

38. Успенскій Николай Флегонтовичъ, Костромск. губ. Свѣдѣній не доставилъ.

39. Чичинадзе Сергѣй Консгантиновичъ, Кутаисск. губ. Канд. на суд. должн. при окр. судѣ. въ Кутаисѣ.

СПИСОКЪ

окончившихъ курсъ въ 1888 г.

Съ правомъ на полученіе степени кандидата по представленіи диссертаціи:

1. Карауловъ Дмитрій Николаевичъ, родомъ Ярославской губерніи.

2. Кацауровъ Сергѣй Николаевичъ, Московской губерніи.

3. Коровинъ Иванъ Аристарховичъ, Пермской губерніи.

4. Надѣинскій Александръ Павловичъ, Ярославской губерніи.

5. Невскій Сергѣй Александровичъ, Владимірской губерніи.

6. Поповъ Павелъ Николаевичъ, Пермской губерніи.

7. Тартаковскій Александръ Сергѣевичъ, Херсонской губерніи.

Нижеслѣдующіе удостоены званія дѣйствительнаго студента:

8. Архангельскій Василій Павловичъ, Ярославской губерніи.

9. Добрянскій Андрей Николаевичъ, Черниговской губерніи.

10. Никольскій Сергѣй Степановичъ, Московской губерніи.

11. Нечаевъ Иванъ Ивановичъ, Тульской губерніи.

12. Пьянковъ Павелъ Алексѣевичъ, Пермской губерніи.

13. Рудинскій Леонидъ Семеновичъ, Ярославской губ.

14. Тутолминъ Петръ Дмитріевичъ, Курской губерніи.

15. Шапиро Николай Сергѣевичъ, Минской губерніи.

Въ $188^{8}/_{9}$ учебномъ году будутъ читать въ Лицеѣ:

Директоръ, Заслуженный Ординарный профессоръ, Докторъ Государственнаго права, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ *С. М. Шпилевскій*—Исторію Русскаго права на 1-мъ курсѣ 6 часовъ въ недѣлю.

Ординарный профессоръ, Докторъ Полицейскаго права, Статскій Совѣтникъ *И. Т. Тарасовъ*—на 2-мъ курсѣ Административное право 6 час., Финансовое право 3 часа и торговое право на 4-мъ курсѣ 3 часа.

Ординарный профессоръ, Докторъ Каноническаго права, Статскій Совѣтникъ *Н. С. Суворовъ*—на 3-мъ курсѣ Церковное Законовѣдѣніе 5 часовъ и Римское право 3 часа.

Ординарный профессоръ, Надворный Совѣтникъ, Докторъ Уголовнаго права *Л. С. Бѣлогрицъ-Котляревскій*—Уголовное право на 3-мъ курсѣ 6 часовъ.

Профессоръ Богословія, Магистръ Богословія, протоіерей *А. П. Лавровъ*—Богословіе на 1-мъ курсѣ 3 часа.

И. д. Экстраординарнаго профессора, Магистръ Международнаго права, Надворный Совѣтникъ *А. Н. Лодыженскій*—Международное право на 4-мъ курсѣ 4 часа.

И. д. Экстраординарнаго профессора, Магистръ Государственнаго права, Надворный Совѣтникъ *В. Г. Щегловъ*—на 1-мъ курсѣ Энциклопедію права 4 часа и Всеобщую исторію права 2 часа.

Доцентъ, магистръ Государственнаго права, *А. Е. Назимовъ*—Государственное право 3 часа на 2-мъ и 3-мъ курсахъ совмѣстно.

И. д. доцента, Кандидатъ Юридическихъ наукъ, Коллежскій Асессоръ *М. А. Липинскій*—на 2-мъ курсѣ Исторію Русскаго права 3 часа, на 3-мъ курсѣ—Гражданское право 2 часа и на 4-мъ курсѣ Гражданское судопроизводство и Гражданское право по 2 часа.

Приватъ доцентъ, Кандидатъ Юридическихъ наукъ, Титулярный Совѣтникъ *А. Е. Минервинъ*—на 1-мъ курсѣ Исторію Римскаго права 3 часа и Институціи Римскаго права 2 часа и на 2-мъ курсѣ Римское право 3 часа.

Приватъ доцентъ, Кандидатъ Юридическихъ наукъ *В. Ф. Левитскій*—Политическую экономію на 2-мъ кур. 3 час.

Приватъ доцентъ, Кандидатъ Юридическихъ наукъ, князь *Е. Н. Трубецкой*—Исторію Политическихъ ученій на 1-мъ курсѣ 2 часа.

Приватъ доцентъ, Кандидатъ Юридическихъ наукъ *А. Ф. Зачинскій*—Уголовное судопроизводство на 4 курсѣ 3 ч.

Приватъ доцентъ, Кандидатъ Юридическихъ наукъ *П. Ѳ. Бесѣдкинъ*—на 3-мъ курсѣ Уголовное право 1 часъ.

Сторонній преподаватель, докторъ Медицины *И. А. Кашкаровъ* – необязательный курсъ судебной медицины для всѣхъ курсовъ совмѣстно 2 часа.

Въ день Лицейскаго акта—30 августа 1888 года получены были телеграммы:

Изъ *Петербурга*. Поздравляю профессоровъ, студентовъ, инспектора, всѣхъ лицеистовъ съ праздникомъ дорогаго Лицея. *Исаевъ*.

Изъ *Архангельска*. Съ дальняго сѣвера привѣтствуютъ свою Alma Mater и съ любовью во славу ея несутъ данный ею свѣточъ на окраины Руси благодарные питомцы—Уѣздный судья *Феликсовъ*, Засѣдатель *Пятницкій*.

XXXIX.

Изъ *Белебея*. Привѣтствуемъ Лицей въ день славной годовщины; да процвѣтаетъ родной нашъ храмъ науки на много, много лѣтъ и да здравствуютъ профессора и студенты. Судебные слѣдователи—*Федоспѣевъ*, *Чернобровцеевъ*, *Никольскій*.

Изъ *Ветлуги*. Привѣтствую Лицей въ день торжества, желаю всего лучшаго. Товарищъ прокурора *Богдановъ*.

Изъ *Вятки*. Въ девятнадцатую годовщину дорогаго Лицея шлю сердечный привѣтъ его дѣятелямъ и студентамъ. Товарищъ прокурора Александръ *Бѣляевъ*.

Изъ *Звенигородки*. Прошу принять привѣтъ и лучшее пожеланіе дорогому Лицею. Окружный акцизный надзиратель *Гльбовъ*.

Изъ *Ковно*. Памятуя годовщину Лицея, привѣтствую его изъ сѣверо-западнаго края; пью здоровье дорогихъ профессоровъ и студентовъ. *Истоминъ*.

Со станціи *Коелга*. Поздравляю Васъ и незабвенный Лицей со днемъ годовщины. Студентъ 12 выпуска, судебный слѣдователь Оренбургской губерніи Николай *Вознесенскій*.

Изъ *Мезени*. Изъ безлюдной страны дикарей Самоѣдовъ, своей дорогой almae matri шлю горячій привѣтъ съ годовщиной; floreant litterae, vivant professores atque studiosi. Питомецъ *Мирмиковъ*.

Изъ *Петрокова*. Шлю мой привѣтъ Лицею въ день его годовщины. Студентъ втораго выпуска *Эльпидинскій*.

Изъ *Твери*. Привѣтствую Лицей въ день его годовщины. Исполняющій обязанности военнаго слѣдователя *Телѣгинъ*.

Изъ *Шавли*. Vivat Liceum, vivant professores atque studiosi. Воспитанникъ втораго выпуска *Уткинъ*.

НРАВСТВЕННОСТЬ и ПРАВО

въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ.

Профессора Демидовскаго Юридич. Лицея,

В. Щеглова.

ЯРОСЛАВЛЬ.

Типо-Литографія Г. Фалькъ, Духовская ул., собственный домъ.

1886.

Печатано по опредѣленію Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.
Директоръ *С. Шпилевскій.*

Самое серьезное наше бѣдствіе состоитъ въ той глубокой розни, которая существуетъ теперь между всѣми умами относительно всѣхъ основныхъ правилъ, твердость которыхъ есть первое условіе соціальнаго порядка.

Контъ.

Легко проповѣдывать мораль, трудно установить ея принципы.

Шопенауэръ.

I.

Всякій, кто только ни вздумаетъ наблюдать жизнь современнаго европейскаго общества, невольно поражается однимъ замѣчательнымъ въ немъ явленіемъ, свойственнымъ въ особенности многочисленнымъ, большимъ городамъ Европы. Общественная жизнь принимаетъ здѣсь самыя разнообразныя формы, бьетъ всюду ключемъ и переливается самыми яркими, радужными красками. Вездѣ видишь самую энергичную и лихорадочную дѣятельность, и, какъ ея плоды, такую массу сокровищъ матеріальной культуры, что, кажется, самыя утонченныя и прихотливыя потребности могутъ быть удовлетворены при ихъ помощи. И это неисчислимое богатство все увеличивается по мѣрѣ того, какъ открываются въ области знанія новые способы пользоваться силами природы, заставлять ихъ служить нуждамъ человѣка. Но не одна только матеріальная сторона культуры современнаго общества вызываетъ удивленіе наблюдателя; его вниманіе привлекается и поразительными успѣхами знанія въ европейскомъ обществѣ, необычайнымъ развитіемъ въ немъ всѣхъ наукъ. Пытливый умъ человѣка неутомимо работаетъ надъ самыми разнообразными вопросами въ области міровыхъ явленій, постепенно раскрываетъ такія тайны въ жизни міра, которыя до сихъ поръ считались совершенно недоступными человѣческому пониманію. Съ каждымъ днемъ увеличивается знаніе человѣка о законахъ міро-

выхъ явленій, разширяется его умственный кругозоръ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, открывается и самый широкій просторъ для человѣческой дѣятельности, обезпечивающій всему обществу жизнь, полную всякаго рода наслажденій. Вся эта жизнь складывается въ такія блестящія формы, что, повидимому, всѣ и каждый должны бы чувствовать себя вполнѣ счастливыми. А, однако, такое сознаніе счастья вовсе не распространено въ современномъ обществѣ. Напротивъ, вездѣ и всюду слышатся только одни безконечныя жалобы на пустоту и безцѣльность жизни. Никто ею не доволенъ; всѣ чувствуютъ какую-то безъисходную тоску, отягощены безотраднымъ сознаніемъ, что скука ихъ жизни, отравляющая всѣ ея радости, не можетъ быть разсѣяна ничѣмъ и никѣмъ. Въ то время, когда современная цивилизація предлагаетъ человѣку всѣ способы для всесторонняго развитія всѣхъ силъ его природы и полнаго удовлетворенія его потребностей, самъ онъ предается унынію, теряетъ всякій интересъ къ своему дѣлу или же занимается имъ механически и часто тяготится самою жизнью. Каждый изъ насъ испытывалъ не разъ подобное состояніе духа, когда какой-нибудь особенный случай заставляетъ насъ оторваться отъ своихъ обычныхъ, житейскихъ занятій и остаться наединѣ съ самимъ собою. Въ такія тяжелыя жизненныя минуты невольно возникаетъ въ насъ вопросъ, къ чему приведутъ всѣ наши труды и зачѣмъ потрачено нами такъ много силъ, когда мы въ глубинѣ своей души не чувствуемъ себя счастливыми? Въ мучительномъ недоумѣніи человѣкъ припоминаетъ всю свою прошлую жизнь, считаетъ ея итоги въ своемъ настоя-

щемъ и приходитъ къ неожиданному заключенію, что въ прошломъ онъ видѣлъ гораздо меньше радостей, чѣмъ печалей, и что у него ушло слишкомъ много силъ и жизненной энергіи на преслѣдованіе такихъ цѣлей, осуществленіе которыхъ не даетъ полнаго счастья. Неудивительно, что въ такомъ душевномъ состояніи каждый можетъ усомниться въ томъ, возможно ли для него счастье въ жизни, задаетъ себѣ роковой вопросъ, да стоитъ ли и жить, если впереди не предвидится ничего такого, что могло бы наполнить пустоту въ душѣ и придать смыслъ всей жизни? И какъ много и часто въ наше время гибнутъ люди, извѣрившіеся въ возможности жить при такихъ условіяхъ и потерявшіе всякую надежду на то, чтобы когда-либо увидѣть выполненными свои завѣтныя и задушевныя стремленія. Цѣлые столбцы газетъ обыкновенно наполняются сухимъ перечнемъ ряда такихъ случаевъ, когда жизнь, подающая блестящія надежды, прерывается внезапно, утрачиваются безвозвратно лучшія силы общества. Но и того, кто не дошелъ до такого трагическаго конца, успѣлъ сберечь въ себѣ интересъ къ жизни, постоянно гнететъ мысль, что желанное счастіе — неосуществимая мечта, и что остается влачить свою жизнь поневолѣ до неизбѣжнаго ея конца, забыться во всевозможныхъ наслажденіяхъ. При всей скукѣ въ жизни современнаго общества, оно въ тоже время неистощимо на изобрѣтеніе всякихъ средствъ „убивать время“ и тѣмъ хотя на нѣкоторое время отогнать отъ себя всякія мучительныя думы объ истинныхъ задачахъ своей жизни, которыя въ наше время, кажется, такъ трудно найти. Но и въ самыя веселыя минуты не всякому удается заглу-

шить въ себя требованія лучшей жизни. Войдите въ любое общество, гдѣ люди собрались для того, чтобы повеселиться; присмотритесь къ лицамъ, прислушайтесь къ бесѣдамъ участвующихъ и вы скоро убѣдитесь, что большинство, если только не всѣ, веселятся лишь наружно, испытывая скуку въ душѣ. И такъ происходитъ вездѣ, гдѣ только сходятся люди съ болѣе или менѣе развитыми духовными силами своей природы, люди, которымъ не чужды интересы общественные и общечеловѣческіе. Конечно, среди образованныхъ людей можно встрѣтить не мало и такихъ, которые успокоиваются, добившись обладанія какимъ-либо жизненнымъ благомъ (богатствомъ, славой и т. п.). Но и у такихъ людей выпадаютъ въ жизни, и часто даже въ лучшую ея пору, такія скорбныя минуты, когда перестаетъ привлекать все, чѣмъ они такъ интересуются въ жизни, и вся она представляется безсодержательною, пустою. Еще болѣе въ обществѣ такихъ людей, которымъ приходится заботиться лишь о добываніи средствъ къ жизни и напрягать для этого всѣ свои силы. Такіе люди мало имѣютъ времени задаваться вопросомъ о цѣли своей жизни, полной для нихъ безпрерывнаго и тяжелаго труда. Но даже въ массѣ простаго люда теперь нерѣдко можно встрѣтить такихъ лицъ, которые также, недовольные своей жизнью, ищутъ выхода изъ своего положенія и иногда находятъ его въ своеобразномъ складѣ всего своего жизненнаго быта.

Что чувство недовольства жизнью, всѣми ея порядками — явленіе, общее всему европейскому обществу, это видно, между прочимъ, изъ того факта, что въ немъ об-

разовалось цѣлое научное міровоззрѣніе, въ которомъ этому чувству подысканы основанія и оно объявлено даже неизбѣжнымъ, присущимъ всему человѣчеству. Я разумѣю философскія, пессимистическія системы Шопенгауэра и Гартмана, въ которыхъ проповѣдуется необходимость систематическаго отвращенія и презрѣнія къ жизни во всѣхъ ея формахъ. „Жизнь человѣка, говоритъ Шопенгауэръ, подобно маятнику, качается взадъ и впередъ, между страданьемъ и скукой, которыя оба дѣйствительно составныя ея части. Какъ скоро нужда и страданія даютъ человѣку отдыхъ, скука тотчасъ подступаетъ такъ близко, что онъ неизбѣжно нуждается во времяпровожденіи, въ томъ, чтобы убить время, т. е. избѣжать скуки. Самое существенное въ жизни — страданіе неустранимо. Судьба людей въ цѣломъ — лишеніе, горе, плачъ, мука, смерть“. Шопенгауэръ утверждаетъ, что вся человѣческая жизнь протекаетъ между хотѣніемъ и достиженіемъ извѣстныхъ желаній, что съ удовлетвореніемъ ихъ кончается наслажденіе, т. е., счастье, которое есть не болѣе, какъ кратковременное освобожденіе отъ страданій. „Жизнь, проводимая большинствомъ, продолжаетъ Шопенгауэръ, безсодержательна извнѣ и безсмысленна внутри. Это слабое стремленіе и мученіе, сонное шатаніе черезъ четыре возраста жизни, сопровождаемое рядомъ тривіальныхъ мыслей. Міръ людской есть царство случайностей и заблужденій, которыя немилосердно въ немъ хозяйничаютъ. Все лучшее пробивается въ немъ только съ трудомъ, благородное и мудрое весьма рѣдко доходитъ до проявленія и достигаетъ вліянія, но безсмысленное и превратное въ царствѣ

мысли, плоское и безвкусное въ царствѣ искусства, злое и коварное въ царствѣ дѣйствій собственно владычествуютъ вполнѣ. Каждая исторія жизни есть исторія страданія, и никогда человѣкъ при концѣ своей жизни, если онъ благоразуменъ и въ тоже время чистосердеченъ, не захочетъ пережить ее еще разъ". Чтобы избавиться отъ этой несносной и скучной жизни, каждому слѣдуетъ, по совѣту Шопенгауэра, отвернуться отъ наслажденій, отказаться отъ нихъ добровольно и искать успокоенія въ смерти. Поэтому каждый долженъ сдѣлаться аскетомъ, то есть, высказывать полное равнодушіе ко всѣмъ своимъ необходимымъ потребностямъ и даже подавлять ихъ постомъ, самобичеваніемъ и самоистязаніемъ. Когда, наконецъ, въ концѣ такой жизни приходитъ смерть, то она отрадна и пріемлется съ радостью [1]). Въ такомъ мрачномъ видѣ представляетъ Шопенгауэръ всю человѣческую жизнь и такого рода безотрадный жизненный идеалъ ставится имъ для современнаго европейскаго общества! Но къ такому же въ сущности безнадежному результату во взглядахъ на смыслъ жизни приходитъ и другой философъ—пессимистъ Гартманъ, въ глазахъ котораго ни здоровье, ни молодость, ни богатство, ни свобода, ни любовь не доставляютъ человѣку счастья. Также не даютъ ему прочнаго и долгаго наслажденія сожалѣніе, дружба, семейная жизнь, тщеславіе, честолюбіе, властолюбіе, религіозность, научныя и художественныя занятія, сонъ и сновидѣніе, нажива и удовлетвореніе раз-

---

[1]) *Шопенгауэръ*: „Міръ, какъ воля и представленіе". Спб. 1881. стр.: 370 и слѣд. 418—19, 378—9, 382, 384—5, 451—5.

ныхъ злобныхъ чувствъ — зависти, гнѣва, мести и др. „Результатъ индивидуальной жизни, заключаетъ Гартманъ, заключается въ томъ, что мы отъ всего отказываемся и убѣждаемся, что все, по выраженію Экклезіаста, есть суета, призрачно, ничтожно. Поэтому искать счастья въ жизни безсмысленно и невозможно и человѣкъ долженъ стремиться къ тому, чтобы покончить съ муками бытія [1]). Недовольство всѣмъ складомъ современной общественной жизни, всѣми благами цивилизаціи выражается и въ послѣднихъ сочиненіяхъ графа Л. Н. Толстого, который не ожидаетъ, чтобы счастье людей было возможно при настоящихъ условіяхъ жизни или появилось и увеличилось съ дальнѣйшимъ развитіемъ европейской цивилизаціи. Разсматривая въ своей „Исповѣди“, чѣмъ живетъ современное человѣчество, Левъ Николаевичъ отвергаетъ, какъ безцѣльныя и безсмысленныя, различныя рѣшенія вопроса о смыслѣ жизни людьми изъ цивилизованныхъ круговъ общества и современной наукой и искусствомъ. Поэтому онъ видитъ весь идеалъ жизни въ удаленіи отъ искусственныхъ формъ настоящей общественной жизни, въ постоянномъ общеніи съ природой и въ простыхъ занятіяхъ селянина [2]). Замѣчательно, что въ этомъ случаѣ взгляды гр. Толстого совпадаютъ съ мыслью Шопенгауэра и Гартмана, что высшую гармонію и лучшій образъ жизни можно найти только въ непосредственной,

---

[1]) E. Hartmann: „Philosophie des Unbewussten“. Berlin. 1873, 665—714 s.

[2]) Русская Мысль, 1884, 11 книга, статья Громеки: „Послѣднія произведенія гр. Л. Н. Толстого“.

безсознательной жизни низшихъ классовъ населенія, и что все зло въ жизни происходитъ отъ развитія сознательной дѣятельности въ людяхъ и, возникающихъ отсюда, усложненій всего жизненнаго строя и увеличенія разнообразія въ общественныхъ явленіяхъ, взаимныхъ сношеніяхъ людей [1]) Особенное, преувеличенное значеніе разнаго рода внѣшнихъ, жизненныхъ благъ, какое они получили въ глазахъ современнаго поколѣнія, составляетъ причину большинства печальныхъ явленій въ современномъ обществѣ и по мнѣнію покойнаго Кавелина. „Жизнь, говоритъ онъ, изсякаетъ, цвѣтъ ея поблекъ, она не даетъ никакихъ радостей — вотъ что слышится во всей Европѣ повсюду, на разные лады и во всевозможныхъ варьяціяхъ. Уныніе и безсиліе овладѣли нами и жизнь опостылѣла. Все вокругъ людей дѣлается, очевидно, для ихъ блага, все болѣе и болѣе направляется къ удовлетворенію ихъ нуждъ, потребностей и желаній. Но посреди небывалыхъ богатствъ, матеріальныхъ и духовныхъ, тосклива и безотрадна, скучна и безцвѣтна становится жизнь современнаго человѣка. Сомнѣніе закрадывается въ его душу: къ чему всѣ эти блага, когда съ ними живется такъ тяжело, какая-то тоска наполняетъ грудь и не даетъ ими наслаждаться? Да и въ самомъ ли дѣлѣ они блага, когда не даютъ душевнаго удовлетворенія? Стоитъ ли жить, когда жизнь не радуетъ, а оставляетъ ничѣмъ ненаполненную пустоту? И люди тысячами спѣшатъ насильственно прекратить свою жизнь, и эти тысячи рас-

---

[1]) Красносельскій: „Пессимизмъ и прогрессъ“, Вѣстникъ Европы, 1885, 8 и 9 книги.

тутъ въ ужасающей, зловѣщей пропорціи, а живущіе при внутренней разорванности мало по малу впадаютъ въ равнодушіе и апатію“ [1]). Кавелинъ видитъ въ этихъ, художественно изображенныхъ имъ, чертахъ современной общественной жизни вѣрные признаки упадка современной цивилизаціи, начало конца цѣлаго періода развитія человѣческаго рода и наступленіе новаго. „Расшатанность убѣжденій, хаотическое состояніе умовъ, оскудѣніе нравственной стороны въ ежедневной жизни и безсиліе теоріи поставить ее твердо и прочно указываютъ на потребность кореннаго переворота въ міровоззрѣніяхъ современныхъ людей“ [2]). Какъ доказательство близости и неизбѣжности такого переворота въ современной общественной жизни, Кавелинъ приводитъ тотъ фактъ, что въ настоящее время у насъ и въ Западной Европѣ стали неожиданно оживляться и усиливаться религіозныя стремленія и снова поставленъ на очередь, одно время почти заглохшій, вопросъ о нравственности. Исканіе же людьми точки опоры въ самомъ человѣкѣ, въ его внутреннемъ, духовномъ мірѣ во всѣ эпохи начиналось, замѣчаетъ Кавелинъ, въ то время, когда цѣлая культура достигнувъ своего апогея, склонялась къ упадку и разложенію [3]). Тѣже опасенія за цѣлость современной цивилизаціи раздѣляютъ и нѣкоторые другіе наши моралисты, напр., профессоръ Ярошъ и Ланге. „Обществу нашему, говоритъ первый, грозитъ окончательное, физи-

---

[1—3]) Кавелинъ: „Задачи этики“. С.-Петербургъ. 1885, 100—104 и 42 стр. и Его-же: „Злобы дня“ (посмертная статья въ Русской Мысли за 1888 г., 3 и 4 кн., въ послѣдней стр.: 116, 98 и 103).

ческое и нравственное разложеніе, если не наступятъ благопріятныя условія, могущія поставить развитіе культуры на болѣе твердую почву, подкрѣпить и успокоить духъ и тѣло и выдвинуть болѣе благородныя цѣли нашего бытія“ [1]). Наконецъ, Ланге сравниваетъ наше время съ эпохой паденія римской имперіи и находитъ большое сходство съ нею въ тождествѣ нашихъ соціальныхъ вопросовъ съ подобными же вопросами того времени и общности всего нравственнаго склада обѣихъ эпохъ. Эта общность выражается въ „нервной впечатлительности и раздраженности, странно соединенной съ пресыщеніемъ и скептическимъ равнодушіемъ, и сильной потребности вѣры въ лучшія и болѣе справедливыя времена“ [2]).

Всѣ эти тревожныя ожиданія многими учеными скораго и неминуемаго паденія современной культуры, быть можетъ, преждевременны и неосновательны. Но всѣ ихъ опасенія и описанія нравственнаго состоянія современнаго общества несомнѣнно указываютъ на то, что, переживаемая нами, эпоха общественной жизни представляетъ собою и на самомъ дѣлѣ критическій, переходный періодъ европейской цивилизаціи, начавшійся съ конца прошлаго столѣтія. Въ то время въ Западной Европѣ пала феодальная система общественнаго устройства и началось преобразованіе его на принципахъ равенства и личной свободы. Съ тѣхъ поръ эти начала сдѣлались главнымъ фундаментомъ общественной жизни во всѣхъ

---

[1]) Ярошъ: „Вопросы современной морали“. Харьковъ. 1888, 78 стр.

[2]) Н. Ланге „Исторія нравственныхъ идей XIX вѣка“. С.-Петербургъ. 1888, 1-я ч., 212—213 стр.

европейскихъ государствахъ, причемъ практическое ихъ примѣненіе стало постепенно въ зависимость отъ историческихъ условій жизни и мѣстныхъ особенностей соціальнаго быта въ различныхъ государствахъ Европы. Конечно, при этомъ не обошлось и безъ ошибокъ, вредно отозвавшихся на общественномъ строѣ и объясняющихся неправильнымъ и часто превратнымъ взглядомъ на то, въ чемъ состоятъ равенство и свобода человѣческой личности и въ какомъ видѣ они могутъ сдѣлаться базисами жизни общества. И до сихъ поръ еще не всегда можно встрѣтить вѣрное пониманіе отношенія этихъ понятій къ понятіямъ права и государства у различныхъ ученыхъ и практическихъ дѣятелей въ области юридической жизни общества. Но какъ бы то ни было, а мысль о личной или индивидуальной свободѣ вошла въ плоть и кровь новѣйшаго европейскаго общества, и съ этимъ фактомъ пришлось считаться и наукѣ, и практикѣ. Представленіе о томъ, что для удовлетворенія потребностей человѣка необходимо создать наиболѣе благопріятныя условія въ общественной жизни перешло изъ области теоріи, философско-юридическихъ трактатовъ ученыхъ въ сферу дѣйствительной жизни и сдѣлалось здѣсь постояннымъ мотивомъ въ дѣятельности представителей государственной власти. Съ точки зрѣнія взгляда на личную свободу человѣка, какъ краеугольный камень соціальной организаціи, стали производиться и обсуживаться и всѣ въ ней реформы, вызываемыя измѣнившимися общественными потребностями. Но дѣйствительная жизнь общества, всегда возникающаго и развивающагося подъ вліяніемъ разнообразныхъ и особенныхъ исто-

рическихъ условій, давала себя знать при всякой такой попыткѣ преобразовать общество на основаніи представленій о личной свободѣ человѣка, разсѣявала всѣ иллюзіи и радужныя мечты и неопровержимо указывала на всю невозможность и безплодность усилій построить общественную жизнь помимо указаній опыта и потребностей даннаго времени. Въ этомъ-то контрастѣ представленій многихъ о личной свободѣ, и, иногда преувеличенныхъ и чрезмѣрныхъ, надеждъ на скорое и полное осуществленіе въ жизни идеала личной свободы съ дѣйствительнымъ состояніемъ общества, часто слишкомъ далекимъ отъ этого идеала, и заключается одна изъ главныхъ причинъ недовольства отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ общественныхъ классовъ современными соціальными порядками. Единственное и вѣрное средство противъ этого вида зла лежитъ въ преобразованіи общества на принципѣ свободы, личной и общественной, примѣненіе котораго должно обусловливаться всегда, назрѣвшими въ данный моментъ, потребностями общества и историческими особенностями всего его быта. Необходимость подобныхъ соціальныхъ реформъ, постепеннаго созданія внѣшнихъ, объективныхъ условій для всесторонняго удовлетворенія человѣческихъ потребностей давно уже сознана современнымъ обществомъ и государствомъ. И то, и другое прекрасно понимаютъ, что въ современной организаціи общества находится много недостатковъ, требующихъ исправленія въ интересахъ всего общества, водворенія въ средѣ его довольства. Чтобы не ходить далеко, возмемъ нашу текущую общественную жизнь. На какую сторону этой жизни вы не обратите свое вниманіе, вездѣ почти вы

найдете много такихъ явленій, которыя едва ли могутъ внушить кому-либо оптимистическіе взгляды, а скорѣе возбудятъ живѣйшее неудовольствіе и наведутъ на грустныя размышленія. Всякій, напр., знаетъ, что воспитаніе нашихъ дѣтей ведется обыкновенно безъ всякой системы и плана, и что если иногда при такомъ воспитаніи въ дѣтяхъ и не глохнутъ окончательно хорошіе задатки ихъ натуры и, напротивъ, развиваются въ прочныя ея стремленія, то этотъ фактъ является результатомъ случайнаго, благопріятнаго стеченія обстоятельствъ. Каждому также извѣстно, какъ далеко наше воспитаніе отъ того идеала, который рисуется современной педагогикой, какъ мало воспитатели обращаютъ вниманія на прирожденныя наклонности ребенка. Рѣдко дѣлаются кое-какія попытки развить добрыя изъ этихъ наклонностей и искоренить злыя, также какъ и предоставить широкій просторъ развитію всѣхъ силъ дитяти, физическихъ и духовныхъ. Вмѣсто того, чтобы помогать ребенку въ этомъ трудномъ и важномъ для него дѣлѣ, руководить его первыми еще неувѣренными и нетвердыми шагами въ жизни у насъ чаще всего совершенно обезличиваютъ ребенка, стараются подавить и уничтожить въ корнѣ всякую попытку его къ самостоятельной дѣятельности. При воспитаніи дѣтей мало также заботятся о томъ, чтобы ребенокъ былъ искренень, правдивъ, довѣрчивъ ко всѣмъ, справедливъ въ отношеніяхъ съ другими, чтобы, однимъ словомъ, въ немъ были развиты тѣ душевныя качества, которыя такъ необходимы для образованія характера и нравственной личности въ человѣкѣ. Всё дѣло воспитанія ограничивается обыкновенно усвоеніемъ дѣтьми съ голоса старшихъ и ихъ

примѣра извѣстнаго кодекса правилъ внѣшняго поведенія или приличія, которыя считаются обязательными въ извѣстномъ кругу общества. Родители болѣе думаютъ о томъ, что скажутъ объ ихъ дѣтяхъ другіе, нежели о самихъ дѣтяхъ, о состояніи ихъ души. Гораздо большимъ вниманіемъ въ глазахъ нашего и всего европейскаго общества пользуется развитіе умственныхъ способностей молодаго поколѣнія. Въ необходимости его въ жизни, гдѣ при современныхъ условіяхъ общественнаго быта нельзя сдѣлать шагу безъ какихъ-либо спеціальныхъ знаній, убѣждены всѣ безъ исключенія. Въ дѣлѣ умственнаго развитія юношества замѣчается даже другая крайность, —чрезмѣрное обремененіе дѣтей занятіями, которое вызываетъ „мозговое переутомленіе“, парализующее нормальное развитіе въ дѣтяхъ умственныхъ ихъ силъ. Слишкомъ долго было бы описывать здѣсь другія погрѣшности въ нашемъ образованіи и всѣ недостатки современной русской жизни, которые болѣе или менѣе извѣстны всякому, кому дорога судьба нашего отечества. Такія, напр., черты нашей общественной жизни, какъ упадокъ крестьянскаго землевладѣнія и обѣднѣніе вслѣдствіе этого и многихъ другихъ причинъ народныхъ массъ, эксплуатація сельскаго населенія кулаками, невѣжество массы, недостаточность крестьянскаго и земскаго самоуправленія для надлежащаго удовлетворенія мѣстныхъ нуждъ населенія, многіе существенные пробѣлы въ юридическихъ отношеніяхъ членовъ общества (въ сферѣ гражданскаго и уголовнаго права) давно уже были подмѣчены обществомъ и вызвали со стороны правительства цѣлый рядъ мѣръ къ неотложному исправленію этихъ

золъ нашего соціальнаго быта. Само собою понятно, что всѣ указанные и многіе другіе недостатки нашего общественнаго устройства не могутъ вызвать въ русскомъ обществѣ оптимистическаго настроенія, а, наоборотъ, развиваютъ въ немъ сильное недовольство положеніемъ вещей. Но если русское общество имѣетъ много причинъ быть недовольнымъ организаціей своего быта, отставшей во многихъ отношеніяхъ отъ западно-европейской вслѣдствіе особенностей исторической своей жизни, то почему же не замѣчается полнаго довольства соціальными порядками въ Западной Европѣ? Почему при сравнительномъ совершенствѣ общественныхъ учрежденій недовольны тамъ ими и вообще жизнью не столько образованные и состоятельные классы общества, какъ у насъ, сколько низшіе слои населенія? И неужели это значитъ, что и высшее достоинство внѣшнихъ формъ общественной жизни не спасаетъ отъ тоски, разочарованности въ жизни, которыя даже сильнѣе развиваются тамъ, гдѣ общественные порядки лучше? Но, прежде всего, эти порядки и на Западѣ Европы очень далеки отъ совершенства и давно уже не удовлетворяютъ необходимымъ и настоятельнымъ потребностямъ общественной жизни, вновь развившимся въ средѣ населенія. Стоитъ, напр., припомнить, какимъ непосильнымъ и тяжелымъ, изсушающимъ мозгъ и сердце, трудомъ обременены цѣлыя массы рабочихъ на безчисленныхъ фабрикахъ въ промышленныхъ центрахъ Запада, и на какую вообще жалкую жизнь они обречены всѣми условіями современной экономической его жизни, чтобы убѣдиться вполнѣ, какъ много темныхъ сторонъ скрывается въ этой, блестящей

по внѣшности цивилизаціи Запада, благами которой пользуются только нѣкоторые классы общества. Если бы довольство было обычнымъ явленіемъ въ западно-европейскомъ обществѣ, то тогда оно не знало бы рабочихъ движеній, которыя поднимаются въ немъ время отъ времени, возбуждая сильный страхъ во всемъ обществѣ.

Такимъ образомъ, оказывается, обиліе благъ цивилизаціи современнаго общества и извѣстнаго рода совершенство его быта вызываютъ неизбѣжно чувство недовольства въ той его части, которой вслѣдствіе различныхъ историческихъ условій европейской жизни всѣ эти блага недоступны въ той мѣрѣ, какая выпадаетъ на долю другихъ классовъ общества. Но почему же тоже чувство скуки и тоска продолжаютъ жить въ сердцахъ людей, жизнь которыхъ обставлена всѣми удобствами, у тѣхъ людей, которые пользуются всѣми благами міра? А такихъ людей не мало въ нашемъ обществѣ и еще больше въ западно-европейскомъ, гдѣ даже образовались, какъ мы видѣли, научныя пессимистическія системы! Что означаетъ это увеличеніе тоски душевной при прогрессивномъ развитіи всей европейской цивилизаціи, такъ блестящей съ внѣшней, казовой ея стороны? И въ чемъ, наконецъ, искать средствъ противъ этого всеобщаго недуга, который разъѣдаетъ общественный организмъ, подрываетъ во всѣхъ всякую охоту къ дѣлу общественнаго благосостоянія и тѣмъ грозитъ обществу болѣе всякихъ внѣшнихъ бѣдствій? Всѣ эти вопросы давно уже занимаютъ вниманіе многихъ ученыхъ моралистовъ, иностранныхъ и русскихъ. Каждый изъ нихъ разрѣшаетъ ихъ по своему и указываетъ современному обществу тотъ или

другой исходъ изъ настоящаго, безотраднаго нравственнаго его состоянія. Ученые авторы современныхъ системъ морали группируются въ нѣсколько направленій или школъ, съ которыми мы должны въ существенныхъ чертахъ познакомиться для того, чтобы глубже вникнуть въ причины указаннаго характера современной нравственной жизни. Уясненіе этихъ причинъ поможетъ намъ разрѣшить и болѣе общій, интересующій насъ, вопросъ объ отношеніи права къ морали или нравственности.

II.

Характерная особенность всѣхъ современныхъ системъ морали, независимо отъ того, въ какой части Европы онѣ не появлялись бы, заключается въ томъ, что всѣ онѣ строятся помимо не только религіозныхъ началъ, но часто даже и безъ всякихъ общихъ представленій о мірѣ, извѣстнаго, опредѣленнаго міровоззрѣнія. Въ этомъ отношеніи сходятся между собою такія въ сущности противоположныя по своему характеру моральныя системы, какъ мораль утилитаристовъ, позитивистовъ, эволюціонная мораль или дарвинизмъ, и, такъ называемая, французская школа независимой морали и новѣйшая, нѣмецкая, психологическая школа морали. Даже наши русскіе моралисты—Кавелинъ, графъ Толстой, Ярошъ и др.—обнаруживаютъ тоже стремленіе обосновать мораль, совершенно самостоятельную и независимую отъ религіи и метафизики. Исключеніе между современными систе-

мами морали составляютъ лишь пессимистическая мораль Шопенгауера и Гартмана, представляющая логическій выводъ изъ общаго міровоззрѣнія каждаго изъ нихъ, да чисто уже метафизическая, отвлеченная мораль спиритуалистической школы съ разными ея оттѣнками [1]). Но, признавая необходимость метафизическихъ базисовъ морали, обѣ эти школы согласны съ остальными въ отрицаніи религіознаго ея фундамента [2]). Въ частности, спиритуалистическая школа морали представляетъ продолженіе, переживаніе школы Канта, который былъ въ Германіи первымъ основателемъ независимой отъ религіи (автономной) морали, между тѣмъ какъ немного позже во Франціи Контъ провозгласилъ независимость морали и отъ всякихъ философскихъ представленій о мірѣ и человѣкѣ, отъ метафизики. Нельзя, впрочемъ, сказать, чтобы авторамъ всѣхъ современныхъ школъ морали, за исключеніемъ пессимистической и спиритуалистической, удалось вполнѣ освободиться отъ извѣстнаго, философскаго или даже религіознаго оттѣнка. Такъ въ такой ультраположительной школѣ морали, какъ позитивизмъ, оказывается внесеннымъ (Литтре) въ извѣстномъ видѣ интеллектуальный, отвлеченный элементъ. Даже сторонники морали, принципіально независимой отъ всякихъ религіозныхъ или метафизическихъ понятій, не могутъ въ концѣ концовъ обойтись безъ метафизическихъ элементовъ, ко-

---

[1]) Къ этой школѣ принадлежатъ и наши русскіе моралисты: В. Соловьевъ („Критика отвлеченныхъ началъ“) и Дебольскій („Философскія основы нравственнаго воспитанія“).

[2]) Foullée: „Critique des systémes de morale contemporains“ Paris. 1883. 62 p.

торые, какъ мы увидимъ, лежатъ въ самой основѣ независимой морали. Также и наиболѣе видный представитель психологической школы морали въ Германіи въ настоящее время,—В. Вундтъ отводитъ значительную роль въ образованіи и развитіи морали религіознымъ и метафизическимъ началамъ. Наконецъ, и русскіе моралисты обращаютъ вниманіе на важное значеніе въ созданіи морали религіозныхъ и философскихъ представленій о мірѣ и человѣкѣ. Но всѣ эти, отчасти невольныя, попытки современныхъ моралистовъ такъ или иначе пріурочить религіозный или философскій элементъ къ возникновенію и развитію своихъ системъ нравственности не имѣютъ систематическаго характера. Изъ нихъ не видно, чтобы авторы различныхъ системъ морали, наиболѣе распространенныхъ въ наше время (утилитаризма, позитивизма, независимой морали и др.), ясно сознавали всю важность общаго міровоззрѣнія для построенія системы морали, которая могла бы сдѣлаться системой правилъ, приложимыхъ къ дѣйствительной жизни. Иначе это общее міровоззрѣніе, какъ основаніе морали, заняло бы въ ней первое мѣсто, стало тѣмъ основнымъ принципомъ, изъ котораго вытекаютъ, какъ его необходимое слѣдствіе, правила нравственнаго поведенія человѣка. Но большинство современныхъ системъ морали стремится избѣжать такихъ религіозно-философскихъ началъ и предпочитаетъ лучше висѣть на воздухѣ и липпиться всякаго практическаго значенія, чѣмъ измѣнить своему положительному направленію. И это тѣмъ болѣе странно, что современныя системы морали строятся на изученіи фактовъ дѣйствительной жизни, однимъ изъ которыхъ яв-

ляется та необходимая и неизбѣжная зависимость всякой морали отъ религіи или, по крайней мѣрѣ, отъ извѣстнаго философскаго, болѣе или менѣе замѣняющаго религію, міровоззрѣнія, безъ которыхъ не обходятся въ исторіи ни одна живая мораль, ни одна система нравственности съ дѣйствительнымъ, практическимъ значеніемъ въ жизни общества [1]).

Исторія общества полна примѣрами такой неразрывной связи морали съ религіознымъ или философскимъ элементомъ человѣческаго сознанія. Такъ мораль первобытнаго общества, идущая въ разрѣзъ со всѣми нашими нравственными понятіями, объясняется изъ примитивной религіи, какъ грубаго обоготворенія силъ природы. Вся мораль различныхъ восточныхъ народовъ (индусовъ, египтянъ, китайцевъ, евреевъ и др.) основывалась исключительно на религіозныхъ ихъ представленіяхъ, которыя служили, вмѣстѣ съ тѣмъ, базисомъ и всего соціальнаго устройства восточныхъ государствъ. Организація различныхъ общественныхъ учрежденій обусловливалась прямо тѣмъ, на сколько въ нихъ преслѣдовалась та или другая цѣль, заповѣданная религіей. Таковы, напр., были институты брака, наслѣдства и имущества у индусовъ, китайцевъ и евреевъ, предназначенные для служенія умершимъ предкамъ, обязательнаго совершенія обрядовъ при, такъ называемомъ, культѣ предковъ. Тотъ же обя-

---

[1]) Доказательства этой мысли см., между прочимъ, у *Гусева*: „Зависимость морали отъ религіозной или философской метафизики“. Москва. 1886 и *Гренкова*: „Независимая мораль“ (Правосл. Собесѣдникъ. 1885. 5 и 6 книга).

зательный характеръ зависимости отъ религіи сохранила и мораль античнаго общества, древнихъ грековъ и римлянъ. И здѣсь также многіе изъ соціальныхъ институтовъ образовались отчасти подъ вліяніемъ того же культа предковъ, отчасти же религіи физической природы и антропоморфизма. Самое же неопровержимое доказательство тѣснаго отношенія морали съ религіей даетъ исторія христіанства, возвышенная мораль котораго сдѣлалась однимъ изъ главнѣйшихъ фундаментовъ всей европейской цивилизаціи. Но указанная постоянная зависимость морали отъ религіи не ограничивается только какими-либо внѣшними точками ихъ взаимнаго соприкосновенія и сближенія въ дѣйствительной жизни. Напротивъ, эта связь морали съ религіей выражается въ внутренней, полной гармоніи основныхъ, догматическихъ принциповъ религіи съ нравственными правилами, которыя составляютъ всегда только логическій выводъ изъ этихъ религіозныхъ догматовъ. Такъ господство въ первобытномъ обществѣ религіи физической природы хорошо объясняетъ, почему здѣсь существовали нравы, противорѣчащіе современнымъ, почему, напр., освящался здѣсь развратъ Религіозное представленіе буддистовъ о божествѣ, какъ „безпредѣльной пустотѣ“, „небытіи“ ведетъ къ тому ихъ воззрѣнію, что весь міръ ничтоженъ, все въ жизни зло, длинный нескончаемый рядъ страданій, скорбей и бѣдствій. Поэтому высшее благо для буддиста—полное прекращеніе жизни. Съ этой точки зрѣнія міръ не представляетъ для него никакого интереса. Поэтому буддистъ ставитъ своею жизненною цѣлью полное отреченіе отъ міра, уничтоженіе въ себѣ

всякихъ жизненныхъ стремленій и смерть. Вѣрованіе индусовъ и многихъ другихъ восточныхъ и античныхъ народовъ въ загробную жизнь умершихъ предковъ, которые переходили тамъ въ число боговъ, приводило къ тому, что и индусы, и китайцы, и даже древніе греки и римляне ставили главною цѣлью всей своей личной и общественной жизни почитаніе и умилостивленіе умершихъ предковъ, которыя совершались въ формѣ принесенія имъ жертвъ. Наконецъ, въ христіанствѣ эта полная и внутренняя связь морали съ догмой религіи выражается ясно въ томъ, что понятіе о Богѣ, какъ личномъ и совершеннѣйшемъ Существѣ, предъ которымъ равны всѣ люди, какъ дѣти одного Отца, прямо приводитъ къ водворенію начала равенства въ взаимныхъ сношеніяхъ людей въ обществѣ, признанію ими другъ въ другѣ человѣческаго достоинства и стремленій къ совершенствованію своей натуры.

Тотъ же самый фактъ неразрывной и внутренней связи морали съ общимъ міровоззрѣніемъ замѣчается и въ каждой философской системѣ. Такъ, напр., идеальное представленіе Платона о Богѣ, какъ высшемъ и совершенномъ добрѣ, истинѣ и источникѣ нравственнаго порядка заставило его поставить подражаніе Богу, стремленіе къ совершенству, добродѣтели конечною цѣлью нравственной жизни. Напротивъ, отстутствіе такого возвышеннаго міровоззрѣнія у Аристотеля, философская система котораго основана на изученіи явленій реальной жизни, отразилось въ томъ, что въ его моральной системѣ обращено вниманіе, главнымъ образомъ, на развитіе въ человѣческой жизни практическихъ добродѣте-

лей: справедливости, умѣренности, мужества и др. Понятіе стоиковъ о природѣ, какъ міровомъ разумѣ привело къ тому ихъ нравственному правилу, что нужно жить по законамъ природы. Пантеистическое міровоззрѣніе Спинозы и Гегеля имѣло своимъ слѣдствіемъ отрицаніе ими различія между добромъ и зломъ. Всѣ матеріалистическія системы, видящія во всей природѣ и человѣкѣ дѣйствіе одной и той же бездушной матеріи и потому непризнающіе ничего духовнаго и идеальнаго въ человѣческой дѣятельности, освящаютъ тѣмъ самымъ господство въ человѣческой жизни однихъ грубыхъ, животныхъ стремленій физической природы человѣка. Мрачные и безотрадные жизненные взгляды современныхъ пессимистовъ, Шопенгауэра и Гартмана, напоминающіе мораль буддистовъ, вытекаютъ, однако, изъ своеобразныхъ, общихъ представленій о мірѣ у каждаго изъ нихъ. Шопенгауэръ видитъ во всемъ мірѣ, а также и человѣческой жизни проявленіе воли, которая всегда желаетъ чего-то лучшаго, но это стремленіе міровой воли къ лучшему никогда не удовлетворяется. Поэтому вся жизнь человѣка есть рядъ бѣдствій, страданій, зла, и отъ нея каждый долженъ освободиться, какъ можно скорѣе, путемъ аскетической жизни. По взгляду Гартмана весь міръ обнаруживаетъ присутствіе безсознательнаго, которое есть не болѣе, какъ воля, дѣйствующая по безсознательнымъ представленіямъ. Это безсознательное развивается въ мірѣ, причемъ цѣлью развитія не можетъ быть увеличеніе сознательной жизни въ человѣкѣ, которая только увеличитъ муки бытія. Поэтому человѣкъ долженъ стремиться не къ развитію своей сознательной

дѣятельности въ мірѣ, а къ освобожденію отъ мукъ бытія, долженъ спѣшить слиться съ безсознательнымъ [1]).

Такимъ образомъ, мы видимъ, что въ дѣйствительности всякая система морали въ своихъ основаніяхъ всегда обусловливается тѣми или другими общими взглядами на Божество, міръ и положеніе въ немъ человѣка. Различіе этихъ основныхъ воззрѣній опредѣляетъ и разнообразіе нравственныхъ понятій. Только при такой связи морали съ религіей или извѣстнымъ міровоззрѣніемъ она пріобрѣтаетъ въ жизни человѣка извѣстный смыслъ. Но все значеніе этого историческаго факта не хочетъ признать прямо большинство современныхъ системъ морали, хотя косвенно онѣ и допускаютъ, необходимыя при всякой морали, основныя начала. Поэтому онѣ никогда не могутъ перейти въ самую жизнь общества и стать правилами его жизни: строй общественной жизни опредѣляется вліяніемъ на него различныхъ историческихъ условій, среди которыхъ потребность въ обоснованіи морали на общихъ началахъ сказывается настойчиво въ каждую изъ эпохъ общественной жизни. Въ этой отчужденности современной научной морали отъ религіи и вообще всякихъ философскихъ представленій о мірѣ, которыя хотя бы отчасти могли замѣнить религію, лежитъ, по нашему мнѣнію, одна изъ важнѣйшихъ причинъ неудовлетворенности, недовольства жизнью и удручающей тоски, охватившихъ высшіе, болѣе или менѣе цивилизованные слои современнаго европейскаго общества. И какъ мо-

---

[1]) См. назв. сочиненія Шопенгауэра и Гартмана, статью Красносельскаго и назв. сочиненіе Ланге, 6-ю и 7-ю главы.

жетъ быть оно довольно, если ему предписываютъ, какъ образецъ лучшей, совершеннѣйшей жизни, извѣстный кодексъ жизненныхъ правилъ, которыя имѣютъ только узко-практическое значеніе, могутъ удовлетворить только ближайшимъ жизненнымъ нуждамъ? Можетъ-ли отвлечь человѣка отъ обыденной его суеты, согрѣть его сердце и указать совершеннѣйшій образъ его поведенія та мораль, которая не даетъ никакихъ отвѣтовъ на насущные, задушевные запросы человѣческой души и даже объявляетъ всѣ вопросы о Богѣ, назначеніи міра и человѣка излишними и ненаучными, несогласными съ позитивнымъ направленіемъ современной науки, изслѣдующей только законы однихъ видимыхъ міровыхъ явленій? Но какіе же идеалы рисуетъ современная мораль, какъ основныя правила человѣческой жизни? Утилитаризмъ предлагаетъ каждому стремиться къ наибольшей пользѣ или счастью наибольшаго числа людей, но не забывая при этомъ и себя, свои личные интересы. Позитивизмъ въ лицѣ Конта желаетъ, чтобы человѣкъ служилъ какому-то отвлеченному человѣчеству до полнаго самозабвенія; эволюціонисты и дарвинисты требуютъ, чтобы онъ стремился къ развитію, утовершенствованію своей природы, такъ какъ безконечное развитіе—законъ всего міра, въ которомъ это развитіе совершается по закону борьбы за существованіе. Тоже развитіе, какъ правило жизни, рекомендуютъ обществу и пессимисты, которые обязываютъ къ тому же каждаго закончить это развитіе самоуничтоженіемъ. Школа независимой морали говоритъ человѣку: ты долженъ уважать себя, свою свободу, свое достоинство. Кавелинъ совѣтуетъ заботиться только о ду-

шевномъ настроеніи и пренебрегать внѣшними благами жизни. Спиритуалисты ставятъ цѣлью человѣческой жизни объективное или абсолютное благо или совершенство.. и т. д., и т. д.

При видѣ этихъ разнообразныхъ и противорѣчивыхъ правилъ, предлагаемыхъ современными системами морали, каждый остановится въ недоумѣніи и въ правѣ спросить себя: какой-же изъ этихъ различныхъ системъ морали я долженъ слѣдовать въ своей жизни? Или же я долженъ слѣдовать всѣмъ имъ въ одно и тоже время? Послѣднее, очевидно, невозможно, такъ какъ нельзя въ одно и тоже время стремиться къ счастью другихъ и своему собственному и пренебрегать благами жизни и своимъ счастьемъ, заботиться о развитіи силъ своей природы и о скорѣйшемъ самоуничтоженіи и проч.. Эта несовмѣстимость въ жизни всѣхъ идеаловъ каждой изъ современныхъ системъ морали наводитъ человѣка на мысль избрать и сдѣлать правиломъ своей жизни какой-либо одинъ изъ нихъ. Но чѣмъ онъ долженъ руководиться при этомъ выборѣ? Понятно, предпочтеніе должно быть отдано той изъ моральныхъ системъ настоящаго времени, какая разрѣшаетъ всѣ жизненные вопросы, всегда присущіе человѣку, и, прежде всего, главнѣйшій вопросъ въ человѣческой жизни, что такое человѣкъ, для чего онъ живетъ на свѣтѣ, какое положеніе его въ мірѣ и что будетъ съ нимъ послѣ его смерти. Если какая-либо система морали не затрогиваетъ и не разрѣшаетъ этихъ вопросовъ, то она не можетъ сдѣлаться и обязательнымъ правиломъ человѣческаго поведенія. Въ самомъ дѣлѣ, каждый можетъ спросить, зачѣмъ я буду стремиться

къ пользѣ другихъ, счастью всего человѣчества, или во имя чего я долженъ только и думать о своемъ развитіи, бороться за свою жизнь, или уничтожать ее аскетизмомъ, что заставляетъ меня уважать свою свободу и т. д.? Ни одна изъ современныхъ системъ морали не разрѣшаетъ этого кореннаго вопроса нравственности; иные же изъ нихъ обходятъ его даже совершеннымъ молчаніемъ, предоставляя человѣку утѣшаться тою мыслью, что онъ —ничтожная песчинка во вселенной, жизнь которой безусловно подчинена ея желѣзнымъ и неумолимымъ закономъ, одно изъ безчисленныхъ и мельчайшихъ колесъ въ міровомъ механизмѣ, обреченное на окончательное и безслѣдное уничтоженіе послѣ своей смерти. Современныя системы морали не хотятъ знать высшихъ цѣлей нашей жизни, завѣтныхъ идеаловъ человѣческой дѣятельности, безъ стремленія къ которымъ жизнь человѣка безсодержательна, безплодна и ничтожна. Вмѣсто того, чтобы удовлетворять насущнымъ потребностямъ нашей нравственной жизни, мораль нашего времени внушаетъ всѣмъ лишь ту мысль, что

„Намъ нужно то, чего не знаемъ мы,
Не нужно то, что мы давно ужь знаемъ“.
(„Фаустъ“ Гёте).

Отсюда становится понятнымъ, вѣрно подмѣченный Кавелинымъ фактъ, что въ наше время замѣчается особенное оживленіе религіозныхъ стремленій общества. По словамъ Кавелина, этотъ „возвратъ къ нимъ является вслѣдствіе живой, ощущаемой современнымъ обществомъ, потребности наполнить душевную пустоту, которая не даетъ покоя, найти твердую точку опоры посреди сом-

нѣній и треволненій ежедневной жизни“ [1]). Къ религіи же и, согласной съ ней, научной этикѣ „приводитъ насъ снова и все развитіе современнаго знанія, которое оказывается одностороннимъ и неспособнымъ отвѣчать на всѣ запросы и требованія человѣческой души и дѣйствительной жизни“ [2]). Кавелинъ доказываетъ, что относительно нравственности высшая изъ всѣхъ религій,—христіанская и, послѣдовательно проведенное до конца, научное міровоззрѣніе въ главномъ и существенномъ приводятъ къ однимъ и тѣмъ-же результатамъ: и люди вѣрующіе, и люди знанія одинаково горячо принимаютъ къ сердцу нравственное развитіе и совершенствованіе людей [3]). Кавелинъ признаетъ христіанскую этику совершеннѣйшей, такъ какъ въ ней „выраженъ полный, законный смыслъ личной жизни, выше, совершеннѣе котораго нѣтъ и нельзя себѣ представить“ [4]). Профессоръ Гротъ замѣчаетъ, что „научная мораль, которая теперь только начинаетъ создаваться, не пойдетъ, какъ уже и теперь видно, въ разрѣзъ съ принципами морали здраваго смысла, морали религіозной и философской. Она только облечетъ въ болѣе совершенную форму, увеличитъ силу доказательности и убѣдительности, давно уже извѣстныхъ человѣчеству, нравственныхъ принциповъ и уяснитъ еще болѣе высоту величайшаго изъ принциповъ морали,—принципа любви къ ближнему„ [5]). На этомъ христіан-

---

[1—2]) *Кавелинъ:* „Злобы дня“. Русская Мысль. 1888. 4, 98 и 99 стр. и „Задачи этики“. 107 стр.

[3—4]) *Кавелинъ:* „Задачи этики“, 84 и 37 стр.

[5]) *Гротъ:* „Эгоизмъ и альтруизмъ предъ судомъ здраваго смысла и науки“ (Новь, 1885. 3 кн.. 443 стр.).

скомъ принципѣ нравственности Гротъ строитъ свою систему морали, на самомъ дѣлѣ далекую по своей высотѣ отъ современныхъ положительныхъ системъ морали. Замѣчательно, что даже эти моральныя системы ставятъ любовь къ ближнему или альтруизмъ цѣлью нравственной жизни человѣка: это требованіе морали высказывается и позитивизмомъ, и эволюціоннымъ утилитаризмомъ [1]), хотя въ каждой изъ этихъ системъ морали высшее значеніе любви къ ближнему затемняется и искажается другими правилами, иногда ей противоположными. Высшее значеніе христіанской морали признается и Шопенгауэромъ, который говоритъ, что „мораль христіанства выше морали всѣхъ прочихъ религій, когда-либо существовавшихъ въ Европѣ“ [2]). Обаяніе личности гр. Л. Н. Толстаго и его нравственнаго ученія объясняется въ значительной степени заимствованіемъ этого ученія имъ изъ христіанской морали. В. Вундтъ, замѣчая, что вообще „не можетъ быть и рѣчи о такомъ развитіи нравственности, которое произошло бы независимо отъ религіозныхъ мотивовъ“ [3]), видитъ въ христіанской этикѣ наивысшее выраженіе нравственнаго идеала человѣчества, воплощеннаго въ одной могучей личности [4]). По словамъ Вундта „ни въ одной религіозной системѣ не выражается такъ энергично, какъ въ христіанствѣ, та мысль, что Богъ знаетъ совѣсть человѣка, и что заслу-

---

[1]) См. Д. С. Милля: „Утилитаризмъ“ и Спенсера: „Данныя науки о нравственности“. 274 стр. и слѣд., Фулье, назв. соч.

[2]) Шопенгауэръ: „Двѣ основныя проблеммы морали“. Спб. 1886. 251 стр.

[3—4]) Вундтъ: „Этика“, т. I. Спб. 1887. 113 и 98 стр.

га нравственной жизни состоитъ не во внѣшнемъ блескѣ самыхъ дѣлъ, а въ чистотѣ внутренняго умысла“ [1]).

Но помимо всѣхъ этихъ соображеній о необходимой и неразрывной связи научной системы морали съ христіанствомъ, оно должно сдѣлаться составною частью современной нравственности еще и потому, что только въ религіи можетъ найти санкцію идея нравственнаго долга, безусловной обязанности каждаго выполнять предписанія нравственности. Поэтому Кантъ, въ своей системѣ морали автономической, т. е., независимой отъ религіи, признаетъ, однако, бытіе Бога и безсмертіе человѣческой души необходимыми основаніями (постулятами) для установленія нравственнаго порядка въ мірѣ, исполненія нравственнаго закона: мораль, получившая религіозную санкцію, сохраняетъ безусловно обязательное значеніе въ человѣческой жизни. Вотъ почему религія, какъ основа всеобщей обязательности моральныхъ предписаній, не можетъ быть замѣнена никакой философской системой морали, которая всегда будетъ имѣть видъ случайнаго и произвольнаго міровоззрѣнія одного лица или нѣсколькихъ, необязательнаго для остальныхъ членовъ общества. Между тѣмъ какъ всѣ системы религіозной морали, извѣстныя въ исторіи, проникали глубоко въ сознаніе всего общества и становились въ немъ настоящимъ основаніемъ всего человѣческаго поведенія. Исключеніе въ этомъ случаѣ представляетъ собою, повидимому, основанная на философскихъ принципахъ, пессимистическая мораль Шопенгауэра и Гартмана, которая получи-

---

[1]) Вундтъ, ibidem, 105 стр.

ла въ наше время широкую распространенность въ европейскомъ обществѣ. Но вліяніе этой морали объясняется не метафизическими взглядами какого-либо изъ философовъ—пессимистовъ, даже и неизвѣстными большинству, а просто совпаденіемъ моральныхъ пессимистическихъ воззрѣній съ нравственнымъ состояніемъ современнаго общества. Шопенгауэръ и Гартманъ подыскали только теоретическое основаніе той апатіи, тоскѣ, разочарованности въ жизни, которыя охватили современное общество вслѣдствіе многихъ причинъ, условій его настоящей жизни.

Такимъ образомъ, остается неоспоримымъ, что мораль и религія, неразрывно связанныя между собою въ теченіи продолжительнаго историческаго процесса своего образованія [1]), не могутъ и не должны быть разъединяемы и въ настоящее время, если хотятъ, чтобы научная мораль не оставалась только въ умахъ авторовъ различныхъ системъ морали, или если бы и переходила въ сознаніе общества, то не производила бы разрушительныхъ опустошеній въ человѣческой жизни, а становилась здѣсь истиннымъ и дѣйствительнымъ базисомъ поведенія каждаго. Эту истину сознаетъ прекрасно нѣмецкій моралистъ, В. Вундтъ, по справедливому замѣчанію котораго, новѣйшая философская этика, какъ послѣднее слово историческаго образованія морали въ связи съ религіей, „стремится стать въ связь съ, фактически существующими, основами нравственной жизни и связываетъ, такимъ образомъ, описательную точку зрѣнія античной этики съ нормативной (обязательной) точкой

---

[1]) См. у Вундта, въ I т. его „Этики“.

зрѣнія христіанской этики“ [1]). Поэтому современная научная система морали должна быть построена на изученіи этихъ „фактическихъ основъ нравственной жизни“, открывающихся въ природѣ человѣка и его дѣятельности въ обществѣ, и изслѣдованіи отношенія къ морали христіанства. Но прежде, чѣмъ сдѣлать такую попытку построенія научной системы морали, мы считаемъ необходимымъ указать на существенные недостатки и нѣкоторыя достоинства въ современныхъ системахъ морали. Знакомство съ ними облегчитъ намъ трудное дѣло подыскать твердыя и прочныя основанія для научной морали въ самой человѣческой природѣ и дѣятельности и взаимныхъ сношеніяхъ людей въ обществѣ, въ которыхъ проявляются наклонности и стремленія человѣческой натуры: современныя системы морали добыты ихъ авторами путемъ изслѣдованія также человѣческой природы и общественной жизни.

III.

Я не буду входить здѣсь въ подробное изложеніе и разборъ каждой изъ, упомянутыхъ нами, системъ современной морали. Для нашей цѣли достаточно сдѣлать по поводу каждой изъ нихъ нѣсколько замѣчаній, которыя касаются главныхъ ихъ началъ. Обращаясь, прежде всего, къ чисто положительнымъ системамъ нравственности,—утилитаризму, позитивизму и преимущественно

---

[1]) Вундтъ, ibidem, 284 стр.

эволюціонному дарвинизму, мы видимъ, что эти моральныя системы уяснили во многомъ истинные мотивы человѣческой дѣятельности въ обществѣ, хотя ни одной изъ нихъ не удалось разрѣшить вполнѣ проблемму морали вслѣдствіе того, что онѣ игнорировали религіозный элементъ въ нравственности и недостаточно освѣтили нравственную жизнь человѣка, невѣрно, узко и односторонне намѣтили исходные пункты морали. Такъ утилитаризмъ, поставившій девизомъ человѣческой жизни стремленіе къ удовольствію или счастью, личному и общественному, заставилъ моралистовъ снова обратить вниманіе на важную роль чувствъ удовольствія и неудовольствія въ нравственной жизни человѣка, такъ рѣшительно вычеркнутыхъ Кантомъ изъ сферы морали. Въ ученіи утилитаристовъ хорошо выставлена также объективная сторона нравственной дѣятельности человѣка, — общее благо или польза, какъ цѣль этой дѣятельности: безъ ученія о цѣляхъ личной и общественной жизни нѣтъ возможности установить опредѣленныя правила для человѣческой дѣятельности. Но выставляя рельефно внѣшнюю, объективную сторону нравственной жизни, утилитаризмъ игнорируетъ совершенно внутреннюю, субъективную ея сторону, настроеніе, побужденія къ дѣятельности, подъ вліяніемъ которыхъ она совершается [1]). Утилитаристы отождествляютъ благо, счастье, личное и общественное, съ удовольствіемъ, которое такимъ образомъ дѣлается цѣлью человѣческой дѣятельности, между тѣмъ какъ

---

[1]) Звѣревъ: „Основы утилитарной нравственности“. Русская Мысль. 1887. 4 книга, 33—35 стр.

удовольствіе въ нравственной жизни—только ея необходимый результатъ [2]). Стремленіе къ счастью, рекомендуемое утилитаризмомъ, какъ правило человѣческой дѣятельности, вовсе необязательно для каждаго [2]), такъ что утилитарная мораль теряетъ всякій обязательный характеръ. Положимъ, утилитаризмъ хочетъ съ помощью эволюціонной теоріи найти основаніе этой обязательности въ совѣсти человѣка и объясняетъ ея происхожденіе и развитіе закономъ наслѣдственности, ассоціаціей идей и различными историческими условіями общественной жизни людей: воспитаніемъ, вліяніемъ государства, науки и проч. [3]). Но не отвергая всей важности за этими доказательствами Спенсера, которыя употребляются имъ для объясненія историческаго образованія совѣсти, мы, все-таки, не видимъ, въ чемъ же лежитъ основаніе нашей обязанности повиноваться нравственному закону? Это „повиновеніе обязанности вслѣдствіе уваженія къ нравственному закону остается, какъ замѣчаетъ Каро, невыясненнымъ у утилитаристовъ. Моральный законъ является въ ихъ системѣ результатомъ воспитанія, среды, жизненныхъ условій семьи и общества. Но если обязанность изъясняется какъ фактъ, стоящій въ зависимости отъ опыта и чувствъ человѣка, то она уже теряетъ характеръ твердаго и опредѣленнаго начала дѣятельности человѣка и дѣлается относительнымъ правиломъ поведенія, обусловливаемымъ всегда спорнымъ авторитетомъ

---

[1]) См. ниже, въ 4-й главѣ.

[2]) Звѣревъ, ibidem, 22 стр.

[3]) Спенсеръ: „Данныя науки о нравственности“, 7-я и 8-я главы.

времени или временной санкціей публичнаго интереса“ [1]). Къ этой мысли объ относительности морали склоняются всѣ утилитаристы и, въ особенности, Спенсеръ, который ставитъ сужденіе объ обязательномъ выполненіи извѣстнаго рода дѣйствій въ зависимость отъ субъективнаго чувства удовольствія каждаго [2]). Тотъ же смыслъ имѣетъ и взглядъ Спенсера, что чувство долга или нравственной обязанности имѣетъ переходный характеръ и будетъ уменьшаться вмѣстѣ съ возрастаніемъ нравственности [3]). Утилитаристы хотятъ вывести общее счастье изъ личнаго, утверждаютъ, что, достигая перваго, человѣкъ получитъ и второе,—взглядъ, который рѣдко оправдывается дѣйствительною жизнью, гдѣ личные и общіе интересы далеко не всегда совпадаютъ другъ съ другомъ, а чаще всего совершенно расходятся [4]). Личный интересъ коренится, по ученію утилитаристовъ, въ эгоизмѣ, общій—въ альтруизмѣ, который, однако, есть не болѣе, какъ дальнѣйшее развитіе эгоизма. Спенсеръ считаетъ необходимымъ условіемъ морали, чтобы былъ заключенъ между эгоизмомъ и альтруизмомъ своего рода компромиссъ, сдѣлка, которая могла бы обезпечить самостоятельное существованіе въ обществѣ имъ обоимъ [5]). Но подобный взглядъ равняется безцеремонному провозглашенію эгоизма главнымъ центромъ, основаніемъ и цѣлью всякой нравственности, что идетъ въ раз-

---

[1]) Caro: „Problemmes de morale sociale“. Paris, 1876, 160 p.

[2—3]) Спенсеръ, назв. сочиненіе, 229—230 и 159 с.

[4]) Звѣревъ, ibidem, 27—28 стр.

[5]) Спенсеръ, ibidem, XI—XIII главы.

рѣзъ со всѣми понятіями о сущности морали, развившимися въ исторіи [1]).

Вообще утилитаризмъ, а за нимъ и эволюціонная школа морали выдвигаютъ въ ней слишкомъ сильный внѣшній элементъ, настаиваютъ на вліяніи природы и внѣшнихъ условій и не обращаютъ вниманія на высшій идеалъ человѣческаго поведенія [2]). Но эволюціонная система морали съ неразлучнымъ своимъ корнемъ и спутникомъ—дарвинизмомъ страдаютъ, кромѣ того, еще и многими другими недостатками. Я уже указалъ на совершенную безцѣльность процесса развитія, который у эволюціонистовъ долженъ опредѣлить нормальный образъ нравственной жизни. Эта цѣль всеобщаго развитія, какъ законъ всей міровой жизни, не можетъ быть уяснена изученіемъ исторіи развитія всего существующаго. „Наука не въ состояніи изучить всѣ формы бытія различныхъ существъ, чтобы уловить путь, которымъ природа ведетъ все существующее по лѣстницѣ, предначертаннаго ею, совершенствованія. Процессъ этого развитія вселенной еще не законченъ: человѣчество еще не дошло до послѣдней ступени конечнаго совершенства и поэтому не можетъ заняться подведеніемъ итоговъ всего развитія, уясненіемъ, лежащей предъ ней, конечной формы жизни и предписываніемъ правилъ поведенія съ точки зрѣнія осуществленнаго счастья. Наконецъ, самыя конечныя цѣли недоступны человѣку, который не можетъ знать, къ чему въ концѣ концовъ приведетъ развитіе всей вселенной“ [3]).

---

[1]) Гротъ, ibidem, 440 с.
[2]) Fouillée: Crytique etc, 17 p.
[3]) Ярошъ, назв. сочиненіе, 44—47 стр.

Эволюціонная мораль, провозглашая необходимость борьбы за существованіе въ нравственной жизни, тѣмъ самымъ даетъ сильному право угнетать слабаго, освящаетъ господство эгоизма въ обществѣ. Всю шаткость этого принципа для морали признаетъ и самъ Спенсеръ, который замѣчаетъ, что „борьба за существованіе, необходимая въ первобытное время общественной жизни людей, не должна существовать у нихъ во всѣ времена. Высшая организація, развитая въ этой универсальной борьбѣ и при ея помощи, вовсе не навсегда предназначена для подобной цѣли: сила и умъ, какъ ея результаты, способны служить для другаго употребленія“ [1]). Наконецъ, эволюціонная мораль, добытая путемъ изученія образа поведенія всѣхъ живыхъ существъ въ мірѣ, не дѣлаетъ никакого различія между инстинктами животныхъ и свойствами человѣческой природы, отрицаетъ самостоятельный характеръ человѣческаго сознанія, которое составляетъ необходимое условіе всякой нравственной жизни людей. Вся цѣль морали сводится у эволюціонистовъ къ „сохраненію расы въ условіяхъ ея существованія“ [2]), которое само требуютъ объясненія своей необходимости. Всѣ же „проблеммы относительно назначенія индивида, общества, міра, всѣ метафизическія основы нравовъ остаются у эволюціонистовъ въ забвеніи“ [3]). Насколько эволюціонизмъ—благодарная почва для построенія самыхъ разнообразныхъ моральныхъ системъ, это

---

[1]) Спенсеръ: „Развитіе политическихъ учрежденій“, 14 стр.

[2—3]) Fouillée: Crytique etc., 30 и 35 р.

показываетъ, между прочимъ, тотъ фактъ, что пессимистическая мораль Гартмана предлагаетъ человѣку самоуничтоженіе, какъ конечную цѣль его развитія [1]). Но при всѣхъ недостаткахъ эволюціонной морали въ ней есть одинъ несомнѣнно правильный взглядъ на развитіе, какъ необходимое условіе моральной жизни человѣка. Теорія развитія, положенная въ основу эволюціонной морали, хорошо объясняетъ, откуда происходитъ различіе въ нравственныхъ воззрѣніяхъ различныхъ эпохъ въ исторіи, гдѣ искать причинъ разнообразія моральныхъ системъ. Поэтому безъ помощи этой теоріи невозможно построеніе научной морали въ наше время точно также, какъ и безъ изученія взаимнаго отношенія между двумя кардинальными наклонностями человѣческой природы, — эгоизмомъ и альтруизмомъ.

Мы видѣли, что обѣ англійскихъ школы морали, — утилитаризмъ и эволюціонизмъ сходятся во взглядѣ на эгоизмъ и альтруизмъ, какъ основанія нравственной дѣятельности человѣка. Того же воззрѣнія на нихъ держится и школа французскихъ моралистовъ, — позитивистовъ, которые, однако, не высказываютъ открыто мысли объ альтруизмѣ, какъ только дальнѣйшемъ развитіи эгоизма. По ученію позитивной школы морали, эгоистическія и альтруистическія наклонности нашей природы — выраженіе двухъ стремленій, свойственныхъ всякому живому существу, — инстинкта самосохраненія или питанія и — сохраненія рода или размноженія. Изъ этихъ двухъ ин-

---

[1]) Къ послѣдователямъ эволюціоннаго утилитаризма принадлежатъ Летурно („L'evolution de la morale“, Paris. 1887) и, отчасти, Фулье.

стинктовъ позитивизмъ выводитъ почти всѣ явленія нравственной жизни. Такъ изъ инстинкта самосохраненія происходятъ: самолюбіе, стремленіе къ личной выгодѣ, сохраненію здоровья и жизни, могуществу и проч., Другой инстинктъ,—размноженіе даетъ начало разнаго рода общественнымъ добродѣтелямъ: симпатіи, благотворительности, патріотизму, любви и проч. Но сами же позитивисты сознаютъ невозможность свести всю нравственную жизнь къ указаннымъ двумъ инстинктамъ. Въ нравственной жизни, замѣчаютъ позитивисты (Литтре), есть еще третій классъ чувствъ, которыя несводимы къ инстинктамъ. Это „чувства безкорыстія, прилагающіяся къ чистымъ идеямъ: любви къ истинѣ, прекрасному и справедливому“. Основанія этихъ чувствъ кроются въ интеллектуальной природѣ человѣка, такъ что и идея долга также умственная наклонность. Цѣль нравственнаго развитія для человѣка состоитъ, по мнѣнію позитивизма, въ необходимо возрастающемъ преобладаніи альтруизма надъ эгоизмомъ. Августъ Контъ требуетъ даже совершеннаго подавленія эгоизма, полнаго самоотверженія. Благо другихъ есть, по Конту, единственное побужденіе, на которое людямъ слѣдовало бы опираться въ своихъ дѣйствіяхъ; имъ слѣдовало бы умерщвлять всѣ свои личныя желанія. Для Конта кажется недостаточнымъ любить ближняго, какъ самого себя, такъ какъ это правило носитъ характеръ личныхъ разсчетовъ. Намъ слѣдовало бы не любить себя вовсе [1]). Но рпсуя такой, повидимому, возвышенный идеалъ морали, позитивизмъ не

---

[1]) Д. С. Милль: „Огюстъ Контъ и позитивизмъ“, 125 стр.

хочетъ признавать права за человѣкомъ заботиться о необходимыхъ нуждахъ своей жизни: безъ подобныхъ стремленій къ сохраненію и развитію своей личности, силъ своей природы, физическихъ и духовныхъ, человѣкъ будетъ не въ состояніи служить другимъ [1]). Позитивизмъ рекомендуетъ аскетическій образъ жизни изъ за любви къ отвлеченному понятію человѣчества, представленіе о которомъ не можетъ воодушевить человѣка къ высокимъ подвигамъ нравственности. Позитивизмъ также не выясняетъ, почему же альтруизмъ долженъ преобладать надъ эгоизмомъ, такъ какъ фактъ позднѣйшаго его происхожденія и сложность альтруизма въ сравненіи съ эгоизмомъ не могутъ сдѣлаться рѣшительнымъ мотивомъ человѣческой дѣятельности въ пользу одного общества [2]). Утилитаризмъ въ этомъ случаѣ послѣдовательнѣе позитивизма, такъ какъ онъ называетъ альтруизмъ болѣе высокимъ эгоистическимъ удовольствіемъ каждаго [3]). Въ позитивизмѣ же отношеніе эгоизма и альтруизма остается невыясненнымъ [4]). Но его желаніе пріурочить эгоизмъ и альтруизмъ къ двумъ самостоятельнымъ инстинктамъ человѣческой природы можно считать шагомъ впередъ по сравненію позитивизма съ утилитаризмомъ, въ которомъ альтруизмъ сведенъ къ эгоизму. Позитивизмъ только слишкомъ много приписываетъ значенія физической организаціи человѣка въ дѣлѣ созданія морали, такъ какъ на самомъ дѣлѣ нельзя свести весь эгоизмъ человѣка къ

---

[1]) См. ниже, въ 4-й главѣ.

[2]—[4]) Fouillée: Crytiquë etc, 50—51 p.

[3]) Спенсеръ: „Данныя науки о нравственности“, 304 и 319 стр.

одному инстинкту самосохраненія, въ особенности же выводить изъ инстинкта размноженія всѣ альтруистическія чувства и дѣйствія [1]). Можно также поставить въ заслугу Литтре, извѣстнѣйшему послѣдователю Конта, взглядъ, что въ дѣлѣ моральной жизни человѣка принимаетъ значительное участіе и человѣческій умъ, при помощи котораго образуются нравственные идеалы человѣка. Но относить только на счетъ дѣятельности ума всѣ высшія „безкорыстныя чувства“, — любовь къ истинѣ, красотѣ и справедливости по меньшей мѣрѣ странно, разъ Литтре называетъ эти стремленія человѣческой личности „чувствами“.

Изъ позитивизма, какъ корня, возникла и развилась во Франціи школа независимой морали, которая поставила своимъ принципомъ порвать всякую связь морали съ религіей и метафизикой [2]) и построить систему нравственности на однихъ фактахъ опыта. Эта школа стремится къ тому, чтобы „выдѣлить моральное знаніе изъ другихъ философскихъ знаній, очистить его отъ всѣхъ метафизическихъ данныхъ и сдѣлать изъ него часть опытнаго знанія“ [3]), однимъ словомъ, построить систему морали „внѣ всякаго метафизическаго взгляда на природу человѣка и начало или конецъ міра“ [4]). Слѣдовательно, школа независимой морали ставитъ себѣ туже цѣль, которая преслѣдуется и позитивизмомъ. Подобно послѣдне-

---

[1]) См. ниже, въ 4-й гл.

[2]) Caro: Problemmes etc., 14 и 32 p. и Fouillée, 56 p. и слѣд.

[2]) Caro, ibidem, 26 p.

[4]) Fouillée, ibidem, 62 p.

му, она претендуетъ на полную нейтральность и независимость отъ отвлеченныхъ, религіозныхъ или философскихъ, понятій о Богѣ, душѣ и безсмертіи человѣка. Школа независимой морали хочетъ видѣть основаніе всей нравственной дѣятельности человѣка въ его свободѣ, чувствѣ уваженія къ достоинству человѣческой личности, нравственномъ законѣ. Этотъ послѣдній начертанъ въ человѣческой природѣ; голосъ его, повелѣвающій стремиться къ высшему благу, для всѣхъ ясенъ и понятенъ. Въ той же человѣческой природѣ кроется и обязательность нравственнаго закона, который не нуждается въ санкціи религіи. Санкція эта—чувство благосостоянія при соблюденіи нравственнаго закона и безпокойства при нарушеніи его. Нравственность блеститъ собственнымъ свѣтомъ и основывается не на любви, а на правдѣ, справедливости. Такъ какъ нравственный законъ имѣетъ свой корень въ человѣческой природѣ, то онъ одинаковъ и универсаленъ, между тѣмъ какъ религіозныя представленія очень разнообразны [1]).

Такимъ образомъ, нравственная дѣятельность человѣка сводится школой независимой морали къ тому, чтобы свободно дѣйствовать, стремиться къ высшему благу на основаніи нравственнаго закона, начертаннаго въ человѣческихъ сердцахъ. Но всѣ эти понятія: долга, свободы, нравственнаго закона, высшаго блага развѣ не заключаютъ въ себѣ отвлеченныхъ элементовъ, которыхъ не даетъ опытъ? [2]). Идея долга предполагаетъ пред-

---

[1]) Гренковъ, назв. статья (2-я), ср. Fouillée, ibidem, 211—220 p.

[2]) Caro, 35 p. et suiv., 71 p. et suiv.

ставленіе о безусловной цѣли дѣятельности человѣка, такъ какъ необходимо всегда имѣть въ виду, почему мы обязаны поступать въ каждомъ данномъ случаѣ такъ, а не иначе. Также и свобода, какъ бы ее не понимали, не есть всецѣло опытный фактъ, такъ какъ ея понятіе устанавливается философски, путемъ изученія элементовъ этого понятія въ внутренней, духовной дѣятельности человѣка. Школа независимой морали вѣрно указываетъ на характеръ проявленія въ человѣческой дѣятельности чувства нравственнаго закона или совѣсти, то одобряющей, то порицающей человѣка за его дѣйствія. Справедлива и мысль этой школы, что нравственный законъ универсаленъ, неразрывно связанъ съ человѣческой природой. Но эта мысль принадлежитъ не школѣ независимой морали, а Канту точно также, какъ и взглядъ на чувство уваженія къ достоинству человѣка, какъ основаніе нравственной его дѣятельности [1]). Но взглядъ школы независимой морали, что нравственный законъ получаетъ санкцію исключительно въ человѣческой природѣ, противорѣчитъ дѣйствительной жизни общества, гдѣ нравственная дѣятельность людей освящается религіознымъ и другими нравственными авторитетами. Безъ такого рода санкціи авторитета нравственный законъ могъ бы превратиться въ произвольное пониманіе того, что считать нашей нравственной обязанностью. Если мы будемъ искать санкцію нравственнаго закона только въ нашемъ чувствѣ благосостоянія, сопровождающемъ соблюденіе нравственнаго закона, то тогда мы должны будемъ признать эгоизмъ ис-

---

[1]) Ланге, назв. сочиненіе, 40—41 стр.

ключительнымъ мотивомъ нравственной дѣятельности, т. е., вернуться снова къ утилитаризму. Едва ли нужно доказывать, на сколько любовь къ людямъ, какъ главный базисъ морали, выше справедливости въ человѣческихъ отношеніяхъ, гдѣ первая — есть высшій идеалъ чистѣйшей морали и корень всѣхъ явленій нравственной жизни, всѣхъ субъективныхъ идеаловъ человѣка, между тѣмъ какъ вторая — только одна форма любви, проявленіе ея въ обществѣ, въ дѣятельности права и государства [1]). Историческое разнообразіе религіозныхъ представленій съ, согласными съ ними, моральными взглядами не мѣшаетъ, однакожь, людямъ во всѣ времена поступать по совѣсти, идеѣ долга или нравственнаго закона, хотя содержаніе его и мѣнялось въ разные эпохи исторіи общества. Наконецъ, не менѣе отвлеченно и понятіе высшаго блага, въ чемъ бы его не полагали: въ стремленіи къ совершенству, свободѣ или сохраненіи человѣческаго достоинства. Всегда можетъ при этомъ возникнуть вопросъ, во имя чего я долженъ стремиться къ совершенству, свободѣ и проч., и что понимать подъ тѣмъ или другимъ видомъ блага?

Такъ во всѣхъ своихъ частяхъ эта школа независимой морали, высказывающая претензію на полную самостоятельность и изолированность отъ религіи и философіи, оказывается цѣликомъ основанною на метафизическихъ принципахъ, которые въ тоже время въ извѣстномъ видѣ и начала религіи. Сторонники независимой морали противъ своего намѣренія не болѣе, какъ „самые

---

[1]) См. ниже, въ 4-й главѣ.,

непослѣдовательные позитивисты, безсознательные кантіанцы и метафизики по неволѣ“ [1]). Справедливо замѣчаетъ Каро, что школа независимой морали совершенно безъ успѣха затѣяла создать мораль, обходя, вопреки всѣмъ прецендентамъ въ исторіи философіи, вопросы о Богѣ, природѣ человѣка и его назначеніи [2]). Тотъ же Каро называетъ независимую мораль „изсохшею вѣтвью спиритуалистической морали, которая сама по себѣ не можетъ ни вновь зазеленѣть, ни разцвѣсти, и которая погибнетъ отъ истощенія“ [3]). Но и мораль спиритуалистовъ (Жанэ, Жюль Симонъ, Вашро и др.), чуждая дѣйствительной жизни, ставящая совершенно отвлеченныя требованія абсолютнаго долга, блага и свободы принципомъ нравственной дѣятельности, также не можетъ сдѣлаться истиннымъ и практическимъ основаніемъ нравственной дѣятельности человѣка. Далекая отъ запросовъ дѣйствительной жизни и неспособная дать на нихъ необходимые отвѣты, спиритуалистическая мораль не указываетъ на идеалы, къ которымъ человѣкъ могъ бы стремиться въ своей жизни. Оперируя съ метафизическими понятіями абсолютной свободы, долга, нравственнаго закона и высшаго блага, переданными школѣ независимой морали спиритуалистической школой, эта послѣдняя порываетъ всякую связь морали съ религіей, и опытомъ, откуда заимствуются многія важныя данныя для построенія морали.

Къ той же независимой школѣ морали принадлежитъ

---

[1]) Гренковъ, назв. статья, 234 стр.
[2]) Caro, ibidem, 20 p.; ср. 98 p.
[3]) Ibidem, 97 p.

и современный французскій моралистъ, Гюйо, который въ своемъ сочиненіи: „Эскизъ морали безъ долга и освященія“ сдѣлалъ попытку дать мораль, зависимую только отъ психологическихъ данныхъ и фактовъ опыта. По мнѣнію Гюйо, мораль должна быть индивидуалистическою, опираться какъ на явленія сознанія, такъ и на инстинкты и привычки. Теорія нравственности, основывающаяся на положительныхъ фактахъ, ставитъ себѣ задачей опредѣленіе средствъ для сохраненія и увеличенія жизни, матеріальной и духовной. Поэтому законы морали одинаковы съ законами самой жизни. Жизнь высшаго существа, т. е. человѣка; основывается на разнообразіи дѣйствія. Дѣйствовать, значитъ жить. Поэтому худшій изъ пороковъ лѣность, бездѣйствіе. Моральный идеалъ отсюда—дѣятельность человѣка во всемъ разнообразіи ея формъ и гармоніи ея стремленій. Удовольствіе должно сопровождать дѣятельность человѣка [1]). Каждый индивидуумъ имѣетъ жизненныхъ силъ больше, чѣмъ сколько ихъ требуется для его жизненныхъ потребностей; отсюда потребность употребить эти силы на пользу другихъ. Поэтому молодые и возмужалые люди живутъ не только для себя, но и готовы на всякія жертвы для другихъ, между тѣмъ какъ дѣти, больные и старики, лишенные такого избытка силъ, дѣлаются эгоистами. Тоже самое явленіе происходитъ и въ умственной и нравственной жизни. Поэтому трудъ мыслителя сравниваютъ съ рожденіемъ дѣтей. Мы не довольствуемся жизнью своей

---

[1]) Cuyau: „Esquisse d'une morale sans obligation ni sanction“. Paris. 1885. Livre premier, Chap. 1.

личности. У насъ больше слёзъ, нежели собственныхъ страданій, у насъ и больше радостей, чѣмъ сколько нужно ихъ для нашего благополучія. Поэтому мы стремимся сообщить другимъ свои мысли и чувства. Мы нуждаемся также въ томъ, чтобы трудиться, производить. Дикарь не способенъ къ истинному труду. Можно сказать, что скука у человѣка знакъ его превосходства, плодовитости воли. Въ насъ есть потребность желать и трудиться не только для себя, но и для другихъ. Сколько мы пріобрѣтаемъ, столько и расходуемъ въ своей жизни. Извѣстная доля великодушія неразлучна съ нашимъ существованіемъ, если мы не хотимъ преждевременно высохнуть, умереть. Нравственность, самоотверженіе—это цвѣтъ нравственной жизни. Поэтому надо цвѣсти. Наиболѣе совершенный организмъ будетъ и наиболѣе соціальнымъ и идеалъ человѣческой жизни—въ общеніи съ другими людьми. Инстинкты симпатіи и общежительности заложены въ глубинѣ человѣческой души [1]). Нравственный долгъ вытекаетъ изъ излишка жизни въ организмѣ, который требуется израсходовать для другихъ. Возможность дѣйствовать есть и обязанность дѣйствовать; жизнь не можетъ сохраняться, какъ только подъ условіемъ ея распространенія на другихъ. Если мы признаемъ что-либо лучше существующаго, то мы уже на пути къ дѣятельности, осуществленію этого лучшаго. Тотъ, кто не дѣйствуетъ, какъ думаетъ, идетъ противъ единства и цѣльности своей натуры. Отсюда нравственность—единство существа; безнравственность—его раз-

---

[1]) Guyau, ibidem, Chap. 2.

двоеніе. Съ развитіемъ человѣчества удовольствія высшаго рода пріобрѣтаютъ большое значеніе, дѣлаются общедоступными, принимаютъ характеръ общественныхъ. Вмѣстѣ съ этимъ увеличивается значеніе обще-человѣческаго элемента въ сравненіи съ личнымъ. Эгоизму отводится въ общественной жизни незначительное мѣсто въ сравненіи съ альтруизмомъ. Наши удовольствія превращаются въ ничто безъ удовольствія другихъ [1]).

Отыскивая основанія нравственной дѣятельности человѣка въ его природѣ и дѣйствіяхъ, Гюйо не забываетъ важнѣйшаго элемента морали, необходимой санкціи нравственныхъ обязанностей и разсматриваетъ, при какихъ условіяхъ моральное чувство является побудительной причиной къ дѣйствіямъ, причиной, задерживающей ихъ или напрягающей. По словамъ Гюйо, самый инстинктъ можетъ сдѣлаться обязательнымъ: всякій инстинктъ стремится сдѣлаться сознательнымъ стремленіемъ [2]). Все это, однако, не разрѣшаетъ, какъ сознаетъ самъ Гюйо, вопроса о томъ, чѣмъ вызывается самоотверженіе въ человѣческой дѣятельности. Эту санкцію нравственныхъ обязанностей онъ хочетъ найти въ, свойственномъ людямъ, стремленіи къ риску и къ борьбѣ, которое и заставляетъ ихъ забывать свои интересы и жертвовать ими на пользу другихъ [3]). Едва ли, однако, кто согласится съ Гюйо, что эта любовь къ риску можетъ объяснить

---

[1]) Ibidem, Chap. 3.

[2]) Guyau, 53 p.

[3]) Guyau, Livre quatrieme. Остальныя двѣ части книги Гюйо посвящены болѣе или менѣе обстоятельной критикѣ современныхъ системъ морали.

обязательность выполненія нравственныхъ правилъ. Чувство риска свойственно не всѣмъ людямъ, а только наиболѣе храбрымъ и смѣлымъ изъ нихъ. Это чувство имѣетъ инстинктивный характеръ, а въ область нравственности входитъ лишь сознательная дѣятельность человѣка, да и то только въ одной ея части [1]). Благодаря тому, что чувство риска образуется воспитаніемъ и передается по наслѣдству, оно зависитъ въ своемъ проявленіи также отъ разныхъ случайныхъ обстоятельствъ, между тѣмъ какъ нравственная жизнь человѣка обнимаетъ собою большую и опредѣленную сферу его отношеній къ другимъ. Нужно также принять во вниманіе, что рискъ и желаніе борьбы могутъ направляться столько же на нравственныя, сколько и на безнравственныя цѣли. Мы часто встрѣчаемъ въ обществѣ людей храбрыхъ и отважныхъ и въ тоже время безнравственныхъ и, наоборотъ, нерѣдко люди тихіе и робкіе оказываются наиболѣе нравственными. Эта случайность проявленій любви къ риску и борьбѣ лучше всего доказываетъ всю несостоятельность попытки Гюйо выставить фундаментомъ морали произвольныя и инстиктивныя стремленія людей. Но и во всѣхъ другихъ разсужденіяхъ Гюйо о морали мы находимъ немало также случайнаго и произвольнаго. Странно, напр., слышать, что нравственность вытекаетъ изъ одного избытка силъ въ человѣкѣ, который заставляетъ его невольно дѣлиться ими и съ другими, и что

---

[1]) Гротъ приводитъ въ своей статьѣ (Эгоизмъ и альтруизмъ etc.) примѣры такого безсознательнаго альтруизма, которые вовсе не относятся къ сферѣ нравственности.

поэтому молодые и возмужалые люди ведутъ болѣе нравственную жизнь, чѣмъ старые и больные. Напротивъ, мы часто видимъ, что люди съ явнымъ избыткомъ всякаго рода силъ и радостей жизни вовсе не считаютъ себя обязанными дѣлиться ими съ другими, а предпочитаютъ лучше сохранить ихъ для собственнаго употребленія. Въ то же время люди съ явнымъ недостаткомъ въ силахъ и обиліемъ страданій въ своей жизни совершаютъ высокіе подвиги милосердія, состраданія и самоотверженія. Возрастъ также не составляетъ всего въ дѣлѣ нравственности: много встрѣчается молодыхъ людей, ведущихъ явно безнравственную жизнь и, наоборотъ, немало пожилыхъ, отличающихся высотою своего нравственнаго поведенія. Избытокъ силъ въ человѣкѣ только одно изъ условій нравственной его жизни, въ которой преслѣдуются имъ тѣ или другіе нравственные идеалы. Возможность дѣйствовать не всегда ведетъ къ обязанности дѣйствовать. Богачъ можетъ помочь бѣдному, но не всегда помогаетъ ему. Вообще мораль у Гюйо не имѣетъ какихъ-либо прочныхъ основаній; это не система морали, а рядъ, расположенныхъ въ извѣстномъ порядкѣ, психологическихъ замѣчаній о нравственной дѣятельности человѣка, во многихъ случаяхъ вѣрныхъ, но не всегда объясняющихъ различныя явленія въ области моральной жизни человѣка. Изъ всѣхъ этихъ замѣчаній выдаются только мысли Гюйо объ альтруизмѣ, какъ сущности морали, о необходимости для каждаго развивать свою дѣятельность во всѣхъ направленіяхъ и объ очевидномъ стремленіи современнаго общества къ развитію альтруизма.

Съ совершенно другимъ характеромъ, болѣе самостоятельнымъ и основательнымъ, является этика у В. Вундта, у котораго ея принципы добыты изъ „психологіи народовъ, изслѣдованія исторіи нравовъ и нравственныхъ представленій съ точки зрѣнія психологіи“ [1]). Такое изслѣдованіе и предпринимаетъ Вундтъ, двѣ части „Этики“ котораго посвящены вопросу объ историческомъ образованіи нравственности, а двѣ послѣднія изученію началъ морали и области нравственной жизни. Въ взглядахъ Вундта выдается по своей правильности воззрѣніе его на сомостоятельность эгоистическихъ и альтруистическихъ наклонностей въ человѣкѣ и о необходимомъ преобладаніи въ жизни альтруизма надъ эгоизмомъ, какъ сущности морали. Вѣрно также понятіе Вундтомъ свободы воли, какъ „внутренней причинности воли, опредѣляемой характеромъ воли личности“. Вундтъ долго останавливается на причинахъ, превращающихъ наши дѣйствія въ повелительныя, и находитъ четыре рода такихъ причинъ: внѣшнее принужденіе, внутреннее, длящееся удовлетвореніе и представленіе о нравственномъ идеалѣ жизни. Вундтъ только забываетъ о важнѣйшей изъ причинъ, заставляющихъ человѣка дѣйствовать сообразно съ этими идеалами,—представленіи о происхожденіи этихъ идеаловъ отъ того или другаго нравственнаго авторитета, въ особенности же, религіознаго. И это послѣ того, какъ Вундтъ такъ много и убѣдительно говоритъ о связи морали съ религіей и различными общественными формами. У Вундта встрѣ-

---

[1]) Вундтъ: „Этика“, I т., предисловіе, 3 стр.

чается еще обширное разсужденіе о цѣляхъ или идеалахъ нравственной жизни, индивидуальныхъ, соціальныхъ и общечеловѣческихъ (гуманныхъ). Вундтъ также устанавливаетъ тѣсную связь морали съ правомъ, которое онъ считаетъ этическимъ minimum'омъ и настаиваетъ на необходимости признать въ морали два самостоятельныхъ элемента: личный и общественный или субъективный и объективный.

Намъ остается сдѣлать нѣсколько общихъ замѣчаній по поводу взглядовъ нѣкоторыхъ русскихъ моралистовъ, изъ которыхъ Кавелинъ далъ оригинальную систему этики. Разсматривая въ своихъ „Задачахъ этики", что такое нравственность, Кавелинъ рѣзко различаетъ внутренніе и внѣшніе поступки человѣка, причемъ къ первымъ онъ относитъ всю внутреннюю жизнь, душевную дѣятельность человѣка, а подъ вторыми разумѣетъ одно только внѣшнее его поведеніе. Внутренніе поступки человѣка относятся къ сознательной его дѣятельности, въ которой кроется источникъ всѣхъ идеальныхъ стремленій человѣка. Идеалы человѣка—результатъ психической его дѣятельности надъ внѣшними впечатлѣніями, которыя перерабатываются въ сознаніи человѣка въ образецъ совершенства для человѣческой жизни [1]). Такимъ образомъ, идеалы принадлежатъ къ внутренней душевной области человѣческой жизни, къ субъективной его дѣятельности. Субъективная дѣятельность, субъективные идеалы—нравственные идеалы, ученіе о которыхъ и нравственной дѣятельности человѣка вообще—предметъ этики. Субъек-

---

[1]) Кавелинъ: „Задачи этики", 15—16 стр.

тивные идеалы въ извѣстномъ смыслѣ противоположны объективнымъ идеаламъ. Этотъ контрастъ ихъ объясняется Кавелинымъ изъ историческаго процесса ихъ образованія, результатомъ котораго является взглядъ на знаніе человѣка о внѣшнемъ или объективномъ мірѣ только, какъ на совокупность представленій большинства людей о міровыхъ явленіяхъ, какъ на продолженіе личнаго міра человѣка [1]). Отсюда вытекаетъ неразрывная связь между объективнымъ міромъ и личною жизнью человѣка, который теперь все болѣе и болѣе приспособляетъ его къ своимъ потребностямъ. Но успѣхи объективнаго знанія вскружили голову современному обществу, которое изъ объективныхъ благъ позабыло о внутреннемъ мірѣ человѣка,—этомъ источникѣ всей его жизни. Объективные идеалы, какъ стремленіе обставить свою внѣшвюю жизнь наиболѣе благопріятными условіями для достиженія благополучія увлекали уже давно человѣка и всегда вели къ тому, что блестящее развитіе культуры и общественности сопровождалось упадкомъ нравственной жизни личности. Подобныя эпохи въ исторіи человѣчества ознаменовывались паденіемъ цивилизаціи и всеобщимъ страшнымъ разочарованіемъ, унынiемъ и скорбію. Такъ было въ древности (въ Индіи, Греціи и Римѣ); тоже происходитъ на нашихъ глазахъ и теперь. Поэтому-то въ такія эпохи и появлялись ученія, имѣвшія цѣлью очистить, обновить человѣка, поднять въ немъ упавшія силы и вызвать внутреннюю самодѣятель-

---

[1]) Кавелинъ: „Задачи этики“, 33 стр.

ность. Такой именно характеръ имѣли ученія Будды, Сократа и І. Христа [1]).

Такимъ образомъ, насущною задачею нашего времемени является поднятіе въ человѣкѣ душевной дѣятельности, развитіе субъективныхъ или нравственныхъ идеаловъ, которымъ такъ долго предпочитались идеалы объективные. Но субъективные или нравственные идеалы невозможны безъ объективныхъ идеаловъ, знанія и науки и наоборотъ: „безъ объективной дѣятельности человѣкъ осужденъ на безсиліе и безплодное созерцаніе, а безъ поддержки субъективныхъ идеаловъ объективная его дѣятельность безсильна осуществить идеалы человѣческаго благополучія“ [2]). Кавелинъ подробно разсматриваетъ содержаніе субъективныкъ идеаловъ—нравственности, которая у него только воспроизведеніе христіанской этики, убѣдительно доказываетъ, какъ основныя ея начала могутъ сдѣлаться истиннымъ основаніемъ современной общественной жизни и пружинами человѣческой дѣятельности [3]). Субъективные идеалы не имѣютъ, по взгляду Кавелина, никакого отношенія къ общественнымъ и политическимъ порядкамъ, оцѣнка которыхъ происходитъ по объективнымъ идеаламъ: нравственность касается только отношенія дѣйствительнаго лица къ его собственной дѣятельности [4]). Смыслъ жизни заключается въ достиженіи извѣстныхъ цѣлей, которое доставляетъ удовлетвореніе и счастье. Въ заключеніе Кавелинъ разсматриваетъ отношеніе морали къ религіи, праву и искусству [5]) и выражаетъ твердое убѣжденіе, что въ осуще-

---

[1—5]) Кавелинъ, ibidem, стр.: 53, 55—65, 68, 83 и сл.

ствленіи идеаловъ, которые преслѣдуютъ не личное, а общее благо и которые ставятъ христіанская религія, наука и искусство, лежитъ исцѣленіе отъ всеобщаго унынія, скуки и недовольства жизни, глубоко охватившихъ все европейское общество [1]).

Въ этихъ разсужденіяхъ нашего моралиста, въ которыхъ звучитъ такъ неподдѣльно глубокая скорбь о полной неурядицѣ и путаницѣ въ чувствахъ, мысляхъ и всей жизни современнаго общества, бросается рѣзко въ глаза совершенное выдѣленіе Кавелинымъ морали изъ сферы внѣшней жизни человѣка, его дѣятельности въ обществѣ и ограниченіе области нравственной жизни внутренними, психическими процессами. Въ этомъ одностороннемъ и узкомъ взглядѣ Кавелина мы узнаемъ запоздалый отголосокъ индивидуалистическаго ученія школы естественнаго права о различіи между моралью и правомъ, которое имѣло смыслъ въ свое время, но затѣмъ потеряло всякій кредитъ съ успѣхами знанія. Теперь ужъ вполнѣ доказано, что сфера морали не ограничивается одними только внутренними движеніями нашей души, извѣстнымъ настроеніемъ, чувствами и помыслами, какъ область права не заключаетъ въ себѣ исключительно внѣшнюю дѣятельность человѣка въ мірѣ. Современная наука признаетъ, что въ морали необходимо различать личный и общественный элементы, такъ какъ въ нравственности выражаются идеальныя стремленія

---

[1]) Кавелинъ, ibidem, стр. 100—101 стр. Тѣже въ сущности взгляды на мораль высказаны Кавелинымъ и въ посмертной его статьѣ, цитированной нами: „Злобы дня“.

отдѣльной человѣческой личности въ извѣстномъ соотношеніи съ идеалами, современнаго ей, общества. Нельзя разрубать на двѣ половины человѣческую жизнь, въ которой психическая дѣятельность человѣка неразрывно связана съ дѣйствіями его въ внѣшнемъ мірѣ, обществѣ. Поступокъ—дѣйствіе человѣка, которому необходимо присущи какъ извѣстнаго рода побужденія, душевное настроеніе дѣятеля, такъ и проявленіе во внѣ воли человѣка, —результатъ этихъ побужденій. Выдѣлить изъ человѣческой дѣятельности психическій элементъ въ особую, самостоятельную область нравственной дѣятельности человѣка значитъ лишать ее твердой почвы, отнимать всякую жизненность у морали и забывать все важное значеніе для жизни общества нравственныхъ идеаловъ, отъ утраты которыхъ оно и безъ того страдаетъ въ настоящее время. Нельзя также согласиться съ Кавелинымъ, что вся субъективная, сознательная дѣятельность человѣка относится къ сферѣ морали. Кромѣ нравственныхъ идеаловъ есть еще идеалы научные, эстетическіе, религіозные и другіе, и всѣ они также вырабатываются сознаніемъ человѣка. Идеалами человѣка опредѣляется вся его жизнь въ обществѣ, для котораго небезразличны содержаніе и характеръ всѣхъ ихъ и, въ особенности, нравственныхъ идеаловъ. Не одна только наука, знаніе служитъ обществу при устройствѣ его быта; на послѣдній вліяютъ и тѣ или другія моральныя воззрѣнія членовъ общества, опредѣляющія „идеалъ совершеннѣйшаго человѣка“ [1]). Мы уже

---

[1]) Кавелинъ: „Задачи этики“, 56 стр.

видѣли, какъ значительная отдаленность современныхъ соціальныхъ учрежденій отъ нравственныхъ идеаловъ эпохи вызываетъ въ обществѣ чувство недовольства ими и много помогаетъ развитію тоски, унынія и безсилія человѣка въ жизни. Кавелинъ справедливо возлагаетъ большія надежды на оживленіе религіознаго сознанія въ современномъ обществѣ: это оживленіе въ состояніи поднять до извѣстной степени уровень его нравственнаго развитія. Но онъ въ тоже время оставляетъ безъ вниманія тотъ фактъ, что только въ религіи заключается важнѣйшая санкція морали, основанія для обязательнаго выполненія нравственныхъ правилъ. Впрочемъ, Кавелинъ неизбѣжно долженъ былъ умолчать объ обязательности моральныхъ предписаній: разъ вся мораль сведена имъ къ одной внутренней, душевной дѣятельности человѣка, то объ ея обязательности для каждаго не можетъ быть и рѣчи.

Всѣ эти, указанные нами, недостатки моральныхъ взглядовъ Кавелина сильно вредятъ имъ, лишаютъ его этику практическаго вліянія, оставляютъ общество при прежнихъ его недоумѣніяхъ и тоскливомъ настроеніи. Общество найдетъ въ этикѣ Кавелина вѣрное и прекрасное описаніе золъ, разъѣдающихъ всю его жизнь и тормозящихъ дальнѣйшее развитіе общества. Оно также оцѣнитъ всю мѣткость разсужденій Кавелина о преувеличенномъ вниманіи современнаго человѣка къ внѣшней своей дѣятельности въ ущербъ ввутренней, душевной его жизни. Но оно сильно ошибется, если вздумаетъ примѣнять къ жизни взгляды Кавелина на мораль, удаленную у него отъ настоящей жизни и потому неспособную

отвѣчать настоятельнымъ потребностямъ времени. Задача нашего времени заключается не въ, рекомендуемой Кавелинымъ, замкнутости человѣка въ своемъ внутреннемъ мірѣ, изолированности его отъ окружающей обстановки, общественныхъ вопросовъ, затрогивающихъ задушевныя стремленія человѣческой личности. Призывъ къ такому узко-индивидуалистическому идеалу общественной жизни звучитъ рѣзкимъ диссонансомъ съ постоянно развивающеюся дѣятельностью человѣка въ внѣшнетъ мірѣ, безпрерывной и изумительной его побѣдой надъ силами природы, которыя онъ заставляетъ служить своимъ разнообразнымъ потребностямъ. Одна изъ вопіющихъ потребностей современнаго общества это—нужда устроить свою жизнь на началахъ любви и правды, на которыя Кавелинъ справедливо указываетъ, какъ на высшіе нравственные идеалы эпохи. Именно эта потребность живо сказывается и въ томъ необычайномъ вниманіи, которое современное общество оказываетъ къ нравственнымъ воззрѣніямъ другаго нашего моралиста, графа Л. Н. Толстого.

Слишкомъ много было писано у насъ и въ западно-европейской литературѣ о моральныхъ взглядахъ Толстого, много было говорено объ ихъ односторонности, неправильности, ненаучности, также какъ и о неосуществимости нравственнаго идеала Толстого. Но что бы ни говорили за или противъ ученія Толстого, во всякомъ случаѣ никто не можетъ отвергать, что важнѣйшее, интереснѣйшее въ его послѣднихъ сочиненіяхъ не столько его взгляды, невыдерживающіе серьезной критики, сколько тотъ путь, которымъ дошелъ Толстой до своего ученія, тѣ душев-

ныя муки, которыя онъ испыталъ въ своемъ страстномъ стремленіи найти смыслъ жизни, вѣрный и надежный оплотъ противъ недоумѣній, сомнѣній и разочарованности въ жизни, долго одолѣвавшихъ Толстого. Въ этомъ психическомъ процессѣ, художественно имъ воспроизведенномъ, неудержимомъ исканіи Толстымъ смысла жизни каждый изъ насъ видитъ отраженіе собственнаго душевнаго состоянія, которое онъ также испыталъ въ былое время или испытываетъ его теперь. Въ нашей душѣ находятъ сочувственный откликъ откровенныя признанія Толстого и искреннее сознаніе имъ своихъ недостатковъ. Насъ глубоко трогаютъ горячіе и энергичные его порывы къ правдѣ и нравственной чистотѣ въ жизни, искреннее желаніе Толстого помочь всякому ближнему при его жизненныхъ невзгодахъ. Толстой ищетъ и находитъ исходъ всѣмъ своимъ душевнымъ тревогамъ въ христіанскомъ моральномъ ученіи, которое представляется ему, какъ и Кавелину, Гроту, Вундту, Шопенгауэру и другимъ современнымъ моралистамъ, высшимъ и совершеннѣйшимъ этическимъ ученіемъ. Но Толстой, подобно имъ всѣмъ, платитъ дань своему времени, не признавая санкціи морали въ предписаніяхъ религіи и другихъ нравственныхъ авторитетовъ, хотя онъ и считаетъ нужнымъ дать своей морали высшее религіозно-философское основаніе [1]). Нравственный идеалъ Толстого — это жизнь вдали отъ всякихъ искусственныхъ условій быта современнаго общества и въ постоянномъ об-

---

[1]) См. Козлова: „Религія графа Толстаго“. С.-Петербургъ. 1888, 22 стр. и слѣд.

щеніи съ природой, въ деревнѣ, жизнь простая, посвященная, главнымъ образомъ, физическому труду и исполненію „заповѣдей“ Толстого, которыя онъ выдаетъ за экстрактъ изъ христіанской морали. Изъ этихъ „заповѣдей“ заслуживаетъ нашего вниманія главнѣйшая изъ нихъ,—заповѣдь о непротивленіи злу насиліемъ, которая совпадаетъ съ однимъ направленіемъ въ современной наукѣ права, желающимъ доказать, что сила, принужденіе не существенный признакъ права [1]). Однако, эта „заповѣдь“ Толстого, какъ и всѣ остальныя его „заповѣди“ не имѣютъ никакой связи между собою и съ идеаломъ Толстого о жизни въ деревнѣ, и исполненіе ихъ едва ли дастъ кому-либо успокоеніе отъ всѣхъ его душевныхъ треволненій, поможетъ достичь счастья и разрѣшить загадку жизни [2]). Общество не можетъ положить „заповѣди“ Толстого въ основу своей жизни потому, что онѣ только отрицательныя правила человѣческаго поведенія (не воруй, не клянись, не суди и проч.), не содержатъ въ себѣ положительнаго нравственнаго идеала. Кромѣ того, послѣдовательное проведеніе ихъ въ жизни вовсе не ведетъ къ тому, чтобы каждый сдѣлался нравственнымъ. Человѣкъ, напр., можетъ не воевать по трусости или потому, что ему не пришлось почему либо попасть на войну, никогда и ни съ кѣмъ не судиться, не кляться, не сердиться и не употреблять насилія, такъ какъ и безъ того все удается ему въ жизни, не развратничать вслѣдствіе истощенія своихъ силъ или старости.

---

[1]) См. ниже, въ 5-й главѣ.

[2]) Козловъ, назв. сочиненіе, 46—73 стр.

Въ тоже время этотъ человѣкъ, исполнившій всѣ „заповѣди“ Толстого, можетъ быть въ душѣ и въ своихъ сношеніяхъ съ людьми въ высшей степени безнравственнымъ субъектомъ [1]). Вообще моральное ученіе Толстого имѣетъ видъ узко—личной морали, приложимой развѣ въ жизни одного или нѣсколькихъ лицъ, но не всего общества. Моральное его ученіе далеко отъ современныхъ потребностей общества, не знаетъ ихъ и не можетъ удовлетворить имъ вслѣдствіе своей отрицательной и отрывочной формы и бѣднаго внутренняго содержанія. Оно не можетъ ни поднять уровень нравственности въ современномъ обществѣ, ни разрѣшить назрѣвшіе вопросы воспитанія и исправить многіе недостатки современной жизни. Графъ Толстой можетъ вліять на наше общество не своимъ ученіемъ, далекимъ отъ идеаловъ даже сельскаго населенія, деревни, куда онъ совѣтуетъ всякому удалиться отъ жизни среди цивилизованнаго общества, а личнымъ примѣромъ, своимъ стремленіемъ къ личному нравственному совершенствованію. Поэтому-то правъ профессоръ Ярошъ, который придаетъ такое большое значеніе воспитательной дѣятельности Толстого среди русскаго общества [2]). Мы согласны также съ Ярошемъ и въ томъ, что въ настоящее время необходимо каждому стремиться къ самоусовершенствованію, вырабатывать въ себѣ извѣстныя нравственныя свойства, указываемыя Ярошемъ: глубокую вѣру въ святость сво-

---

[1]) Оболенскій: „Л. Н. Толстой, его философскія и нравственныя идеи“. С.-Петербургъ. 1887. 140—141 стр.

[2]) Ярошъ, назв. сочиненіе, 127 стр. и слѣд.

его дѣла, способность сильно чувствовать, чтобы сильно вліять на людей, безтрепетную увѣренность въ своихъ силахъ, желѣзную волю, находчивость среди всевозможныхъ обстоятельствъ въ жизни и неуклонное и безпрестанное исканіе и жажду добра [1]). Но стремленіе къ личному совершенству не все дѣло въ нравственной жизни человѣка, цѣлью которой является служеніе другимъ людямъ всѣми силами каждаго. Ярошъ пренебрегаетъ этой важной стороной морали, которая только придаетъ высшее жизненное значеніе личнымъ нравственнымъ свойствамъ каждаго. Ярошъ высказываетъ также сомнѣніе, чтобы наука могла создавать нравственные идеалы: „она имѣетъ дѣло, говоритъ онъ, съ тѣмъ, что существуетъ, между тѣмъ какъ мораль задается вопросомъ о томъ, что должно существовать въ жизни человѣка“ [2]). Но развѣ изученіе законовъ нравственной его дѣятельности въ обществѣ, составляющее предметъ этики, не наука? Вѣдь, моральныя явленія общественной жизни также фактъ, какъ и всѣ остальныя въ мірѣ явленія! А изслѣдованіе нравственныхъ принциповъ, какъ правилъ общественной жизни, отношенія моральныхъ идеаловъ къ потребностямъ человѣческой натуры, жизненнымъ цѣлямъ людей, причинъ разнообразія нравственныхъ идеаловъ въ исторіи общества и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ихъ всегда обязательной силы для каждаго и вообще уясненіе нравственныхъ идеаловъ въ сознаніи общества не дѣло науки? По крайней мѣрѣ, искусство, художественное

[1—2]) Ярошъ, назв. сочиненіе, страницы: 108 и слѣд., 40, 49 и слѣд.

творчество въ сферѣ прекраснаго, которое Ярошъ призываетъ къ созданію морали [1]), никогда одно неспособно разрѣшить проблеммы морали, подъ какими формами оно не проявлялось бы въ жизни: въ поэзіи, живописи, музыкѣ и другихъ видахъ искуства всегда воспроизводятся тѣ или другіе нравственные идеалы, уже готовые или, по крайней мѣрѣ, нечуждые сознанію общества. Если мораль будетъ создаваться не самимъ обществомъ съ помощью науки и, отчасти, искусства, а только этимъ послѣднимъ, путемъ непосредственной дѣятельности художниковъ, то общество рискуетъ получить подъ видомъ своей морали произвольно выдуманные образцы жизни, которые художникъ, въ качествѣ сына своего народа, будетъ выдавать за его нравственные идеалы. Да, хорошо еще, что творцомъ этихъ идеаловъ явится такой глубоко правдивый, искренній и честный художникъ, какъ графъ Л. Н. Толстой, который, все-таки, не избѣжалъ ошибокъ въ своемъ моральномъ ученіи! А что если въ роли создателя новой морали окажется лицо, которое задастся цѣлью извлечь извѣстную личную выгоду изъ своихъ нравственныхъ идеаловъ?! Нѣтъ, мы не раздѣляемъ такого пессимистическаго недовѣрія Ярошa къ способности науки создавать системы морали [2]) и попытаемся самимъ дѣломъ доказать возможность въ наше время такого построенія научной системы морали на основаніи изученія

---

[1]) Ярошъ, назв. сочиненіе, 60 стр. и слѣд.

[2]) См. наши замѣчанія на книгу профессора Ярошa „Вопросы современной морали“ въ 10 № Юридической Библіографіи, издаваемой Демидовскимъ Юридическимъ Лицеемъ.

свойствъ и наклонностей, присущихъ человѣческой природѣ, и указаній исторіи.

IV.

Человѣкъ дѣйствуетъ всегда подъ вліяніемъ разнаго рода побужденій или мотивовъ, опредѣляющихъ характеръ и направленіе всей его дѣятельности. Этими мотивами являются: чувство удовольствія или неудовольствія, матеріальнаго и духовнаго, разумъ и совѣсть или чувство уваженія къ нравственному закону. Разсмотримъ значеніе каждаго рода этихъ мотивовъ человѣческой дѣятельности. Что касается прежде всего чувства удовольствія или неудовольствія, какъ побужденій къ дѣятельности, то подъ ними разумѣются, неподдающіяся описанію, непосредственныя ощущенія, сопровождающія нашу дѣятельность. Пріятное чувство удовольствія ощущается нами при достиженіи различныхъ жизненныхъ цѣлей, удовлетвореніи потребностей; непріятное же чувство неудовольствія получается нами при всякаго рода препятствіяхъ въ нашей дѣятельности. Многіе моралисты до Канта придавали исключительное значеніе чувству удовольствія, какъ мотиву человѣческаго поведенія. Кантъ первый возсталъ противъ этого воззрѣнія, возводящаго наслажденіе въ нравственный законъ (евдемонизма). Но въ новѣйшее время утилитаризмъ снова внесъ удовольствіе въ сферу морали и даже поставилъ его цѣлью нравственной дѣятельности человѣка. Однако, какъ Кантъ, такъ и утилитаристы далеки отъ истины. Кантъ правъ въ томъ от-

ношеніи, что удовольствіе, какъ субъективное, случайное чувство не можетъ сдѣлаться прочнымъ мотивомъ человѣческаго поведенія, но онъ не правъ, отвергая совершенно удовольствіе въ нравственной жизни, каждый актъ которой, какъ вообще и дѣятельность всякаго рода, сопровождается у человѣка чувствомъ удовольствія или неудовольствія. Но стремленіе къ удовольствію и избѣжаніе страданій не можетъ составлять единственной цѣли нашей нравственной дѣятельности, какъ утверждаютъ утилитаристы. Этотъ ихъ взглядъ—естественный выводъ изъ ихъ системы морали, въ которой эгоизмъ возведенъ въ основной принципъ человѣческаго поведенія. На практикѣ же такой образъ жизни ведетъ къ самымъ печальнымъ послѣдствіямъ. Изъ за возможности наслаждаться всевозможными благами, которыя современная культура даетъ въ такомъ изобиліи и разнообразіи, люди часто ставятъ единственной цѣлью своей дѣятельности—нажить богатство, наобходимое для того, чтобы наслаждаться. Но какъ жестоко ошибаются эти люди въ своихъ намѣреніяхъ и планахъ! Пока еще цѣль не достигнута, ихъ занимаетъ самый процессъ безпрерывной работы, борьба съ препятствіями всякаго рода. Но какъ скоро сдѣлаются доступными всевозможныя наслажденія, наступаетъ скорое пресыщеніе ими. Затѣмъ начинается скука, тоска; человѣкъ разочаровывается въ жизни и не знаетъ, какъ убить свободное отъ всякаго труда время. Ничто уже его не занимаетъ и ничему онъ не радуется въ жизни. И вотъ вамъ еще одна изъ многихъ причинъ, замѣченнаго нами, явленія,—широкой распространенности унынія и удручающей тоски у людей, пользующихся всѣми

благами міра. Обычной формою такого угнетеннаго состоянія духа является англійскій сплинъ, испытываемый наиболѣе энергичными и богатыми людьми въ европейскомъ обществѣ. Такіе люди, одержимые недугомъ сплина, обыкновенно или бросаются въ самыя отчаянныя, эксцентричныя предпріятія и опасности, или же заканчиваютъ преждевременно свою жизнь также какимъ-нибудь необыкновеннымъ способомъ. Такъ сама жизнь осуждаетъ и наказываетъ за излишнее и чрезмѣрное увлеченіе наслажденіями, когда они становятся у человѣка главною цѣлью всей его дѣятельности! Нормально и прочно лишь то удовольствіе, которое получается человѣкомъ въ результатѣ достиженія имъ своихъ нравственныхъ цѣлей. Въ этомъ случаѣ удовольствіе—естественный придатокъ къ дѣйствію человѣка, такъ сказать, природное вознагражденіе за осуществленіе имъ задачъ своей дѣятельности, одно изъ условій человѣческаго счастья [1]). Такъ чувствуетъ себя счастливымъ человѣкъ, задумавшій какое-либо хорошее дѣло и доведшій его до конца. Доволенъ бываетъ въ глубинѣ своей души и тотъ, кто подалъ изъ состраданія милостыню нищему, спасъ утопающаго и проч.

Въ этихъ случаяхъ не мысль о наслажденіи побуждаетъ человѣка совершить тотъ или другой поступокъ, а его совѣсть, чувство долга, уваженія къ нравственному закону, своимъ нравственнымъ идеаламъ, вырабатываемымъ

---

[1]) Фулье, ibidem, 29 стр.; ср. Кавелина: „Задачи этики“, 43—45 стр., Гюйо, назв. сочиненіе, 14 стр., В. Баранова: „Жизнь и счастье“. С.-Петербургъ. 1884. 20 стр. и слѣд. и др.

человѣческимъ разумомъ при помощи опыта, внѣшнихъ впечатлѣній. Одинъ разумъ безъ чувства долга не можетъ сдѣлаться мотивомъ нравственной дѣятельности человѣка. Недостаточно знать, что хорошо или дурно для того, чтобы поступать всегда нравственно. Если бы поведеніе человѣка опредѣлялось однимъ его разумомъ, тогда не встрѣчалось бы такихъ рѣзкихъ констрастовъ въ дѣйствительной жизни между умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ однихъ и тѣхъ же лицъ. Разумъ человѣка вовсе не заключаетъ въ себѣ, какъ думалъ Кантъ, нравственнаго закона, какъ готоваго правила, общихъ всѣмъ людямъ, ясно познаваемыхъ и опредѣленныхъ правилъ человѣческой дѣятельности. Разумъ человѣка помогаетъ ему только въ образованіи его нравственныхъ идеаловъ и превращаетъ, живущее въ человѣкѣ, нравственное чувство или совѣсть въ идею долга или обязанности осуществлять эти идеалы. Разумъ и совѣсть, такимъ образомъ, пополняютъ другъ друга: „безъ разума совѣсть была бы слѣпа и нелѣпа, безъ совѣсти разумъ являлся бы холоднымъ и слабымъ“ [1]). Но что же такое эта совѣсть, безъ которой немыслима наша нравственная дѣятельность? Совѣсть —непосредственное наше чувство, одобряющее наши дѣйствія въ однихъ случаяхъ и порицающее въ другихъ. Поэтому Кантъ представляетъ совѣсть въ видѣ строгаго судьи человѣческихъ дѣйствій [2]), между тѣмъ какъ Шопенгауэръ не признаетъ за нею такого рѣшительнаго значенія, ссылаясь на тотъ фактъ, что слабое дѣйствіе

---

[1]) Trendeenburg: „Naturrecht, 61 s.

[2]) Kant: „Methaphysische Anfangsgründe d. Tugendslehre“, 13 s.

въ людяхъ совѣсти давно уже подмѣчено религіей, которая и замѣняетъ ее своими предписаніями [1]). На самомъ дѣлѣ оба эти философы правы, такъ какъ они берутъ совѣсть въ различные моменты ея дѣйствія на человѣка. Шопенгауэръ беретъ совѣсть въ то время, когда человѣкъ рѣшается на тотъ или другой поступокъ подъ вліяніемъ какого-либо аффекта или страсти, которые заглушаетъ совѣсть въ человѣкѣ. Кантъ же разсматриваетъ дѣйствія совѣсти послѣ совершенія поступка, когда изъ сознанія человѣка исчезли побужденія, заставляющія совѣсть молчать, и человѣкомъ овладѣваетъ раскаяніе въ совершенномъ поступкѣ, его начинаютъ мучить угрызенія совѣсти [2]). Этимъ различнымъ дѣйствіемъ совѣсти объясняется, всѣмъ извѣстный, фактъ, что люди рѣшаются на страшныя преступленія подъ вліяніемъ чувства мести, гнѣва или какихъ-либо другихъ аффектовъ, послѣ же совершенія преступленія не находятъ себѣ мѣста отъ угрызеній совѣсти и часто сами выдаютъ себя суду. Но голосъ совѣсти говоритъ въ насъ не только въ такихъ необыкновенныхъ случаяхъ, но также и всегда, когда мы сознаемъ, что поступили дурно, не такъ, какъ должно бы намъ поступить.

Такимъ образомъ, совѣсть даетъ намъ себя знать, какъ чувство обязанности дѣйствовать всегда такъ, какъ должно. Эта идея быть — должнаго въ нашемъ поведеніи составляетъ характерную черту совѣсти и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отличаетъ нравственную дѣятельность человѣка отъ всѣхъ другихъ ея ви-

---

[1]) Schopengauer: „Die beide Grundproblemme d. Ethik“, 170—171 s.
[2]) Frauenstadt: „Das sittliche Leben“, 100—102 s.

довъ. Но въ чемъ же заключается основаніе идеи долга, гдѣ искать источника нашей обязанности поступать всегда согласно съ голосомъ совѣсти? Этотъ вопросъ былъ разрѣшенъ въ одной своей части тѣмъ же Кантомъ, который доказалъ, что въ душѣ человѣка всегда живетъ это повелительное чувство обязанности нравственнаго закона (категорическій императивъ), предъ которымъ должны склоняться всѣ другіе мотивы нашего поведенія [1]). Нравственное чувство, по Канту, присуще человѣческой личности независимо отъ ступени соціальнаго развитія и содержанія нравственныхъ идеаловъ. И на самомъ дѣлѣ наблюденія надъ жизнью разныхъ народовъ доказываютъ справедливость этого взгляда Канта. Чувство или идея долга вліяетъ не только на поведеніе цивилизованныхъ людей, но даже и дикарей, у которыхъ существуетъ цѣлый кодексъ, обязательныхъ для всѣхъ, правилъ взаимныхъ сношеній. Еще болѣе такихъ обязательныхъ правилъ встрѣчается на высшихъ ступеняхъ соціальной жизни, гдѣ чувство обязанности поступать извѣстнымъ образомъ увеличивается по мѣрѣ того, какъ развивается уваженіе къ человѣческой личности и усложняются общественныя отношенія. Но, кромѣ того, уваженіе къ нравственному закону сохраняется въ теченіе всей исторіи общества, благодаря несомнѣнному вліянію на сознаніе человѣка различныхъ нравственныхъ авторитетовъ, отъ которыхъ исходятъ нравственныя предписанія. Важнѣйшіе изъ этихъ нравственныхъ авторитетовъ: Богъ, народъ и государство. Представленіе объ

---

[1]) Ланге, назв. сочиненіе, 11 стр. и сл.

этихъ авторитетахъ, какъ источникахъ морали, появляется вмѣстѣ съ возникновеніемъ общественной жизни и продолжаетъ жить въ людяхъ, не ослабѣвая, а увеличиваясь, и во всѣ послѣдующія эпохи исторіи общества. Поэтому-то не можетъ быть принята мысль Спенсера, что чувство долга имѣетъ переходный характеръ и будетъ уменьшаться вмѣстѣ съ возрастаніемъ нравственности [1]). Сознаніе обязательности выполненія предписаній того или другаго нравственнаго авторитета можетъ увеличиваться или уменьшаться у отдѣльныхъ лицъ, но въ самомъ обществѣ это сознаніе не исчезнетъ никогда. Въ уваженіи къ нравственнымъ авторитетамъ лежитъ причина того, что чувство обязанности теряетъ свой субъективный характеръ и становится объективнымъ, имѣющимъ свое основаніе въ идеѣ Бога, народа и государства [2]). Однако, человѣкъ долженъ поступать по предписаніямъ авторитетовъ не изъ страха, разсчета или удовольствія; всякое дѣйствіе человѣка съ такимъ характеромъ уже не имѣетъ нравственнаго характера. Человѣкъ повинуется предписаніямъ нравственныхъ авторитетовъ, побуждаемый не представленіемъ объ ихъ несоразмѣрномъ могуществѣ, а единственно изъ чувства уваженія къ нравственному авторитету и его предписаніямъ, какъ высшему образу поведенія въ его глазахъ, высшему идеалу его жизни. Это чувство уваженія, которое мы питаемъ къ

---

[1]) Спенсеръ: „Данныя науки о нравственности“, 159 с.

[2]) См. у Kirchmann'a: „Grundbegriffe des Rechts und d. Moral“. Berlin. 1873. 52 s. и сл.; ср. Карасевича: „Право, мораль и государство по ученію І. Ф. Гербарта“, 247 с. и сл.

нравственнымъ авторитетамъ, переносится обыкновенно на ихъ предписанія, самый нравственный законъ, которому мы повинуемся, независимо отъ представленій о томъ или другомъ нравственномъ авторитетѣ [1]). Что человѣкъ дѣйствуетъ въ нравственной жизни по предписаніямъ различныхъ нравственныхъ авторитетовъ, которые санкціонируютъ обязательный образъ его поведенія, это доказывается всей исторіей человѣчества. Изъ всѣхъ нравственныхъ авторитетовъ Божественный авторитетъ во всѣ времена и у всѣхъ народовъ былъ источникомъ нравственныхъ понятій, выражавшихся въ извѣстныхъ моральныхъ началахъ, какъ обязательныхъ правилахъ жизни. Авторитетъ народа проявляется въ нравахъ, обычаяхъ, обычномъ правѣ и общественномъ мнѣніи, которое даетъ себя знать во всѣ эпохи исторіи, а также и въ наше время и зависитъ въ своемъ вліяніи на поведеніе человѣка отъ различныхъ условій общественной жизни (напр., отъ національности общества, политическаго его устройства и проч.) [2]). Наконецъ, нравственный авторитетъ государства выражается въ законѣ, —нравственныхъ нормахъ, которыя получаютъ въ глазахъ общества обязательное значеніе даже и помимо принужденія, которое можетъ употребить государство для ихъ осуществленія [3]).

---

[1]) Kirchmann, ibidem, 55—56 s.

[2]) Holzendorf: „Wesen and Werth p. öffentlichen Meinung“. München. 1879. 13—35 s.

[3]) См. у Вундта (2 и 3-я главы 1-й т.) о значеніи религіознаго, народнаго и политическаго авторитета въ образованіи морали; ср. назв. сочиненія Кирхмана и Карасевича, которые принимаютъ еще и семейный авторитетъ, но онъ, однако, заключается уже въ народномъ.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что чувство долга, обязанности выполнять извѣстныя нравственныя правила въ жизни вытекаетъ изъ благоговѣнія, чувства уваженія къ нравственному закону, которое живетъ всегда въ нашей душѣ. Повелительный характеръ этого закона побуждаетъ человѣка къ тому, чтобы онъ стремился къ его осуществленію. Поэтому наша совѣсть отмѣчаетъ всякое уклоненіе и противорѣчіе нравственному закону, нравственнымъ идеаламъ. Предписанія морали дѣлаются побудительными причинами извѣстнаго, опредѣленнаго образа дѣйствій человѣка, заставляютъ его дѣйствовать въ извѣстномъ направленіи и вступаютъ въ сознаніи человѣка въ борьбу съ мотивами, противоположными содержанію этихъ нравственныхъ правилъ. Результатомъ этой борьбы и является то или другое рѣшеніе человѣка поступить въ данномъ случаѣ такъ или иначе. Но это вліяніе нравственныхъ правилъ на человѣческое поведеніе не лишаетъ его свободы, не подавляетъ въ немъ волю, а, напротивъ, служитъ важнѣйшимъ условіемъ всей свободы человѣка. Изъ трехъ основныхъ взглядовъ на свободу воли, необходимую для нравственной дѣятельности человѣка: фатализма, индетерменизма и детерменизма послѣдній имѣетъ за себя наиболѣе основаній. Фатализмъ, т. е., ученіе о томъ, что нами руководитъ какая-то высшая, таинственная и невѣдомая сила, судьба, рокъ, и что поэтому мы должны отказаться отъ всякаго рода самостоятельной дѣятельности, опровергается всей исторіей человѣчества, въ которой такъ много сдѣлано людьми для своего блага. Человѣкъ не можетъ признать себя рабомъ этого непостижимаго рока при видѣ безчислен-

ныхъ доказательствъ всей плодотворности своихъ работъ, разсыпанныхъ во внѣшнемъ мірѣ, во всей жизни современнаго европейскаго общества. Но и индетерминизмъ, т. е., убѣжденіе, что мы можемъ дѣйствовать внѣ всякихъ побужденій также принадлежитъ къ числу воззрѣній, неоправдываемыхъ жизнью. Человѣкъ не можетъ дѣйствовать внѣ зависимости отъ физическихъ законовъ, а также закона причинности, проявляющагося въ жизни въ томъ, что всѣ дѣйствія человѣка опредѣляются извѣстными мотивами. Человѣкъ даже и не былъ бы въ сущности свободнымъ существомъ, если бы ничто не опредѣляло его волю, кромѣ ея самой. „Если бы наша воля не опредѣлялась нашимъ характеромъ и различными мотивами, которыми направляется наша дѣятельность, тогда мы не могли бы надѣяться на силу своего характера и твердость своихъ правилъ, а каждый изъ насъ долженъ былъ бы трепетать предъ мыслью о своихъ поступкахъ въ ближайшій же мигъ“ [1]). Индетерменизмъ отрицаетъ нравственность въ самомъ ея корнѣ, отдавая ее на жертву совершеннаго произвола и всякой случайности. При индетерминизмѣ невозможна также и отвѣтственность человѣка за свои дѣйствія, нравственная и юридическая, такъ какъ нельзя отвѣчать за проступки, вполнѣ случайные и ничѣмъ неопредѣляющіеся [2]). Напротивъ, ученіе о детерминизмѣ,—о зависимости человѣческихъ дѣй-

---

[1])—[2]) А. Риль: „Теорія науки и метафизики съ точки зрѣнія философскаго критицизма“. Москва. 1888. 296—300 стр.; см. также Fouillée: „La liberte et determenisme“. Paris. 1884; здѣсь авторъ, также детерменистъ, доказываетъ мысль, что самая идея свободы, сознаніе себя свободнымъ служитъ основаніемъ свободной въ насъ воли.

ствій отъ извѣстныхъ побужденій дѣятеля разрѣшаетъ эту проблемму и дѣлаетъ возможною вообще нравственную жизнь человѣка. Необходимое вліяніе мотивовъ на его дѣятельность не отнимаетъ у нея свободный характеръ и не подчиняетъ человѣка всецѣло закону причинности. Дѣйствіе этого закона въ жизни человѣка существенно разнится отъ того, какъ онъ проявляется въ физической природѣ. Здѣсь всѣ явленія такъ неразрывно связаны другъ съ другомъ, что одни изъ нихъ, какъ причины, вызываютъ непзбѣжно и другія, какъ ихъ необходимыя послѣдствія (напр., движеніе производитъ свѣтъ и теплоту, электричество—громъ и молнію и пр.). Между тѣмъ, въ человѣческой дѣятельности различные мотивы не вліяютъ на человѣка такъ безусловно и непреодолимо, и человѣкъ можетъ сдѣлать выборъ между ними, слѣдовать побужденію, которое ближе ведетъ его къ своей цѣли. Поэтому необходимость получаетъ въ человѣческой дѣятельности условный характеръ. „Человѣкъ всегда можетъ измѣнить свой характеръ, который образуется, отчасти, и имъ самимъ“ [1]).

Такъ, мы видимъ, детерминизмъ является настоящей основой нравственной дѣятельности человѣка, нравственной его свободы, которая состоитъ въ согласіи дѣятельности человѣка съ извѣстными, нравственными его принципами или идеалами. Идеалы человѣка—это общіе и основные принципы человѣческой дѣятельности, обнимающіе

---

[1]) Д. С. Милль: „Логика“, 2 т., 388—389 стр.; ср. Льюиса: „Изученіе психологіи“, 103—5, Вундта: „Основанія физіологической психологіи“, 947—50 с., Фулье, назв. сочиненіе, 23 стр.

всѣ ея стороны и опредѣляющіе ея направленіе, регуляторы, „камертоны человѣческой дѣятельности, общія понятія, связывающія всѣ разрозненные ея мотивы въ одно цѣлое“ [1]). Вообще въ идеалахъ выражаются представленія человѣка о различныхъ цѣляхъ или задачахъ его дѣятельности; въ нравственныхъ же идеалахъ человѣка—его понятія о хорошемъ и дурномъ, справедливомъ и несправедливомъ, полезномъ или вредномъ отдѣльному лицу и всему обществу. Нравственные идеалы человѣка и составляютъ содержаніе нравственнаго закона, всякое приближеніе къ которому, жизнь подъ его руководствомъ одобряется нашею совѣстью. Она же порицаетъ и всякое отклоненіе отъ нашихъ идеаловъ, которое вноситъ разладъ въ нашу нравственную жизнь. Какъ нравственные, такъ и всѣ остальные идеалы человѣка вырабатываются имъ самимъ при содѣйствіи окружающей среды, въ которой онъ родится и живетъ. Они не даются ему извнѣ готовыми, исключающими всякую мысль о самостоятельномъ ихъ образованіи и осуществленіи ихъ человѣкомъ въ своей жизни. Нравственные, какъ и всѣ другіе, идеалы, отличаются большимъ разнообразіемъ своего содержанія, которое объясняется именно тѣмъ, что въ ихъ образованіи участвуетъ человѣческая личность. Образованіе идеаловъ человѣка обусловливается, главнымъ образомъ, человѣческими потребностями, матеріальными и духовными, и ихъ взаимодѣйствіемъ съ, окружающей человѣка, средой. Потребности его природы признаются и удовлетворяются извѣстнымъ образомъ и въ предписані-

---

[1]) Кавелинъ: „Задачи этики“, 50—51 стр.

ях̀ различныхъ нравственныхъ авторитетовъ, что также только еще болѣе усиливаетъ обязательность для каждаго ихъ предписаній. Вліяніе содержанія и характера идеаловъ вообще на всю человѣческую жизнь зависитъ также и отъ различнаго отношенія между нравственными авторитетами въ жизни общества, объясняющагося историческими ея условіями. Каждая эпоха исторіи имѣетъ и свои особые нравственные идеалы. Въ этомъ отношеніи особенно интересно сравнить первобытное и древнее общество съ современнымъ.

Въ примитивномъ обществѣ считались хорошими и достойными похвалы такія дѣйствія, на которыя современное смотритъ съ явнымъ неодобреніемъ и клеймитъ ихъ названіемъ пороковъ и преступленій. Такъ, напр., вражда, убійство, месть, воровство, развратъ были въ глазахъ примитивнаго человѣка добродѣтелями, одобрялись его совѣстью, между тѣмъ какъ мы смотримъ съ негодованіемъ на подобнаго рода дѣйствія и призываемъ къ себѣ на помощь государство для ихъ искорененія или, по крайней мѣрѣ, уменьшенія ихъ въ обществѣ. Такое разнообразіе взглядовъ примитивнаго и современнаго общества на одни и тѣже дѣйствія можетъ быть объяснено только изъ условій ихъ жизни. Первобытныя общества сильно нуждаются въ сохраненіи общественнаго быта, который только что начинаетъ складываться. Поэтому примитивныя общества постоянно сталкиваются и борятся между собою, такъ что здѣсь вражда и убійство врага —обыкновенныя и нормальныя явленія. Но таже борьба происходитъ и внутри общества, благодаря чрезмѣрно развитому эгоизму отдѣльныхъ лицъ и слабости государ-

ственной власти въ примитивномъ обществѣ. Отсюда же понятно, почему месть была здѣсь обычнымъ явленіемъ. Развратъ освящался примитивной религіей физической природы, т. е., обоготвореніемъ ея силъ и общинно-родовымъ бытомъ первобытнаго общества. Наконецъ, отсутствіе въ немъ института частной собственности исключало понятіе о воровствѣ [1]). Такъ въ примитивномъ обществѣ сказывается преобладаніе соціальнаго и религіознаго нравственнаго авторитета надъ политическимъ. Въ восточныхъ государствахъ мораль опредѣляется одной религіей, подъ исключительнымъ вліяніемъ которой сложился здѣсь весь общественной строй. Предъ авторитетомъ религіи склонялось на Востокѣ все общество и государство, которое имѣло значеніе здѣсь на столько, на сколько его устройство и дѣятельность освящались религіей. Въ античномъ мірѣ, напротивъ, авторитетъ государства выступаетъ на первый планъ и, въ свою очередь, опредѣляетъ почти все направленіе общественной жизни. Наконецъ, въ новѣйшемъ, европейскомъ обществѣ замѣчается стремленіе къ увеличенію нравственнаго авторитета народа [2]) на счетъ вліянія другихъ нравственныхъ авторитетовъ — религіи и государства, хотя эти послѣдніе нравственные авторитеты занимаютъ въ жизни общества также видное мѣсто. Но между всѣмъ древнимъ и новымъ европейскимъ об-

---

[1]) Многочисленныя данныя о примитивной морали см. въ сочиненіяхъ Поста, Вайца, Летурно (назв. сочиненіе), Кулишера: „Очерки сравнительной этнографіи и культуры“. С.-Петербургъ. 1887 г. и др.

[2]) См. Д. С. Милля: „О свободѣ“.

ществомъ есть еще одна общая, коренная черта различія, которое сводится къ преобладанію во всей древности интересовъ общества надъ интересами отдѣльной личности, обязанной служить ему до полнаго забвенія обо всѣхъ своихъ личныхъ интересахъ. Наоборотъ, новое и, въ особенности, новѣйшее европейское общество признаетъ человѣческую личность центромъ и цѣлью всей общественной жизни. Однако, это индивидуалистическое направленіе жизни новѣйшаго общества, возведенное разными моральными системами въ общій ея принципъ, хотя и отозвалось благотворно на всей европейской цивилизаціи, но въ тоже время породило въ ней немало и печальныхъ явленій въ разныхъ сферахъ соціальной жизни, въ особенности же экономической. Господство индивидуалистическаго воззрѣнія въ жизни ведетъ къ перевѣсу стремленій, интересовъ отдѣльнаго лица надъ требованіями, интересами всего общества, освящаетъ эгоизмъ отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ общественныхъ классовъ въ явный ущербъ интересамъ остальной части общества. Отъ того-то на Западѣ Европы и поднялся недавно сильный протестъ противъ исключительно индивидуалистическаго направленія въ жизни, принесшаго въ ней такіе горькіе плоды. Въ долгомъ преобладаніи индивидуализма въ жизни западно-европейскаго общества нужно искать также одну изъ причинъ недовольства соціальными порядками со стороны значительной его части. На самомъ дѣлѣ вопросъ объ отношеніи между интересами отдѣльной личности и всего общества, выростающими на почвѣ эгоистическихъ и альтруистическихъ наклонностей человѣка — коренной вопросъ этики, отъ разрѣшенія котораго зави-

ситъ все содержаніе и направленіе европейской общественной жизни и весь дальнѣйшій ходъ современной цивилизаціи.

Всегда и вездѣ отдѣльная личность стремилась преслѣдовать лишь свои интересы, хотя бы отъ этого и страдали интересы другихъ лицъ, всего общества. Къ такому образу дѣйствій побуждаетъ человѣка эгоизмъ (отъ ego я), — наклонность человѣческой природы считать себя центромъ всего міра и свои интересы единственно заслуживающими вниманія и уваженія. Въ силу эгоизма человѣкъ „безусловно хочетъ сохранить свое существованіе, желаетъ безусловной свободы отъ страданій и возможно большей суммы наслажденій. Его девизъ: „все для меня и ничего для другихъ". Эгоизмъ колоссаленъ. Онъ превышаетъ міръ. Смерть въ глазахъ эгоистическаго человѣка равнозначуща съ гибелью всего міра" [1]). Совершенную противоположность эгоизму представляетъ собой альтруизмъ, подъ понятіе котораго подходитъ дѣятельность человѣка на пользу и благо другихъ. Личные интересы, какъ бы они ни были важны, отодвигаются при альтруистическомъ образѣ жизни на задній планъ. Альтруизмъ (отъ alter — другой) — наклонность ставить интересы и счастіе другихъ единственною цѣлью своей жизни, жертвовать имъ всѣмъ, что есть дорогаго въ личной жизни каждаго. Высшая степень альтруизма-любовь ко всѣмъ людямъ, къ ближнему — высшій христіанскій и обще-европейскій идеалъ нравственнаго совершенства. Новѣйшая этика признаетъ важное значеніе въ общественной жизни обѣихъ наклонностей, —

---

[1]) Шопенгауэръ: „Двѣ основныя проблеммы этики", 202—204 стр.

эгоизма и альтруизма, но отношеніе между ними представляется въ ней или совершенно невыясненнымъ или же понятымъ слишкомъ односторонне и неправильно. Такъ мы знаемъ, что эволюціонный утилитаризмъ провозгласилъ, въ лицѣ Спенсера, эгоизмъ основнымъ базисомъ всей нравственной жизни человѣка, такъ что самый альтруизмъ въ его глазахъ есть не болѣе, какъ дальнѣйшее развитіе того же эгоизма. Но такой взглядъ освящаетъ господство эгоизма въ жизни, отъ котораго общество всегда страдало въ теченіе всей своей исторіи и страдаетъ много и теперь. Что бы ни говорилъ Спенсеръ объ альтруизмѣ, какъ высшемъ идеалѣ нравственной жизни человѣчества, какими бы яркими красками ни рисовалъ онъ счастье его при этомъ отдаленномъ и исключительномъ развитіи альтруизма, этотъ послѣдній всегда будетъ тѣмъ же эгоизмомъ, только подъ другой лицемѣрной личиной. Никакой компромиссъ между эгоизмомъ и альтруизмомъ, о которомъ такъ много заботится Спенсеръ, не въ состояніи уничтожить такого эгоистическаго характера альтруизма у утилитаристовъ. Справедливо замѣчаетъ Гротъ, что „доктрина компромисса между эгоизмомъ и альтруизмомъ весьма удобна для всѣхъ эгоистовъ, ибо, выводя альтруизмъ изъ того же эгоизма, изъ унаслѣдованныхъ опытовъ полезности, она, все-таки, провозглашаетъ полезность и личную выгоду послѣднимъ критеріемъ поведенія“[1]).

Вообще нѣкоторое подобіе компромисса между эгоизмомъ и альтруизмомъ мыслимо еще въ сферѣ юридической

---

[1]) Гротъ, назв. статья, 425 стр.

жизни общества, гдѣ это примиреніе ихъ является, какъ необходимая уступка суровымъ требованіямъ дѣйствительности, далекой отъ нравственнаго идеала. Но и здѣсь этотъ компромиссъ имѣетъ видъ собственно признанія со стороны государства за отдѣльными лицами права на удовлетвореніе своихъ потребностей, безъ котораго нельзя себѣ представить развитія альтруизма въ обществѣ. Само же государство дѣйствуетъ во имя альтруистической идеи общаго блага, ради осуществленія которой ему приходится ограничивать и эгоистическія наклонности отдѣльныхъ членовъ общества [1]). Что же касается области нравственной жизни, гдѣ представляются „условія наиболѣе совершенной человѣческой жизни, индивидуальной и общественной“ [2]), то здѣсь издавна признавалась религіей, философіей и народнымъ сознаніемъ полная противоположность и несводимость другъ къ другу любви къ ближнему или альтруизма къ любви къ себѣ или эгоизму. Поэтому позитивизмъ правъ, когда онъ указываетъ на самостоятельность эгоистическихъ и альтруистическихъ наклонностей, изъ которыхъ вытекаетъ вся мораль [3]). Но онъ не правъ въ томъ отношеніи, что сводитъ эгоизмъ исключительно къ инстинкту самосохраненія, а альтруизмъ къ инстикту размноженія. Нельзя, конечно, отвергать, что оба эти инстинкта всегда играютъ большую роль въ лич-

---

[1]) См. ниже, въ 5-й главѣ.

[2]) Фулье, ibidem, 21 стр.

[3]) Самостоятельность эгоизма и альтруизма признаетъ и Вундтъ („Этика“, 1 ч., 212—213 с.), Гротъ (назв. статья, 423 стр. и сл.), Гольцевъ: „Задача и метода современной этики“, Русская Мысль, 1887, 8, 141 стр.

ной и общественной жизни, въ особенности же на первыхъ ея порахъ. И та, и другая возникаютъ и развиваются также подъ вліяніемъ и духовныхъ элементовъ (религіознаго, нравственнаго, экономическаго, научнаго и др.). Общество образуется для удовлетворенія всѣхъ потребностей, а не одной только половой. Инстинктъ размноженія служитъ въ примитивномъ быту часто даже поводомъ къ разъединенію людей, а не къ ихъ соединенію. Дикарямъ, по словамъ Дарвина, подтверждаемымъ Мэномъ, Фулье [1]) и другими учеными, ревность свойственна въ такой же степени, какъ и всѣмъ животнымъ. А страсть этого рода сильно вредитъ развитію общественной жизни даже на болѣе высшихъ ея ступеняхъ. Но если инстинктъ размноженія въ примитивной жизни общества не всегда прямо ведетъ къ общественной жизни и развитію въ ней альтруизма, то въ обществахъ съ болѣе высокой культурой его значеніе въ этомъ отношеніи уменьшается еще болѣе, такъ какъ здѣсь отношенія между людьми складываются подъ вліяніемъ самыхъ разнообразныхъ культурныхъ элементовъ, исключающихъ всякій намекъ на инстинктъ размноженія. Какая, напр., можетъ быть связь между интересами науки, искусства или благотворительности, соединяющихъ людей разнаго пола безъ всякой предвзятой мысли о различіи половъ? Даже при заключеніи браковъ въ обществахъ съ сравнительно высшимъ культурнымъ развитіемъ половой инстинктъ не играетъ роли главной и единственной причины, какъ бы слѣдовало ожидать. Браки здѣсь заключаются

---

[1]) Фулье, назв. соч., 47 стр.

по самымъ разнообразнымъ мотивамъ, и тѣ изъ нихъ, которые возникаютъ и держатся только силою половаго влеченія супруговъ, рѣдко бываютъ счастливыми. Вообще все развитіе общества не можетъ быть объяснено изъ первоначальнаго половаго различія: соціальный бытъ со всѣми его особенностями возникаетъ вслѣдствіе вліянія на людей еще религіозныхъ идей, совмѣстной ихъ жизни и труда и разнообразныхъ общественныхъ интересовъ [1]). Также и эгоизмъ коренится не въ одномъ инстинктѣ самосохраненія, а и въ сознательномъ стремленіи человѣка сохранить и развить свои силы, нужныя ему не для того только, чтобы доставить себѣ личное счастье, но также и для блага и счастья другихъ.

Но если инстинктъ самосохраненія и сохраненія вида не имѣютъ такого преобладающаго и исключительнаго значенія въ общественной жизни, то какую же роль они играютъ въ нравственной дѣятельности человѣка? Оба эти инстинкта живутъ въ людяхъ всегда и при своемъ удовлетвореніи вызываютъ въ нихъ особаго рода пріятное чувство. Всякія же препятствія къ этому удовлетворенію возбуждаютъ въ человѣкѣ чувство неудовольствія. Въ этой формѣ безсознательнаго влеченія нашего организма къ сохраненію вида и рода они являются необходимыми для его жизни, составляютъ, какъ выражается Гротъ, „законъ нашей природы“, въ которой заложено стремленіе слѣдовать нашимъ чувствамъ, предпочитать пріятныя изъ нихъ непріятнымъ (сензитизмъ) [2]).

---

[1]) Вундтъ: „Этика“, 1-я ч., 197 стр. и слѣд.

[2]) Гротъ, назв. статья, 432 стр. Проф. Гротъ здѣсь прекрасно выяс-

Но такія проявленія въ жизни человѣка инстинктовъ самосохраненія и размноженія не могутъ сдѣлаться мотивами его нравственнаго поведенія. Оба эти инстинкта свойственны и животнымъ, которыя не имѣютъ нравственности. Дѣйствія людей, совершаемыя подъ непреодолимымъ вліяніемъ этихъ непосредственныхъ влеченій, необходимы, неизбѣжны и безсознательны. Инстинкты самосохраненія и сохраненія рода только тогда получаютъ нравственный характеръ, превращаются въ эгоизмъ и альтруизмъ, когда они сталкиваются между собою въ сознательной дѣятельности человѣка. Для того, чтобы они сдѣлались мотивами въ нравственной жизни человѣка, нужно, чтобы онъ отдавалъ себѣ отчетъ въ содержаніи и направленіи своей дѣятельности, ясно понималъ, къ чему поведетъ предпочтеніе имъ того или другаго изъ этихъ инстинктовъ, нужно, однимъ словомъ, чтобы они изъ темныхъ и невольныхъ влеченій нашей физической природы превратились въ ясно сознаваемые умомъ человѣка, опредѣленные принципы его поведенія. Въ борьбѣ мотивовъ, представленій о жизненныхъ цѣляхъ или задачахъ, вытекающихъ изъ личныхъ идеаловъ человѣка, въ выборѣ между мотивами тѣхъ изъ нихъ, которые въ глазахъ человѣка ведутъ лучше къ поставленной имъ себѣ цѣли, непреклонномъ рѣшеніи поступать по выбранному мотиву въ своей дѣятельности и заключается внутренняя, субъективная сторона нравственной жизни человѣка. Только въ такого рода

няетъ отношеніе инстинктовъ самосохраненія и сохраненія рода къ нравственной жизни человѣка, также какъ и сущность морали вообще.

„Борьбахъ и видѣнъ человѣкъ".
(„Фаустъ").

Осуществленіе жизненныхъ задачъ, извѣстныхъ нравственныхъ идеаловъ человѣка относится къ внѣшней, объективной сторонѣ нравственной его жизни. Но въ той и другой части своей нравственной дѣятельности человѣкъ долженъ проникаться одною мыслью, что истинно нравственное поведеніе только то, въ которомъ не заключается никакихъ сдѣлокъ между эгоизмомъ и альтруизмомъ, истинно нравственная жизнь та, въ которой человѣкъ отдаетъ при столкновеніяхъ въ его сознаніи эгоистическихъ и альтруистическихъ стремленій явное и безповоротное предпочтеніе послѣднихъ предъ первыми. Всякія сдѣлки между ними извращаютъ нравственную жизнь и чрезмѣрно отдаляютъ человѣка отъ идеала нравственнаго его развитія. Съ точки зрѣнія этого идеала оказываются излишними всѣ разсужденія Спенсера о вредѣ предпочтенія альтруизма предъ эгоизмомъ [1]), который не нуждается въ какомъ—либо искусственномъ подкрѣпленіи и поддержаніи. Эгоизмъ и безъ того достаточно силенъ въ людяхъ, какъ это доказываетъ вся исторія человѣчества. Не много нужно знать изъ нея, чтобы убѣдиться въ томъ.

„Что человѣкъ всегда и плакалъ, и страдалъ".
(„Фаустъ").

И эти слезы и страданія были и остаются слѣдствіемъ сильнаго развитія эгоизма во всѣ эпохи соціальной жизни. Между тѣмъ какъ альтруизмъ всегда былъ слабо развитъ въ обществѣ и даже современному европейскому

---

[1]) Спенсеръ: „Данныя науки о нравственности", XI—XIII главы.

обществу много придется пережить всякихъ невзгодъ и страданій прежде, чѣмъ альтруизмъ проникнетъ общественныя отношенія хотя на столько, чтобы всѣ и каждый были гарантированы въ нихъ отъ грубыхъ и жестокихъ проявленій эгоизма. Послѣдній, впрочемъ, всегда можетъ быть покоенъ за себя: при самомъ крайнемъ развитіи въ обществѣ альтруизма интересы всѣхъ будутъ обезпечены и даже много лучше, чѣмъ это могъ бы сдѣлать самъ человѣкъ. Если всѣ люди будутъ ставить главнѣйшею задачею своей жизни заботу о другихъ, то всѣ эти „другіе“ получатъ все, что нужно для ихъ счастья, то есть, тогда интересы всѣхъ будутъ достигнуты безъ особенныхъ заботъ ихъ о себѣ. Напрасно Спенсеръ опасается, что при необычайномъ развитіи альтруизма нечего будетъ дѣлать для другихъ [1]). Въ мірѣ слишкомъ много несчастій, бѣдствій, горя и слезъ, осушить которыя едва ли будутъ въ состояніи цѣлые ряды поколеній, альтруистично настроенныхъ. Но если бы когда и настала въ жизни человѣчества такая свѣтлая пора, то чего бы осталось желать человѣку, если бы въ его жизни не было всего того, что составляетъ въ ней зло, если бы не стало среди людей злобы, вражды, гордости, тщеславія, зависти, скупости, жестокости, несправедливости и другихъ пороковъ, вытекающихъ изъ эгоизма человѣка! Какъ счастливъ былъ бы человѣкъ, если бы на землѣ царствовали вездѣ миръ и любовь, если бы всѣ люди признавали другъ въ другѣ братьевъ, готовы были бы служить другъ другу всѣми своими силами и если бы у каждаго

---

[1]) Спенсеръ: „Данныя науки о нравственности“, XI—XIII главы.

„Въ груди заснула страсть земная
И къ Божеству любовь святая
Съ любовью къ ближнему зажглась".
(„Фаустъ").

Любовь къ Богу и ближнему—высшій нравственный идеалъ христіанства есть и высшій идеалъ истинной морали, на которомъ должно основываться все человѣческое поведеніе. Христіанскій идеалъ нравственности—альтруизмъ высшаго рода потому, что онъ не ограничиваетъ дѣйствіе любви семьей, племенемъ, извѣстнымъ народомъ или государствомъ, а простирается на всѣхъ людей въ мірѣ. Поэтому каждый изъ насъ долженъ ставить эту любовь ко всѣмъ высшею цѣлью своей жизни, если только онъ хочетъ достигнуть и возможнаго счастья на землѣ. И сознаніе необходимости жить по этому правилу чисто альтруистической морали начинаетъ все болѣе и болѣе проникать въ умы современниковъ и самую жизнь. Давно ли, напр., индивидуалистическая этика [1]) выдавала эгоизмъ за единственно вѣрный и надежный двигатель всей нравственной жизни! Теперь, наоборотъ, многіе изъ современныхъ моралистовъ доказываютъ уже необходимость и важность внесенія въ этику исключительно альтруистическаго элемента. Такъ Вундтъ считаетъ безкорыстный образъ дѣйствій человѣка мѣркой нравственнаго значенія личности, все совершенствованіе силъ которой имѣетъ нравственное значеніе лишь тогда, когда эти силы отдаются на служеніе общественнымъ цѣлямъ. Такъ, со-

---

[1]) Ее представляютъ: позитивная школа морали, эволюціонный утилитаризмъ, независимая и спиритуалистическая школа морали, Кавелинъ Толстой, Ярошъ, и многіе другіе изъ современныхъ моралистовъ.

вершенствуя науку, искусство и учрежденія, человѣкъ дѣйствуетъ нравственно именно потому, что ближайшую, личную цѣль ставитъ средствомъ для достиженія отдаленной, общей цѣли [1]). „Современная этика, замѣчаетъ Гольцевъ, подымается выше личности и данныхъ формъ общежитія, требуя отъ человѣка непрерывнаго самосовершенствованія его способности и неустаннаго труда на пользу общую, а отъ общественныхъ формъ осуществленія равномѣрныхъ и благопріятныхъ условій для личнаго развитія отдѣльныхъ гражданъ“ [2]). По словамъ Риля „человѣкъ живетъ двойной жизнью: индивидуальной и общественнной, и личная его жизнь изначала подчинена общественной“ [3]). Тѣже самые взгляды въ сущности мы встрѣчаемъ у Штейнталя и Зоммера. Даже сами индивидуалисты ставятъ альтруизмъ высшею цѣлью нравственной жизни человѣка. Всѣ усилія утилитаристовъ, позитивистовъ и многихъ сторонниковъ независимой морали (напр., Гюйо) направлены на то, чтобы доказать необходимость альтруизма, какъ высшаго нравственнаго идеала въ жизни Кавелинъ видитъ исцѣленіе современнаго общества отъ тоски, унынія и разочарованности въ жизни въ преслѣдованіи только общихъ идеаловъ, въ которыхъ „единичное, индивидуальное отходитъ на второй планъ и стушевывается“ [4]). Графъ Толстой находитъ, что

---

[1]) Вундтъ, назв. сочиненіе, 2-я часть. Мы не имѣли подъ руками при работѣ оригинала этой части „Этики“ Вундта и потому цитируемъ приблизительно.

[2]) Гольцевъ, назв. статья, 141—142 и Его же: „Нравственность и право“, Русская Мысль. 1887, 4 кн., 35—6 стр.

[3]) Риль, назв. сочиненіе, 313 стр.

[4]) Кавелинъ: „Задачи этики“, 101 стр.

люди живы только любовью другъ къ другу и проч. Но не одна этика строится теперь на идеѣ альтруизма. Эта идея проникла и въ другія науки, напр., въ политическую экономію, гдѣ такъ долго и властно царствовалъ одинъ эгоизмъ съ его громкимъ девизомъ: Iaissez faire, Iaissez passer. Теперь создалось въ этой наукѣ цѣлое направленіе, поставившее своею задачею внести въ сферу экономическихъ отношеній общества начало справедливости. Къ этой школѣ принадлежатъ, какъ извѣстно, такіе знаменитые нѣмецкіе политико-экономы, какъ Вагнеръ, Шмоллеръ, Брентано, Шеффлэ и многіе другіе. Альтруистическій элементъ морали начинаетъ проникать даже въ ту область юриспруденціи, которая издавна считалась неприкосновенною и совершенною, какъ образецъ высшаго юридическаго знанія. Я говорю о Римскомъ Правѣ, нѣкоторыя начала котораго подверглись сильному сомнѣнію со стороны такихъ видныхъ европейскихъ ученыхъ, какъ Родбертусъ, Л. ф. Штейнъ [1]). Самъ знаменитый романистъ Р. ф. Іерингъ называетъ римское право „системой дисциплинированнаго эгоизма, въ которой индивидъ приносился въ жертву государству, отдѣльный случай отвлеченному правилу, моментъ продолжительному состоянію“ [2]). Тотъ же Іерингъ замѣчаетъ, что „развитіе современнаго общества стоитъ предъ поворотнымъ пунктомъ: при переходѣ изъ области эгоизма въ сферу нравственности, доказываетъ недостаточность для общественной жизни эгоистическихъ рычаговъ соціальнаго движенія:

---

[1]) См. L. v. Stein'a: „Die drei Frage des Grundbesitges“, 1881.
[2]) См. R. v. Hering: „D. Geist d. rom. Rechts“.

вознагражденія за трудъ и принужденія и всю необходимость нравственныхъ: чувствъ обязанности и любви [1]). Наконецъ, альтруизмъ становится постепенно и въ самой жизни могучимъ двигателемъ человѣческой дѣятельности. „На горизонтѣ нашего обще-человѣческаго сознанія появляется, говоритъ Л. ф. Штейнъ, еще неясная, извращенная грубыми интересами, но уже достаточно проникшая въ умы мысль, что первое условіе всякаго земнаго счастья и человѣческаго совершенства отдѣльнаго лица — счастье и совершенство другихъ. Современное общество на всѣхъ пунктахъ стремится къ тому, чтобы возвысить низшіе классы народа посредствомъ массы жертвъ, которыя налагаютъ на себя въ ихъ пользу высшіе классы. И то, что мы почитаемъ, какъ высшую христіанскую обязанность, — любовь къ ближнему дѣлается обязанностью общественнаго порядка“ [2]). Сознаніе всего величія и нравственнаго могущества альтруистическаго принципа на столько овладѣваетъ современнымъ обществомъ, что оно видитъ въ немъ спасеніе для нашей культуры, которая могла бы пасть при дальнѣйшемъ развитіи эгоизма [3]). Ланге находитъ даже „естественное основаніе для постепеннаго вытѣсненія эгоизма любовью къ гармоническому порядку міра явленій и, прежде всего, общими интересами собратій. То, что Адамъ Смитъ называлъ своей симпатіей, Фейербахъ своимъ ученіемъ о любви, Контъ прин-

---

[1]) Derselber: „Zweck im Recht“, 2 т., 1, 12—14, 74 стр. и слѣд.

[2]) L. v. Stein: „Verwaltungslehre“, 2 Band, Vorwort.

[3]) Ланге: „Исторія матеріализма“. С.-Петербургъ. 1883. 2 т., 406 стр.

ципомъ труда для ближняго все это только частныя проявленія, развивающагося вмѣстѣ съ нашей культурой, перевѣса, принадлежащихъ нашему существу, объективныхъ представленій надъ образомъ нѣкотораго *я*, одареннаго страданіемъ и удовольствіемъ“ [1]).

Но могутъ сказать, если заботиться только о счастьи другихъ, то какъ же можетъ быть достигнуто личное счастье? Неужели каждый изъ насъ долженъ отказаться отъ него во имя общаго блага, перестать заботиться о себѣ, объ удовлетвореніи своихъ потребностей, хотя бы онѣ состояли въ умственномъ, нравственнымъ и эстетическомъ развитіи? И нравственна ли, наконецъ, подобная забота о своемъ личномъ совершенствованіи? Всѣ эти вопросы легко рѣшаются съ установленной нами точки зрѣнія на альтруизмъ, какъ идеалъ нравственнаго поведенія человѣка и необходимое условіе для его счастья. Если это счастье современное общество видитъ въ томъ, чтобы заботиться о благѣ другихъ, забывая свое собственное, то, очевидно, такого рода счастье въ его глазахъ высшее и предъ нимъ должны отступить всякія представленія о личномъ счастіи, эгоистическомъ удовлетвореніи потребностей каждаго. Во имя высшей идеи о любви къ ближнему человѣкъ долженъ направлять такъ свою дѣятельность, чтобы въ ея результатѣ было не *свое удовольствіе*, а удовлетвореніе нуждъ и потребностей другихъ людей, которое ведетъ къ ихъ счастью. И только тогда человѣкъ почувствуетъ себя истинно счастливымъ, когда онъ увидитъ

---

[1]) Ланге, ibidem.

счастливыми другихъ; тогда онъ получитъ наиболѣе высшее и совершенное наслажденіе, предъ которымъ блѣднѣютъ и меркнутъ всякаго рода чисто личныя удовольствія,—нравственное удовлетвореніе отъ сознанія выполненной обязанности. Мысль о благѣ другихъ должна не покидать человѣка въ теченіе всей его жизни. Она должна свѣтить ему, какъ путеводный маякъ на длинномъ и часто трудномъ и тяжеломъ жизненномъ пути и одушевлять его на высокіе подвиги самоотверженія. Человѣкъ долженъ служить своимъ ближнимъ всѣми силами своей души, употреблять на пользу другихъ свои знанія, ставить цѣлью своей нравственной дѣятельности, своего моральнаго совершенства совершенство другихъ, жертвовать имъ собою и даже своей жизнью. Что подобная жизнь не мечта, это доказываютъ, нерѣдкіе въ наше время, случаи, когда люди, надѣленные всѣми благами міра, бросаютъ все и идутъ въ лазареты, больницы и посвящаютъ себя безкорыстному служенію бѣднымъ и несчастнымъ. Мы знаемъ также, какое удовольствіе доставляетъ человѣку мысль, что его знанія оказались полезными людямъ. Человѣкъ можетъ и долженъ заботиться о сохраненіи своихъ силъ и личномъ совершенствованіи, но всегда съ мыслью о томъ, что высшая цѣль этого совершенствованія - совершенство другихъ, умственное и нравственное. При условіи наибольшей распространенности въ обществѣ альтруистическихъ стремленій это всестороннее совершенство каждой личности будетъ достигаться гораздо лучше и легче, нежели по принципу эгоизма, исключающему мысль о необходимости помощи со стороны другихъ въ трудномъ дѣлѣ развитія духов-

ныхъ силъ человѣка. Но могутъ возразить, въ чемъ искать основанія для обязательности подобнаго поведенія для всѣхъ и каждаго? Вѣдь не всѣ же въ состояніи заранѣе видѣть и понимать, что наше личное счастіе должно заключаться въ счастьи другихъ! Что же должно побуждать къ такой жизни для блага другихъ? Едва ли, однако, удовлетворитъ всякаго отвѣтъ на эти вопросы Грота, который желаетъ отыскать основаніе обязательности альтруистическаго поведенія въ законахъ организаціи нашей природы, какомъ-то отвлеченномъ представленіи объ „инстинктѣ самосохраненія всей природы“ [1]). Не значитъ ли это ставить всю нравственную, сознательную жизнь человѣка въ роковую зависимость отъ темнаго, инстинктивнаго, безсознательнаго чувства, о которомъ къ тому же простая масса народа даже и не подозрѣваетъ? Не лучше ли въ данномъ случаѣ обратиться къ „здравому смыслу всего человѣчества, философіи и религіи“, которымъ научная мораль, по убѣжденію Грота и нашему, не только не должна противорѣчить, а даже, напротивъ, уяснять все, что внушается этимъ здравымъ смысломъ, религіей и философіей [2]). Мы уже указывали на опытъ всего человѣчества въ этомъ отношеніи, на неразрывность морали съ религіей, которою въ новомъ европейскомъ обществѣ является христіанство съ его возвышенными понятіями о Богѣ, какъ высшемъ и справедливомъ Судіи и безсмертіи души человѣка. Философія въ лицѣ Канта также давно уже признала необходимость

---

[1]) Гротъ, назв. сочиненіе, 446 стр.
[2]) Гротъ, назв. статья, 443 стр.

такой санкціи морали въ понятіи Бога, какъ Высшей Справедливости и безсмертіи нашего духа [1]). Но и современная научная этика не удаляется отъ указаній опыта всего человѣчества и религіозныхъ и философскихъ традицій. Такъ Вундтъ доказываетъ, что человѣчество всегда видѣло въ Божествѣ идеальный образецъ человѣческихъ стремленій, говоритъ, что человѣкъ тогда могъ бы жить безъ образа совершеннаго бытія, когда человѣческая природа измѣнится въ самыхъ своихъ основахъ. Въ человѣческой природѣ лежитъ стремленіе создавать въ своей мысли идеальный образецъ того, что онъ считаетъ добродѣтельнымъ и желательнымъ. Будущая жизнь представляется человѣку идеально-нравственнымъ міромъ, гдѣ царствуетъ законъ возмездія, и гдѣ каждому воздается та мѣра счастья и страданія, которую онъ заслужилъ своею настоящею жизнью. Въ этой увѣренности въ высшемъ, идеальномъ нравственномъ порядкѣ за гробомъ лежитъ глубокое и могучее побужденіе къ жизни по нравственному идеалу [2]). Высшій изъ этихъ идеаловъ — любовь къ ближнему, въ которой заключается корень всѣхъ остальныхъ идеаловъ человѣческой личности, лежащихъ въ самой ея природѣ. Таково стремленіе человѣка къ правдѣ (справедливости), истинѣ и красотѣ, какъ внѣшнее выраженіе духовныхъ нашихъ силъ Большинство другихъ нравственныхъ требованій предостерегаетъ человѣка отъ наклонности ставить свои личныя цѣли выше интересовъ другихъ, беречь свои силы для

---

[1]) Kant: „Kritik d. practischen Vernunft“, 133—157 S.

[2]) Вундтъ: „Этика“, 1-я ч., стр.: 86, 57, 80, 97 и 113.

служенія другимъ и не растрачивать ихъ въ погонѣ за одними матеріальными благами, нужными только для сохраненія и развитія человѣческой природы [1]). Человѣкъ не долженъ быть рабомъ внѣшней матеріальной среды, которая должна служить ему, его цѣлямъ, а не онъ ей [2]). Именно потому, что въ современномъ обществѣ такъ часто многіе пренебрегаютъ этимъ этическимъ требованіемъ и увлекаются наживой, богатствомъ, какъ единственной цѣлью жизни и происходитъ то печальное явленіе, что за пресыщеніемъ отъ всякаго рода наслажденій, доставляемыхъ матеріальными благами, наступаетъ тоска и разочарованность въ жизни, отнимающія всякой къ ней интересъ [3]).

Всѣ эти личные, нравственные идеалы, вырабатывающіеся постепенно въ исторіи человѣчества, представляютъ собой высшій образецъ, и норму человѣческаго поведенія, по которому каждый долженъ строить свою жизнь, если онъ хочетъ, чтобы она получила въ его глазахъ смыслъ и дала ему истинное счастье. Но дѣйствительность далека отъ этихъ идеаловъ. Мало въ ней встрѣчается людей, которые всегда держались бы въ своей дѣятельности нравственныхъ правилъ или, по крайней мѣрѣ, съумѣли бы сохранить въ жизненной борьбѣ всѣ лучшія стремленія своей молодости, когда человѣкъ мечтаетъ такъ много о благѣ человѣчества и совершенно искренне готовъ всѣмъ для него жертвовать. Въ эту пору упованій и искреннихъ увлеченій идеалами какъ часто

1—2) См. у Кавелина: „Задачи этики“, 54—66 стр., ср.: „Злобы дня“, 119—121 с.

3) Вундтъ: „Этика“, 1 ч. 268 и 237 стр.

„Мечты высокія мы духомъ обнимаемъ
Но въ свѣтлой чистотѣ мы ихъ не сохранимъ,
Мы благо жизни сей съ собой соединимъ
Но блага лучшія обманомъ называемъ".
(„Фаустъ").

Суровая дѣйствительность рѣдко оправдываетъ наши ожиданія, что наши нравственные идеалы будутъ осуществлены въ жизни. Но въ ней же самой есть и вѣрное и надежное средство для достиженія цѣлей человѣческой жизни. Такое средство — право съ своимъ органомъ — государствомъ.

V.

Право представляетъ собой тотъ объективный идеалъ человѣческой жизни, который вырабатывается обществомъ въ теченіи всей его исторіи и въ связи съ субъективными, нравственными идеалами человѣка. Право опредѣляетъ тѣ условія общественной жизни, которыя оказываются необходимыми для осуществленія нравственныхъ идеаловъ человѣка. Но право не есть только средство для достиженія этихъ идеаловъ. Оно также обязательное правило, норма соціальной жизни, какъ мораль-норма личной жизни человѣка. Указывая на возможную степень выполненія въ жизни нравственныхъ идеаловъ, оно въ тоже время само составляетъ ихъ неразрывную часть. „Нравственное значеніе правоваго требованія считается, говоритъ Вундтъ, непремѣннымъ его предположеніемъ. Въ правовомъ строѣ осуществляется система цѣлей, которая пріобрѣтаетъ высочайшую этическую цѣнность чрезъ

идею общей нравственной работы и равноправности“ [1]). Мы знаемъ уже, что право исходитъ въ общественной жизни отъ двухъ нравственныхъ авторитетовъ: народа и государства. Поэтому оно является въ формѣ обычнаго права и закона. Обычное право—правила взаимныхъ сношеній людей, возникающія непосредственно въ средѣ народа, который выражаетъ въ нихъ свои нравственныя воззрѣнія, какъ нормы соціальной жизни. Законъ исходитъ отъ государства, которое стремится посредствомъ своей дѣятельности помочь обществу также въ достиженіи его жизненныхъ цѣлей. „Государственныя правовыя требованія суть могущественнѣйшее средство защиты противъ эгоизма“ [2]). Въ своей дѣятельности въ обществѣ государство руководится альтруистической идеей общаго блага или интереса, которая также должна брать верхъ надъ идеей личной пользы при столкновеніи въ жизни личныхъ и общественныхъ интересовъ, какъ долженъ альтруизмъ получить перевѣсъ надъ эгоизмомъ при борьбѣ ихъ въ жизни отдѣльнаго человѣка. Такой характеръ дѣятельности государства въ обществѣ, однако, не подавляетъ личную свободу человѣка точно также опять, какъ преслѣдованіе альтруистическихъ цѣлей въ личной дѣятельности человѣка не исключаетъ мысли о нравственной его свободѣ, возможности для него осуществлять свои нравственные идеалы. Напротивъ, въ самой идеѣ альтруизма, какъ общаго принципа личной и общественной жизни скрывается уже такое признаніе личной свободы, какъ необходимаго условія всей общественной жизни. Поэтому Фулье отождествляетъ понятіе

[1]—[2]) Вундтъ: „Этика“, 1-я ч., 268 и 237 стр.

свободы и морали, — альтруизма: „Свобода, говоритъ онъ, любовь къ ближнему, распространенная на всѣхъ“ [1]). Въ самомъ дѣлѣ, если мы должны ставить своею жизненною цѣлью благо другихъ, то, понятно, мы должны, прежде всего, признавать за ними право на равное съ нами человѣческое достоинство, какъ основное условіе нравственной жизни всякой человѣческой личности, удовлетворенію всѣхъ потребностей которой мы должны помогать всѣми своими силами. Но признаніе равенства личности за всѣми членами общества и всестороннее удовлетвореніе и развитіе всѣхъ ихъ потребностей составляетъ, какъ скоро увидимъ, и функцію права въ общественной жизни, которое руководится въ достиженіи этой своей цѣли идеей справедливости. Эта идея связываетъ право и государство съ моралью и придаетъ ихъ дѣятельности въ обществѣ высшее нравственное значеніе. Тѣсное отношеніе справедливости съ моралью, а права съ справедливостью издавна было неоспоримымъ фактомъ для философовъ, древнихъ (напр., Платона, Аристотеля и друг.) и новыхъ. Изъ послѣднихъ, напр., Шталь замѣчаетъ, что „идея справедливости не ограничивается областью права, а принадлежитъ нравственному міру, который существуетъ, благодаря этой идеѣ“ [2]). Съ Шталемъ согласенъ и Шиллингъ, который видитъ въ справедливости идеальный источникъ права [3]). Мысль о томъ, что справедливость и право неразлучны между собою выражается въ жизни общества во взглядѣ, что оба эти понятія равнозначущи. Такъ фразы: „вы

---

[1]) Fouillée: „La liberte et le determinisme“, 298—300 p.

[2]) Stahl: „Philosophie des Rechts“, 2 Band. 160—162 s.

[3]) Schilling: „Lehrbuch d. Institutionen, B. II. 3 и 37 s.

правы, вы справедливы“ въ глазахъ каждаго означаютъ одно и тоже.

Но какъ же на самомъ дѣлѣ относится право къ справедливости, посредствомъ которой осуществляется въ дѣятельности государства идея альтруизма? Этотъ вопросъ занималъ ученыхъ всѣхъ временъ, начиная съ Конфуція, Платона, Аристотеля, римскихъ юристовъ, и оканчивая новѣйшими учеными. Почти всѣ они признаютъ справедливость основаніемъ и руководящимъ принципомъ права и видятъ ея сущность въ „воздаяніи каждому должнаго“ [1]). Въ этомъ понятіи справедливости заключается два главные ея элемента и, вмѣстѣ съ тѣмъ, содержится указаніе на двѣ существенныхъ задачи альтруистической дѣятельности государства въ обществѣ. Справедливость,—эта, по выраженію Ульпіана, „прочная и постоянная наклонность человѣческой воли воздавать каждому должное“, начинаетъ жить въ сознаніи общества вмѣстѣ съ возникновеніемъ въ немъ идеи человѣческой личности, появляющейся въ исторіи общества въ зависимости отъ различныхъ условій его жизни. Обыкновенно много проходитъ времени прежде, чѣмъ общество доходитъ до убѣжденія, что каждый его членъ, независимо отъ особеннаго его положенія въ обществѣ, можетъ самостоятельно вырабатывать свои жизненные идеалы и стремиться къ ихъ осуществленію при помощи права и государства. Рано или поздо, однако, наступаетъ въ соціальной жизни такая пора, когда право въ лицѣ государства признаетъ принципъ

---

[1]) См. напр. у Pucht'ы: „Institutionen“, 39 s., Warnkönig: „Rechtsphilosophe“, 235 s., Walter: Jur. Encyclopödie, 26—27 s., Ahrens: Jar. Encyclopödie, 61 s., Ренненкампфа: „Очерки юридической энциклопедіи“, 2 изд., 119—120 стр., и мн. др.

юридическаго равенства общимъ началомъ взаимныхъ отношеній людей въ обществѣ, ставитъ своей задачей воздаяніе должнаго *каждому*. Поэтому всѣ граждане получаютъ одинаковое, *равное* право добиваться матеріальныхъ и духовныхъ сокровищъ, которыя произведены культурой общества [1]). Вмѣстѣ съ этимъ принципомъ юридическаго равенства развивается также въ обществѣ и взглядъ, что государство при своей дѣятельности должно обращать вниманіе на своеобразность силъ и стремленій каждаго человѣка, проявляющихся въ его дѣятельности въ обществѣ, особенность положенія каждаго въ обществѣ и его въ немъ роль, признавать въ каждомъ индивидуальную личность и помогать ей достигать своихъ жизненныхъ цѣлей. Такъ осуществляется въ юридической жизни общества второе требованіе справедливости—воздавать каждому, ему только свойственное, должное, индивидуальное, *свое*.

Такимъ образомъ, вся задача права въ обществѣ, осуществляемая въ немъ государствомъ, сводится къ тому, что всѣ общественныя отношенія регулируются правомъ на основаніи начала справедливости, какъ *принципа равной свободы* для всѣхъ гражданъ общества, въ которомъ выражается идея альтруизма, какъ общаго базиса личной и общественной жизни человѣка. Дѣятельность государства въ юридической жизни общества на началѣ справедливости вноситъ во всѣ общественныя отношенія тотъ же альтруистическій, нравственный идеалъ, который долженъ проявляться и въ личной жизни каждаго. Такъ

---

[1]) Вундтъ, назв. сочиненіе, 1 ч., 274—275 стр.

личная и общественная жизнь сближаются и взаимно проникаются однимъ и тѣмъ же альтруистическимъ характеромъ, который сообщаетъ всей дѣятельности общества и государства нравственное единство, цѣлостность и гармоничность, какъ условія наилучшаго достиженія нравственныхъ идеаловъ человѣка. Въ такомъ именно видѣ представляется жизнь современнаго европейскаго общества, въ которомъ органы государственной власти проникаются все болѣе и болѣе мыслью объ организаціи всѣхъ соціальныхъ институтовъ на принципѣ справедливости. Сознаніе необходимости дѣйствовать въ этомъ направленіи, приближаться по возможности къ созданію общественныхъ отношеній на идеальномъ началѣ справедливости видимо проглядываетъ и въ дѣятельности современнаго законодателя, и—администратора, и—судьи. Законы въ европейскомъ обществѣ создаются въ возможной гармоніи съ интересами общества, ихъ вызвавшими. Каждая, назрѣвшая въ соціальной жизни, потребность привлекаетъ вниманіе законодателя, который спѣшитъ удовлетворить ее надлежащими юридическими нормами. Въ тоже время современное государство признаетъ и творческое значеніе народнаго сознанія въ созданіи нормъ обычнаго права. При чемъ, подобная правообразующая дѣятельность народа нерѣдко предшествуетъ появленію закона, который только въ этомъ случаѣ санкціонируетъ правила общественной жизни, возникающія въ ней непосредственно. Справедливость и дополняетъ законъ, который, какъ общая юридическая норма, не въ состояніи регулировать каждое изъ юридическихъ отношеній. Недостатки закона восполняются поэтому дѣятельностью органовъ управленія,

которые примѣняютъ право къ жизни, сообразуются со всѣми особенностями каждаго даннаго случая и дѣйствуютъ такъ, чтобы интересы всѣхъ и каждаго въ обществѣ не только не страдали, а, напротивъ, были всѣ по-возможности удовлетворены. Наконецъ, гармонія между правомъ и справедливостью поддерживается въ современной общественной жизни и дѣятельностью судьи, который заботится о возстановленіи нарушеннаго права, охраняетъ юридическій порядокъ въ обществѣ и тѣмъ сообщаетъ каждому увѣренность въ спокойномъ и безпрепятственномъ достиженіи своихъ идеаловъ. Поэтому-то въ европейскомъ обществѣ такъ развиты и суды присяжныхъ, дѣятельность которыхъ восполняетъ формальную строгость нормъ права такъ, что извѣстные отдѣльные случаи его нарушенія обсуждаются на основаніи представленій о справедливости самого общества.

Такъ справедливость,—эта высшая и наиболѣе распространенная въ общественной жизни форма альтруизма, становится руководящимъ началомъ всей юридической жизни современнаго общества. Одушевляемые чувствомъ справедливости, органы государственной власти въ неустанной заботѣ объ общественномъ благѣ расширяютъ свою дѣятельность все болѣе и болѣе, спѣшатъ идти на встрѣчу всѣмъ жизненнымъ запросамъ, раздающимся въ обществѣ со всѣхъ сторонъ [1]). Современное государство въ равной мѣрѣ печется о матеріальномъ благосостояніи общества и о поднятіи уровня моральнаго, интеллектуальнаго и эстетическаго его развитія.

---

[1]) Вундтъ, назв. сочиненіе, 235 стр.

Но въ этой своей обширной и безпрерывной дѣятельности, несвободной, конечно, отъ многихъ недостатковъ, оно не парализуетъ дальнѣйшее развитіе въ обществѣ идеи свободы, которая составляетъ, напротивъ, главнѣйшую цѣль дѣятельности современнаго государства. Оно только ограничиваетъ ненормальныя уклоненія въ развитіи общества, мѣшающія его благосостоянію. Проникнутое сознаніемъ альтруистической идеи, — идеи общаго блага и движимое чувствомъ справедливости, государство предоставляетъ отдѣльнымъ лицамъ по возможности широкую инціативу въ дѣлѣ созданія и осуществленія ихъ жизненныхъ идеаловъ и беретъ на себя выполненіе лишь тѣхъ задачъ, достиженіе которыхъ не подъ силу отдѣльнымъ лицамъ или общественнымъ классамъ, или же вызывается существенными интересами всего общества. Такимъ путемъ европейское государство XIX столѣтія избѣгаетъ въ своей дѣятельности крайностей, въ которое впали древнее государство и средневѣковое, смѣшивавшіе совершенно мораль съ правомъ и потому подавлявшіе вполнѣ свободу человѣческой личности.

Во всемъ восточномъ и античномъ обществѣ государство поглощало человѣческую личность, заставляло её служить исключительно своимъ интересамъ во имя нравственныхъ требованій, въ которыхъ выражались безусловныя повелѣнія Божества. Съ тѣмъ же явленіемъ мы встрѣчаемся и въ античномъ мірѣ, гдѣ государство попрежнему подчиняетъ себѣ человѣка и всѣ его интересы вслѣдствіе того же религіознаго характера всей античной жизни и сильнаго развитія въ ней политическаго авторитета. Только въ Римѣ мы находимъ нѣкоторые намеки

на смягченіе государственной власти, выразившееся въ отдѣленіи частнаго права отъ публичнаго и постепенномъ проникновеніи права элементомъ справедливости (aequitas). Но въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ снова наступаетъ полное смѣшеніе права и морали какъ въ теоріи [1]), такъ и практикѣ. Чрезмѣрныя стремленія средневѣковаго папства къ господству не только надъ религіозною, но даже и всей остальной жизнью западноевропейскаго общества повели къ развитію широкой опеки католическаго духовенства надъ всѣмъ обществомъ, гдѣ во имя нравственно-религіозныхъ цѣлей подавлялась всякая попытка къ личной дѣятельности. Ревностнымъ сторонникомъ папства на пути къ достиженію властолюбивыхъ его цѣлей явился орденъ іезуитовъ, обезсмертившій себя постыдными, кровавыми истязаніями и избіеніями массъ людей, виновныхъ лишь въ томъ, что они вѣровали, думали и жили иначе, чѣмъ какъ хотѣло католическое духовенство. Цѣлые вѣка тяготѣла эта непрошенная и невыносимая опека папства надъ обществомъ, испытывавшимъ безпрерывныя страданія, которымъ не предвидѣлось конца. Папство мало по малу захватывало въ свои руки все, что можно было взять, предписывало каждому опредѣленный образъ поведенія подъ страшными угрозами немедленныхъ и мучительныхъ казней, на которыя была такъ щедра и изобрѣтательна „святая инквизиція“. Виновныхъ въ нарушеніи приказаній папства жгли тысячами на кострахъ, пылавшихъ на

---

[1]) См. напр. въ сочиненіяхъ Блаж. Августина, Ѳомы Аквинскаго и др. средневѣковыхъ ученыхъ.

всемъ почти пространствѣ западно-европейскаго континента. Въ такомъ тяжеломъ и безвыходномъ положеніи находилось населеніе средне-вѣковыхъ, западно-европейскихъ государствъ, пока къ нему не пришло на помощь само государство, которое рѣшилось вступить въ борьбу на жизнь или смерть съ своимъ неумолимымъ соперникомъ-папствомъ, захватившимъ въ свои руки свѣтскую власть. Долго продолжалась эта борьба [1]), въ которой перевѣсъ склонялся то на сторону папства, то государственной власти, пока, наконецъ, эта послѣдняя не взяла верхъ надъ своимъ противникомъ. Когда же государство побѣдило, общество мало выиграло отъ этого: государство поспѣшило присвоить себѣ всю власть, отнятую имъ у папства, и употребило ее на то, чтобы регламентировать законодательными мѣрами каждый шагъ человѣка. Но противъ такихъ преувеличенныхъ притязаній государства скоро поднялся протестъ въ средѣ общества, выразившійся въ, предпринятой школой естественнаго права, попыткѣ установить твердыя и опредѣленныя границы между дѣятельностью государства и общества. Недовольная существующимъ устройствомъ общества, эта школа рѣшилась построить планъ новаго соціальнаго строя на абсолютной и отвлеченной идеѣ человѣческой личности съ ея разъ навсегда опредѣленными, общеобязательными и неизмѣнными правами. Съ этой точки зрѣнія, защищаемой очень долго различными представителями школы естественнаго права, представлялось возможнымъ строго разграничить дѣятель-

---

[1]) Съ IX в. по XV столѣтіе.

ность отдѣльной личности, какъ члена общества и государства такимъ образомъ, чтобы отдѣлить совершенно другъ отъ друга всю внутреннюю жизнь человѣка отъ его внѣшней дѣятельности въ обществѣ. Каждый долженъ былъ быть признанъ безусловно свободнымъ въ области своихъ чувствъ, помысловъ, намѣреній, побужденій и различныхъ душевныхъ движеній, между тѣмъ какъ во всѣхъ внѣшнихъ своихъ дѣйствіяхъ, сношеніяхъ съ другими людьми человѣкъ долженъ былъ подчиняться государственной власти. Все, что входитъ въ область внутренней жизни человѣка было признано принадлежащимъ къ морали, гдѣ царствуетъ свобода и отсутствуетъ принужденіе. Напротивъ, внѣшняя дѣятельность человѣка въ обществѣ была отнесена къ праву и дѣятельности государства. А такъ какъ послѣднее обладаетъ властью, необходимой для выполненія его задачъ, то принужденіе было включено въ понятіе права, какъ необходимый, существенный его элементъ.

Такое рѣзкое различіе между моралью и правомъ, установленное школой естественнаго права, должно было сильно поддерживаться раціоналистической философіей, взглядомъ основателя ея, Декарта (XVII ст.) [1]) на противоположность между духомъ и матеріей, душей и тѣломъ, который былъ усвоенъ той же школой естественнаго права. Въ силу этаго взгляда внутренній, духовный міръ въ человѣкѣ и внѣшняя физическая сторона его дѣятельности представлялись совершенно разобщенными, неимѣющими между собой никакой связи, под-

---

[1]) Descartes: „Discours de la méthode", 1657 an.

чиненными своимъ собственнымъ, самостоятельнымъ законамъ. Поэтому между моралью, какъ центромъ и выраженіемъ этого внутренняго міра въ человѣкѣ, и правомъ, относящимся всецѣло къ внѣшней его дѣятельности нѣтъ никакого соотношенія и они должны быть разъ навсегда строго и рѣзко отдѣлены другъ отъ друга. Подобнаго рода совершенное раздѣленіе морали и права было сдѣлано въ наукѣ права Христ. Томазіемъ, который исключилъ вполнѣ изъ области морали, какъ сферы свободы человѣка, всякое принужденіе, составляющее, по его взгляду, существенный элементъ понятія права. Такъ какъ выполненіе нравственныхъ обязанностей человѣкомъ не можетъ быть вынуждено, то поэтому онѣ не совершенны; наоборотъ, юридическія обязанности отличаются совершенствомъ, такъ какъ исполненіе ихъ всегда можетъ быть вынуждено. Этотъ взглядъ Томазія на различіе между правомъ и моралью былъ принятъ Кантомъ и многочисленными сторонниками его философскихъ взглядовъ; его же придерживается и большинство современныхъ юристовъ различныхъ направленій. Такъ, напр., этотъ рѣзкій дуализмъ въ отношеніи между правомъ и моралью сказывается во взглядахъ на нихъ Шталя [1]), Цöпфля [2]), Лассона [3]), Эшбаха [4]) и многихъ другихъ ученыхъ юристовъ. Даже Іерингъ—представитель реалистическаго направленія въ наукѣ права, прямо

---

[1]) Stahl: „Philosophie d. Rechts“, 2 B., 194—7 s.

[2]) Zöpfl: „Rechtsphilosophie“, 35—50 s.

[3]) Lasson: „Rechtsphilosophie“, 205—7 s.

[4]) Eschbach: „Iur. Encyclopädie“, 2—3 s.

противоположнаго раціоналистической школѣ, настаиваетъ съ особенной силой на принужденіи въ правѣ, какъ существенномъ элементѣ его понятія [1]), и даже разширяетъ понятіе принужденія, принимая, кромѣ физическаго, еще и психическое принужденіе, которое переносится имъ и въ сферу морали [2]). Взглядъ на право, какъ только внѣшнюю дѣятельность человѣка и принужденіе, какъ существенный элементъ въ понятіи права, раздѣляется и многими русскими учеными юристами: Ренненкампфомъ [3]), Карасевичемъ [4]), Капустинымъ [5]), который, подобно Іерингу, принимаетъ, кромѣ физическаго принужденія, еще и психическое, и относитъ его, какъ и Варнкönигъ [6]), однако, только къ области права. Наконецъ, это же ходячее воззрѣніе на различіе между правомъ и моралью выразилось и во взглядѣ Кавелина на мораль, какъ на исключительную область внутренней, психической жизни человѣка, а право, какъ только внѣшнюю дѣятельность человѣка.

Такъ возникъ и развился въ европейскомъ обществѣ и наукѣ права взглядъ на различіе между моралью и правомъ, который пережилъ, вызвавшія его, обстоятельства и превратился въ одно изъ научныхъ положеній, упорно защищаемыхъ и въ настоящее вре-

---

1—2) Ihering: „Zweck im Recht“. 1 B. 240, 434, 177—79 s.

3) Ренненкампфъ, назв. соч., 36 с.

4) Карасевичъ, назв. соч., 267—9 с.

5) Капустинъ: „Юридическая догматика“, 69, 74—5 с.

6) Warnkönig: „Rechsphilosophie“, 399 s.; ср. Iur. Encyclopädie, 16—17 s.

мя большинствовомъ юристовъ. Но на ряду съ такимъ крайнимъ направленіемъ въ вопросѣ о различіи между правомъ и моралью въ европейской наукѣ возникаетъ теченіе и противопожнаго характера. Первый толчекъ къ измѣненію, укоренившагося въ умахъ, воззрѣнія на различіе между моралью и правомъ сдѣлала органическая школа (Краузе), доказывавшая, что право есть результатъ многочисленныхъ и разнообразныхъ условій человѣческой жизни, среди которыхъ занимаетъ не послѣднее мѣсто и внутренняя жизнь человѣка. Органическая школа желала отыскать внутреннее соотношеніе, гармонію между отдѣльными сторонами общественной жизни и тѣмъ самымъ опровергнуть механическое воззрѣніе школы естественнаго права на общество, какъ безсвязный аггрегатъ, случайно соединившихся, отдѣльныхъ лицъ, воззрѣніе, изъ котораго логически вытекала необходимость только внѣшней связи между членами общества посредствомъ принужденія. Отъ этого же взгляда органической школы было недалеко и до мысли, что въ правѣ нельзя обращать вниманія только на одну внѣшнюю его сторону, и что принужденіе вовсе не существенный его элементъ. Дѣйствительно такой взглядъ и былъ высказанъ однимъ изъ видныхъ представителей этой школы, Аренсомъ, который желалъ связать въ одно цѣлое право и мораль, видѣлъ въ нихъ только двѣ различныя формы осуществленія добра и рѣшительно отвергнулъ взглядъ на принужденіе, какъ главнѣйшій признакъ права [1]). Взглядъ Аренса на мораль и право раздѣляютъ и Трен-

---

[1]) Ahrens: „Naturrecht“, 1 B., 310—311 s.

деленбургъ [1]), Вирошиль [2]), Гейеръ [3]), Бирлингъ, Тонъ, Іеллинекъ и, между русскими учеными, Коркуновъ [4]).

Но какія же были причины появленія этого новаго направленія въ наукѣ права и на чьей сторонѣ въ данномъ случаѣ правда? Одной изъ главныхъ причинъ отступленія отъ, вѣками сложившагося, взгляда на различіе между правомъ и моралью было постепенное выясненіе наукой характера и природы соціальныхъ явленій къ которымъ относится и моральныя явленія съ юридическими. Научныя изслѣдованія (физіологическія и психологическія) объ отношеніи между физической и духовной стороной человѣческой натуры указали, что обѣ эти ея стороны находятся въ неразрывной и взаимной связи между собою, что каждое дѣйствіе человѣка—результатъ дѣятельности человѣческаго ума и сознанія, переработывающаго, полученныя извнѣ, впечатлѣнія въ представленія и понятія человѣка. Поэтому-то теперь уже нельзя утверждать, что человѣкъ можетъ жить какою-то двойною жизнью, что его внутренняя, психическая жизнь совершенно независима отъ внѣшней, и что эта послѣдняя можетъ происходить безъ всякаго отношенія къ первой. Съ той же точки зрѣнія совершенно неосновательно видѣть въ морали только выраженіе внутренней жизни че-

---

[1]) Trendelenburg: „Naturrecht“, 77 и 90 s.

[2]) Wiroschil: „Jur. Encyclopädie et Methodologie“, 55—56 s.

[3]) Heyer: „Philos. Einleitung in Rechtslehre (См. Holzendorf: „Encyclopädie d. Rechtswissenschaft“, 5 Ansgabe).

[4]) Взгляды Іеринга, Тона, Дан[illegible], Іеллинека и Коркунова см. ниже.

ловѣка, неимѣющей никакого отношенія къ его внѣшней жизни, а на право смотрѣть только, какъ на внѣшнюю область человѣческой жизни [1]). Опытъ именно показываетъ, что дѣятельность человѣка въ сферѣ нравственной жизни не ограничивается лишь извѣстнаго рода намѣреніями и побужденіями и настроеніемъ, а получаетъ внѣшнюю форму, что мораль состоитъ изъ внутренней и внѣшней стороны. Для того, чтобы быть нравственнымъ, нужны не одни только добрыя намѣренія, но и добрыя дѣла; мы не должны только сочувствовать ближнему, но и помогать ему самимъ дѣломъ. Точно также и право относится не къ одной только внѣшней сторонѣ человѣческой жизни, а сплошь и рядомъ затрогиваетъ и внутреннюю его сторону. Извѣстно, что цѣлая область юридическихъ отношеній, —уголовное право— построена на тщательномъ изученіи внутреннихъ намѣреній и побужденій человѣка (преступника) къ дѣятельности. Но внутренняя сторона юридическихъ дѣйствій занимаетъ и цивилиста, который, напр., обращаетъ вниманіе на степень участія воли человѣка, его свободу при заключеніи разнаго рода юридическихъ сдѣлокъ. Наконецъ, она интересуетъ и судью при обсужденіи различныхъ юридическихъ казусовъ (уголовныхъ правонарушеній).

Также невѣренъ взглядъ, что и принужденіе состав-

---

[1]) Сознаніе невозможности разорвать совершенно мораль и право выразилось и у Кавелина, проводящаго рѣзкую границу между ними, въ томъ, что онъ старается искусственно связать между собою субъективные и объективные идеалы человѣческой жизни (т. е. мораль и право).

ляетъ существенный элементъ въ понятіи права, безъ котораго будто бы оно не мыслимо въ жизни общества. Разъ право необходимая составная часть морали, выраженіе альтруизма (справедливости) въ человѣческихъ отношеніяхъ, объектпвный идеалъ человѣческой жизни, имѣющій непосредственную связь съ субъективными, моральными идеалами человѣка, то отсюда понятно, что сущность права и его функція въ соціальной жизни заключаются именно въ этихъ основныхъ признакахъ его понятія, отличающихъ право отъ остальныхъ явленій общественной жизни. Принужденіе не можетъ составлять существенную черту права, олицетворяющаго въ жизни альтруистическую идею общаго блага, чуждую всякой мысли о насиліи, которое является неразлучнымъ спутникомъ эгоизма, или, какъ выражается Іерингъ, его необходимымъ рычагомъ. Эгоизмъ же исключается совершенно изъ сферы морали; онъ—зло въ личной и общественной жизни, какъ любовь къ ближнему,—добро и въ той, и другой сферѣ человѣческой дѣятельности [2]). Съ эгоистическими наклонностями нашей природы приходится бороться каждому въ своей личной жизни; съ тѣми же эгоистическими стремленіями пріурочить все внѣшнеее къ своей личности, насильно присвоить себѣ то, что принадлежитъ другимъ должно считаться и право въ общественной жизни при осуществленіи отдѣльными лицами своихъ нравственныхъ идеаловъ, при чемъ юридическія нормы примѣняются нерѣдко принудительнымъ образомъ. Именно это примѣненіе права въ жизни,

---

[2]) Гротъ, назв. статья, 440 стр.

и имѣютъ въ виду, когда говорятъ о принужденіи, какъ существенномъ признакѣ права: что принужденіе немыслимо и невозможно при возникновеніи права, съ этимъ согласятся всѣ, кто не отрицаетъ неразрывной связи права съ моралью. Но и при осуществленіи права оказывается немало случаевъ, въ которыхъ принужденіе не примѣняется. Такъ Аренсъ указываетъ, напр., на тотъ фактъ, что въ случаѣ обнаруженія нарушенія супружеской вѣрности разводъ возможенъ только по требованію оскорбленной стороны [1]). Тонъ замѣчаетъ, что въ сферѣ международныхъ отношеній принужденіе непримѣнимо и что „въ монархическихъ государствахъ высшій органъ власти неотвѣтственъ, такъ что всѣ нормы, налагающія на него обязанности, не имѣютъ никакого значенія“ [2]). Данъ, возражая Іерингу, укоряетъ его въ томъ, что онъ обращаетъ вниманіе только на реальную, внѣшнюю сторону права и игнорируетъ внутренній, идеальный его корень [3]). Іелинекъ полагаетъ, что мысль о необходимости принужденія въ юридической жизни въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ примѣненія права предполагаетъ, что „въ обществѣ игнорируются нравственныя качества его членовъ, и самое общество основано на разсчетливомъ эгоизмѣ или грубой власти“ [4]). По мнѣнію Бирлинга, взглядъ, что какая-либо часть юридическихъ нормъ должна быть выполнена во что бы то ни стало противорѣчитъ свободѣ

---

[1]) Аренсъ: „Юридическая энциклопедія“, 23 стр.

[2]) Thon: „Rethtsnorm und Subjectives Recht“, 1878, 6—7 s.

[3]) Dahn: „Die Vernuft in Recht“, 1879, 34 s.

[4]) Bierling: „Zur Kritik d. Iurist. Grundbegriffe“, 1883, 1 ч. 140—141 s.

человѣка слѣдовать въ жизни извѣстнымъ правиламъ поведенія [1]). Наконецъ, Коркуновъ констатируетъ, прежде всего, тотъ фактъ, что нравственность безусловно не допускаетъ принудительнаго ея осуществленія, право же иногда его допускаетъ. Затѣмъ, Коркуновъ приводитъ примѣръ Гейера, что гражданскія претензіи часто остаются неосуществленными, хотя бы потому, что судъ мировлитъ отвѣтчику или самъ отвѣтчикъ заблаговременно укрылъ свое имущество въ надежное мѣсто. Многія нормы вовсе и не предполагаютъ принудительнаго ихъ осуществленія. Такъ въ числѣ юридическихъ нормъ есть такія, послѣдствіемъ нарушенія которыхъ является наказаніе. Но наказаніе не есть принужденіе къ осуществленію той нормы, нарушеніе которой составляетъ фактическое предположеніе наказанія. Принудительно осуществляемы, по мнѣнію Коркунова, могутъ быть только нормы, запрещающія извѣстныя дѣйствія и требующія предоставленія какой либо вещи или владѣнія ею другому лицу. Въ заключеніе Коркуновъ замѣчаетъ, что „принудительность есть отличительное свойство не самого права, а регулируемыхъ имъ отношеній, не юридической нормы, а разграничиваемыхъ ею интересовъ“ [2]).

Таковъ рядъ фактовъ и разсужденій, въ которыхъ можно разобраться съ точки зрѣнія на право не какъ только на внѣшнюю и принудительную норму, а какъ на выраженіе идеи альтруизма въ общественной жизни. Мы ви-

---

[1]) Iellinek: „Sosialäthische Bedeutung von Recht, Unrecht, und Strafe“, 1878, 51 s.

[2]) Коркуновъ: „Лекціи по общей теоріи права“. С.-Петербургъ. 1888. 63—69 стр.

дѣли, что руководствуясь идеей справедливости, вытекающей изъ понятія альтруизма, право приходитъ къ водворенію въ общественныхъ отношеніяхъ идеи равной личной свободы, на сколько ея осуществленіе зависитъ отъ историческихъ условій жизни общества. Эта цѣль можетъ быть достигнута государствомъ при общемъ и дружномъ содѣйствіи самого общества, если только, оно проникнуто въ большей или меньшей своей части альтруистическими стремленіями. Тогда каждый будетъ пользоваться своими правами, стараясь не нарушать интересовъ другихъ и, напротивъ, оказывая имъ съ своей стороны посильную помощь при всякомъ удобномъ случаѣ. Такъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, „гдѣ интересы людей не сталкиваются между собою, осуществленіе ими своихъ правъ происходитъ единственно путемъ ихъ личной дѣятельности, и при помощи юридическихъ учрежденій общества. Человѣкъ, альтруистически настроенный и уважающій законный порядокъ, можетъ пользоваться всѣми правами, входящими въ сферу его законной свободы (семейными, имущественными, публичными), ни разу не испытавши въ своей жизни принужденія со стороны власти, совершенно при этомъ излишняго. Но если развитіе альтруистическихъ наклонностей, уваженіе къ свободѣ другихъ служитъ причиной мирнаго и безпрепятственнаго пользованія правами въ средѣ общества, то понятно, что на верху его по отношенію къ главѣ государства не можетъ быть и рѣчи о какомъ-либо принужденіи. Глава государства—одинъ изъ источниковъ нравственныхъ предписаній, выполняемыхъ всѣми изъ чувства уваженія къ нимъ. Онъ олицетворяетъ собою идею высшаго блага, высшей справед-

ливости въ государствѣ, осуществленіе которой представляетъ собою вся ея дѣятельность. Въ рукахъ главы государства сосредоточивается вся власть, необходимая для достиженія всѣхъ жизненныхъ цѣлей членовъ общества. Поэтому выше его власти не можетъ быть и нѣтъ въ обществѣ. Отсюда понятно, почему глава государства признается неотвѣтственнымъ и личность его считается неприкосновенною даже въ конституціонныхъ монархическихъ государствахъ, гдѣ обязанности монарха вытекаютъ изъ копромисса монархической власти съ обществомъ, какъ результатомъ особеннаго, историческаго его развитія. Живое сознаніе монархомъ въ неограниченныхъ государствахъ высоты и святости своей миссіи въ обществѣ выражается въ добровольномъ изданіи ими законовъ, налагающихъ извѣстныя обязанности на нихъ въ качествѣ главы государства.

Такъ можно объяснить съ нашей точки зрѣнія на право тотъ фактъ, что большинство юридическихъ нормъ при ихъ примѣненіи въ жизни отдѣльными лицами не сопровождаются непремѣнно принужденіемъ, представляютъ собою, по выраженію Бирлинга [1]) и Вирошиля [2]), „лишь спокойное осуществленіе въ жизни человѣка идеи свободы, приложенія въ ней начала справедливости о воздаяніи каждому должнаго со стороны государства, какъ органа права. Вся общественная жизнь течетъ мирно и спокойно, разъ каждый воодушевленъ альструистическими намѣреніями, готовъ всегда оказывать помощь другимъ,

---

[1]) Бирлингъ, ibidem.

[2]) Вирошиль, ibidem, 55—56 стр.

знаетъ границу своего права и избѣгаетъ случаевъ нарушать интересы другихъ. Но на пути къ исполненію своихъ задачъ въ обществѣ право можетъ встрѣтиться и обыкновенно встрѣчается нерѣдко съ эгоистическою наклонностью отдѣльныхъ лицъ ставить свою личность и свои интересы выше личности и интересовъ другихъ, пренебрегать и даже нарушать ихъ, если того потребуетъ ихъ личный интересъ. Въ такихъ случаяхъ сталкиваются между собою эгоистическій интересъ отдѣльной личности или нѣсколькихъ съ интересами всего общества, и государство, какъ представитель общественнаго интереса, обязано положить конецъ нарушенію права одного лица или нѣсколькихъ другимъ или другими. Заставляя такихъ нарушителей общественнаго интереса насильно уважать права другихъ, право ставитъ границу проявленію эгоистическихъ стремленій въ средѣ общества и тѣмъ обезпечиваетъ ему удовлетвореніе всѣхъ потребностей его членовъ. Въ такихъ случаяхъ, независимо оттого, въ какой области юридическихъ отношеній они не происходили бы, въ сферѣ частнаго или публичнаго права, право выступаетъ съ принужденіемъ во имя высшаго, альтруистическаго принципа, который иначе не можетъ восторжествовать при несовершенныхъ условіяхъ современнаго соціальнаго быта. Право стремится къ тому, чтобы эти условія, создаваемыя имъ въ виду возможно лучшаго достиженія разнообразныхъ соціальныхъ цѣлей, были наиболѣе совершенными, но оно не въ состояніи вдругъ измѣнить природу человѣка, которая улучшается медленно и вслѣдствіе особенно благопріятныхъ условій исторической жизни общества. Право оказываетъ свою помощь всякому, кто

только въ ней нуждается: юридическія учрежденія современнаго общества разсчитаны на возможно широкое удовлетвореніе его потребностей. Но если кто-либо изъ членовъ общества присвоиваетъ себѣ больше правъ, чѣмъ сколько входитъ ихъ въ область, обезпеченной правомъ, его свободы, право же должно позаботиться и о возстановленіи нарушеннаго, нормальнаго, мирнаго пользованія всѣми членами общества своими правами. Право считаетъ всѣхъ ихъ равными въ томъ отношеніи, что всѣ члены общества могутъ пользоваться помощью права при достиженіи своихъ нравственныхъ идеаловъ и остальныхъ цѣлей своей жизни. Право уважаетъ и индивидуальную личность человѣка, признаетъ личную свободу за каждымъ членомъ общества, на сколько это обусловливается историческими и данными условіями его жизни. Поэтому оно представляетъ каждому пользоваться своими правами въ своихъ интересахъ, не обязываетъ ихъ къ такому пользованію, если только не затронуты существенные интересы общества. Поэтому въ области публичнаго права, существующаго въ обществѣ ради удовлетворенія интересовъ всего общества, какъ единаго и цѣлаго организма, права должностныхъ лицъ являются вмѣстѣ съ тѣмъ и ихъ обязанностями; напротивъ, въ сферѣ частнаго права каждый можетъ осуществлять свои права, но можетъ и удержаться отъ этого. Обезпечивая прямо свою помощь всѣмъ гражданамъ, право также и удаляетъ всѣ препятствія при осуществленіи ими своихъ правъ, запрещаетъ извѣстныя дѣйствія, вредныя общественному благосостоянію. Поэтому оно преслѣдуетъ всякаго рода проступки и правонарушенія въ частной и публичной жизни общества. Но даже и въ этихъ случаяхъ эгоисти-

ческаго преслѣдованія извѣстными лицами своихъ интересовъ, гдѣ принужденіе въ правѣ выступаетъ необходимо въ роли защитника интересовъ всего общества, оно имѣетъ второстепенное значеніе. Всѣ нормы полицейскаго и процессуальнаго права, ограничивающія дѣятельность человѣка, разсчитаны на то, чтобы обезпечить осуществленіе не нарушенныхъ, а другихъ юридическихъ нормъ. Если, напр., право запрещаетъ курить въ извѣстныхъ мѣстахъ, то это дѣлается въ виду безопастности чьего-либо имущества. Также полицейскія запрещенія ссоръ и дракъ имѣютъ своею цѣлью предотвратить нанесеніе вреда тѣлесному здоровью или даже жизни отдѣльныхъ лицъ. Также и въ сферѣ гражданскаго процесса принужденіе не всегда достигаетъ своей прямой цѣли, такъ какъ не всегда возстанавливается нарушенная норма гражданскаго права. Иногда судъ долженъ бываетъ замѣнять нанесенный вредъ не такъ, какъ хотѣлъ бы потерпѣвшій, а какимъ-либо другимъ образомъ (другаго рода имуществомъ, или услугами потерпѣвшему лицу со стороны нарушителя его права). Сюда же относится и случай, указываемый Гейеромъ, хотя въ немъ еще и нельзя говорить объ осуществленіи права, которое остается здѣсь „nudum ius“, отчего бы не произошла невозможность выполненія юридической нормы. Но самое право лица не уничтожается вслѣдствіе такого обстоятельства и можетъ быть осуществлено при благопріятныхъ условіяхъ (когда, напр., скрытое имущество найдено, или судъ отнесся къ дѣлу, какъ слѣдуетъ, а не пристрастно). Въ случаѣ Аренса принужденіе имѣетъ также условный характеръ, такъ какъ разводъ происходитъ по волѣ одного супруга,

оскорбленнаго нарушеніемъ супружеской вѣрности со стороны другаго. Въ области уголовныхъ юридическихъ отношеній право также не принуждаетъ прямо къ выполненію нормъ уголовнаго права, а примѣняетъ наказаніе (принужденіе) въ случаѣ ихъ нарушенія, главнымъ образомъ, съ цѣлью охраны остальныхъ юридическихъ нормъ, интересовъ всѣхъ гражданъ и, отчасти, и самого преступника. Поэтому не всякое нарушеніе нормъ уголовнаго права ведетъ къ наказанію. Обыкновенно его назначенію предшествуетъ предварительное изслѣдованіе мотивовъ совершеннаго преступленія, такъ что иногда наказаніе вовсе не примѣняется, хотя норма уголовнаго права и была нарушена несомнѣнно. Такъ, неосторожное поджогъ и убійство, ненамѣренное присвоеніе вещи не наказываются правомъ. Но если наказаніе и примѣняется, то это дѣлается съ цѣлью сохранить юридическій порядокъ въ обществѣ и укрѣпить во всѣхъ увѣренность въ ненарушимомъ и безпрепятственномъ пользованіи своими правами. Даже по отношенію къ преступнику наказаніе въ современномъ уголовномъ правѣ имѣетъ въ виду не его устрашеніе, а исправленіе, направляется къ тому, чтобы изъ него сдѣлать снова полезнаго члена общества. Наконецъ, въ сферѣ международнаго права принужденіе не примѣняется при обыкновенныхъ, мирныхъ сношеніяхъ государствъ, которыя не могутъ допускать его, какъ самостоятельные и независимые субъекты международныхъ отношеній. Но даже и здѣсь при столкновеніи эгоистическихъ интересовъ одного или нѣсколькихъ государствъ съ общими интересами всего международнаго союза послѣдній иногда примѣняетъ принудительныя мѣры

противъ члена союза, нарушившаго эти общіе интересы.

Изъ всего, что мы сказали о роли принужденія въ правѣ можно видѣть, что принужденіе *только иногда* сопровождаетъ осуществленіе права, именно въ тѣхъ случаяхъ, когда сталкиваются между собою интересы отдѣльныхъ лицъ, нарушаются границы свободы, обезпеченной правомъ всѣмъ гражданамъ. Эта постоянная возможность принудительнаго осуществленія права государственной властью въ указанныхъ случаяхъ исключаетъ мысль о всякомъ насиліи со стороны отдѣльныхъ лицъ, сдерживаетъ въ надлежащихъ предѣлахъ ихъ эгоистическіе порывы и позволяетъ всему обществу, всѣмъ его членамъ спокойно и съ полнымъ успѣхомъ стремиться и достигать всѣхъ своихъ жизненныхъ цѣлей. Такъ сила въ рукахъ права начинаетъ служить высшимъ, благороднѣйшимъ задачамъ человѣческой личности, ея нравственнымъ идеаламъ. Поэтому справедливо замѣчаніе Тренделенбурга, что „принужденіе защищаетъ отдѣльное лицо отъ произвола, служитъ нравственнымъ цѣлямъ общества, свободѣ личности, какъ условію личной морали, и вслѣдствіе этого перестаетъ быть въ общественной жизни грубой силой, ограничиваясь необходимо самой незначительной долей, пригодной для нравственныхъ цѣлей“ [1]). Но во всѣхъ случаяхъ примѣненія принужденія въ правѣ рѣчь можетъ идти только о физическомъ принужденіи, но не о психическомъ, которое, пожалуй, свойственно всему, что ни входитъ въ сознаніе человѣка, необходимо сопровождаетъ всю дѣятельность человѣка, проявляется и въ области морали, религіи, науки и искусства, а не соста-

[1]) Тренделенбургъ, назв. сочиненіе, 90 стр.

вляетъ отличительнаго признака права [1]). Самый терминъ „психическаго принужденія“ даже и не можетъ быть принятъ въ наукѣ, разъ въ ней прочно установленъ взглядъ, что человѣкъ обладаетъ свободной волей, можетъ сознательно и *свободно* выбирать между различными мотивами, опредѣляющими его волю, и направлять свои дѣйствія сообразно съ своими цѣлями. Такимъ образомъ, мы въ правѣ заключить, что принужденіе не есть отличительный и существенный элементъ и признакъ права, но оно не есть и „свойство регулируемыхъ имъ отношеній и интересовъ“, какъ утверждаетъ Коркуновъ. Какъ справедливо замѣчаетъ Ренненкамфъ, большинство интересовъ, частныхъ и публичныхъ, напр. интересы супруговъ, нанимателей и рабочихъ, должностныхъ лицъ и проч., осуществить принудительнымъ образомъ невозможно [2]).

Но если принужденіе не отличительный признакъ права, то въ чемъ же искать его отличія отъ морали? Этотъ вопросъ также легко разрѣшается съ, установленной нами, точки зрѣнія на сущность морали и права. Если въ морали заключается высшій идеалъ человѣческаго поведенія, а въ правѣ нѣкоторое приближеніе къ осуществленію этого идеала, возможное при данныхъ условіяхъ общественнаго быта, то очевидно, что мораль есть высшая, совершеннѣйшая норма человѣческой жизни въ обществѣ, право же-норма извѣстныхъ общественныхъ отношеній между людьми, создаваемыхъ по образцу морали. Далѣе, такъ какъ мораль составляетъ содержаніе жизнен-

---

[1]) Коркуновъ, назв. сочиненіе, 68 стр.

[2]) Ренненкампфъ: „Разборъ курса по общей теоріи права Коркунова“. Кіевъ. 1888. 9 стр.

ныхъ личныхъ идеаловъ каждаго человѣка, а право—выражаетъ общественные идеалы, то ясно, что мораль—правило личнаго поведенія каждаго, право—правило взаимныхъ отношеній людей въ обществѣ. Здѣсь право создаетъ условія, необходимыя для осуществленія нравственныхъ идеаловъ всѣхъ членовъ общества, такъ что мораль представляетъ цѣль въ жизни людей, право же необходимое къ тому средство. Мораль предъявляетъ къ каждому человѣку повелительныя и категорическія требованія, которыя должны быть выполнены имъ безусловно безъ всякихъ сдѣлокъ съ окружающею жизнью. Поэтому-то нравственныя обязанности имѣютъ односторонній характеръ, т. е., мораль обязываетъ *каждаго* выполнять свой долгъ. Мы всѣ, напр., должны быть милосерды, сострадательны къ другимъ. Напротивъ, право, устанавливающее правила взаимныхъ сношеній людей въ виду возможнаго достиженія ими нравственныхъ и другихъ идеаловъ, отличается двухстороннимъ характеромъ. Оно предоставляетъ однимъ членамъ общества права (требованія), на другихъ же налагаетъ, соотвѣтствующія этимъ правамъ, обязанности [1]). Право ставитъ выполненіе своихъ требованій въ зависимость отъ извѣстнаго рода внѣшнихъ условій, разсчитано на разныя сдѣлки съ дѣйствительной жизнью, безъ которыхъ не можетъ существовать самое общество съ, господствующими въ немъ нерѣдко, эгоистическими интересами отдѣльныхъ лицъ. Поэтому право въ идеѣ составная часть морали, на практикѣ признаетъ нерѣдко отношенія, несогласныя или даже противоположныя морали. По той же причинѣ въ правѣ

[1]) См. у Merkel'я: „Iuristische Encyclopödie", 1885.

преобладаетъ внѣшняя сторона, обращается главное вниманіе на согласіе дѣйствій людей съ положительными юридическими нормами. Внутренняя же сторона юридическихъ дѣйствій принимается правомъ во вниманіе лишь въ особенныхъ случаяхъ, когда для соблюденія справедливости въ жизни бываетъ недостаточно одной легальности, а нужно знать и тѣ или другія побужденія дѣятеля въ различныхъ юридическихъ случаяхъ. Слѣдовательно, право—норма человѣческой жизни преимущественно съ внѣшнимъ характеромъ. Между тѣмъ, въ морали весь центръ ея лежитъ въ внутренней, психической (сознательной) жизни человѣка, гдѣ образуются его нравственные идеалы, осуществляемые имъ въ сношеніяхъ съ другими людьми. Въ морали на первомъ планѣ стоятъ тѣ или другія побужденія къ человѣческой дѣятельности, возникшія у человѣка подъ вліяніемъ его нравственныхъ идеаловъ. Поэтому-то въ области нравственной жизни принужденіе *никогда* непримѣнимо: невозможно заставить человѣка насильно думать, чувствовать и вести себя всегда по извѣстному, внѣшнему правилу. Въ правѣ же, какъ области дѣйствительныхъ, далекихъ отъ моральнаго идеала, человѣческихъ отношеній, гдѣ время отъ времени напоминаютъ о себѣ эгостическія наклонности людей, является въ такихъ случаяхъ нужда въ сдерживаніи, ограниченіи эгоизма отдѣльныхъ членовъ общества въ виду общаго блага. Поэтому въ правѣ *иногда* выступаетъ и принужденіе, какъ необходимое средство для воцворенія справедливости въ общественныхъ отношеніяхъ людей.

Вообще примѣненіе принужденія въ правѣ ограничивается въ исторіи общества все болѣе и болѣе по мѣрѣ нрав-

ственнаго развитія общества, уменьшенія проявленій въ жизни эгоизма, котораго принужденіе есть неразлучный спутникъ, и развитія въ людяхъ альтруистическихъ наклонностей, сознанія идеи общаго блага. Сфера значенія насилія въ общественной жизни дѣлается все уже съ каждымъ шагомъ впередъ въ исторіи человѣчества. Самое широкое примѣненіе насиліе имѣло въ древности, когда не признавалась личность въ человѣкѣ, и въ немъ часто видѣли вещь (раба). Принужденіе, насиліе въ обществѣ было обыкновеннымъ дѣломъ при условіяхъ его первоначальной жизни и долгое время послѣ: оно проявлялось въ безпрерывныхъ и ожесточенныхъ войнахъ внѣ общества и личной враждѣ и мести внутри его. Новое время, выработавшее принципъ уваженія къ каждой человѣческой личности, постепенно стало изгонять изъ свой жизни всѣ формы насилія, которое противорѣчитъ понятію личной свободы человѣка, его нравственному достоинству. Современная педагогика, напр., вычеркнула насиліе изъ числа воспитательныхъ средствъ, въ числѣ которыхъ стоятъ теперь на первомъ планѣ довѣріе къ силамъ ребенка и стремленіе предоставить широкій просторъ развитію его силъ подъ контролемъ воспитателей. Нѣкоторыя изъ нихъ стараются развить въ дѣтяхъ и альтруистическія чувства и мысли. Тоже признаніе человѣческой личности проникаетъ все болѣе въ дѣятельность современнаго права и государства, которыя предоставляютъ каждому члену общества возможность преслѣдовать всѣ свои жизненные интересы, обезпеченныя ему правомъ. Тамъ, гдѣ принужденіе оказывается необходимымъ, его примѣненіе обставляется извѣстными, ограничительными условіями. Такъ при уголовныхъ право-

нарушеніяхъ наказаніе терпятъ только дѣйствительно виновные, которымъ даются всѣ способы къ своему оправданію. Семейная жизнь считается въ современномъ европейскомъ обществѣ центромъ личной, нравственной жизни человѣка, куда поэтому принужденіе проникаетъ только въ рѣдкихъ случаяхъ. Преслѣдуется немедленно всякое нарушеніе право даже со стороны органовъ власти, обязанныхъ примѣнять свою власть осторожно, безъ оскорбленія чести (т. е. личности) и вреда имущества лица. Даже самые войны между современными государствами ведутся уже не такъ жестоко и при нихъ вмѣняется въ обязанность воюющимъ сторонамъ щадить больныхъ, женщинъ и дѣтей и не разорять жителей страны. Всѣ эти и многія другія подобныя явленія указываютъ на тотъ фактъ, что при всемъ преобладаніи въ современной общественной жизни эгоизма надъ альтруизмомъ развитіе въ ней послѣдняго сдѣлало уже замѣтные успѣхи. Поэтому-то, между прочимъ, въ наше время и возбуждается такой интересъ къ нравственнымъ вопросамъ, живо чувствуемый во всѣхъ классахъ европейскаго общества. Отсюда же становится понятнымъ, почему въ современной этикѣ выдвигается на первый планъ объективный элементъ морали (нравственные идеалы личности, осуществляемые въ жизни), а въ наукѣ о правѣ, которая составляетъ часть этики, обнаруживается стремленіе отвести надлежащее, второстепенное мѣсто въ юридической жизни принужденію, негармонирующему съ альтруистическимъ направленіемъ въ умахъ и самой жизни современнаго общества. Этимъ направленіемъ объясняется и обиліе въ наше время разныхъ моральныхъ системъ, неу-

держимое желаніе моралистовъ всѣхъ направленій внести въ область нравственной жизни общества высшее начало альтруизма. Такой же чисто альтруистическій характеръ имѣютъ ученіе и дѣятельность графа Л. Н. Толстого, который хочетъ преобразовать всю жизнь современнаго общества на однихъ нравственныхъ началахъ, и поэтому энергически отвергаетъ всякую мысль о насиліи или принужденіи въ жизни современнаго общества. Но это послѣднее далеко еще отъ того, чтобы признать за альтруизмомъ преобладающее значеніе во всей своей жизни; въ немъ, напротивъ, еще много эгоизма, который во многихъ случаяхъ парализуетъ мирное развитіе общества, препятствуетъ всестороннему удовлетворенію его потребностей и потому заставляетъ государство прибѣгать къ сдерживанію эгоизма въ границахъ, указанныхъ правомъ. Едва ли также можно ожидать, чтобы когда либо эгоизмъ совершенно исчезъ изъ человѣческой жизни, если судить о будущемъ въ исторіи человѣчества по его прошлымъ судьбамъ. Но каково бы ни было это будущее, остается несомнѣннымъ одно, что альтруизмъ медленно и съ большимъ трудомъ, но увѣренно и съ твердой надеждой на успѣхъ отнимаетъ у эгоизма шагъ за шагомъ въ общественной жизни широкую область его историческихъ завоеваній. Сознаніе объ этомъ, знаменательномъ для нашего времени, явленіи проникло въ науку (этику, науку о правѣ и педагогику), искусство, экономическую и юридическую сферу современной жизни. Таже мысль объ альтруизмѣ, какъ высшемъ, нравственномъ идеалѣ и принципѣ всего человѣческаго поведенія должна сдѣлаться и основой всей нашей жиз-

ни, личной и общественной. Постоянная и энергичная дѣятельность, направленная къ возможному осуществленію этого идеала въ нашей жизни, можетъ послужить лучшимъ средствомъ противъ пессимистическаго настроенія, отравляющаго жизнь современнаго общества, вѣрнѣйшей защитой противъ его скуки, тоски, безнадежнаго отчаянія и разочарованности въ жизни. Да, ихъ и не будетъ у тѣхъ, кто сознаетъ, что, „жизнь не праздные грезы, а трудъ, дѣятельность, борьба“ [1]) за добро противъ зла, и что неустанная забота о благѣ и счастіи другихъ, „альтруизмъ—цвѣтъ нашей жизни“ [2]). Только тѣ изъ насъ и будутъ счастливы, вся жизнь которыхъ дастъ такой пышный альтруистическій разцвѣтъ, только тѣ и сохранятъ навсегда свои лучшія упованія и идеальныя стремленія. Иначе скоро и неизбѣжно

„Среди тревогъ житейской суеты
„Поблекнутъ въ насъ и чувства, и мечты“.
(„Фаустъ“).

---

[1]) Кавелинъ: „Задачи этики“, 75 стр.
[2]) Гюйо, назв. сочиненіе, 24 стр.

Оглавленіе.

Первая глава.

Нравственное состояніе современнаго европейскаго общества и причины многихъ печальныхъ въ немъ явленій 1

Вторая глава.

Общая характеристика современныхъ системъ морали 17

Третья глава.

Краткая критика современныхъ системъ морали, иностранныхъ и русскихъ 32

Четвертая глава.

Основные элементы морали по взгляду современной этики 64

Пятая глава.

Отношеніе права къ морáли и главны́е признаки различія между ними по ученію современной науки права 96

ЮРИДИЧЕСКАЯ БИБЛІОГРАФІЯ

ИЗДАВАЕМАЯ

ДЕМИДОВСКИМЪ ЮРИДИЧЕСКИМЪ

ЛИЦЕЕМЪ.

№ 8.

ЯРОСЛАВЛЬ.

Типо-литографія Ф. Фалькъ, Духовская ул., собств. домъ.

1888.

Печатано по опредѣленію Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.
Директоръ *С. Шпилевскій.*

Приложеніе къ Временнику Демидовскаго Юридич. Лицея.

ОГЛАВЛЕНІЕ

№ 8-го ЮРИДИЧЕСКОЙ БИБЛІОГРАФІИ.

1. *И. Коркуновъ*: „Лекціи по общей теоріи права". Часть первая. С.-Петербургъ. 1887 г. 313 стр. *В. Щегловъ* . . . . . 1—29

2. *Н. Д. Сергѣевскій*. Наказаніе въ русскомъ правѣ XVII вѣка, 1887 г., стр. 300. *Л. С. Бѣлогрицъ-Котляревскій* . . . . . 30—49

1. *Н. Коркуновъ*: „Лекціи по общей теоріи права“. Часть первая. С.-Петербургъ. 1887 г. 313 стр.

Г. Коркуновъ—профессоръ энциклопедіи права въ Петербургскомъ Университетѣ и успѣлъ уже за нѣсколько лѣтъ своей тамъ дѣятельности пріобрѣсти извѣстную опытность въ преподаваніи предмета и ознакомиться съ нимъ вполнѣ основательно. Такое именно впечатлѣніе производятъ его лекціи по энциклопедіи права или, какъ называетъ Коркуновъ, общей теоріи права, обнаруживающія въ авторѣ большой талантъ въ строго научномъ изложеніи общихъ вопросовъ права при несомнѣнномъ знаніи современнаго состоянія каждаго изъ нихъ въ наукѣ права. Каждый изъ отдѣловъ общей теоріи права разработанъ Коркуновымъ съ извѣстнаго рода надлежащей полнотой и съ большею или меньшею правильностью и точностью, такъ что мы въ правѣ упрекнуть въ излишней скромности автора, назвавшаго свою книгу „лекціями“, когда она можетъ служить необходимымъ руководствомъ по энциклопедіи права не для однихъ только студентовъ, но и для ученыхъ юристовъ [1]). Въ сочиненіи Коркунова эта наука поставлена на вполнѣ вѣрное мѣсто въ ряду другихъ юридическихъ наукъ, названа „общей теоріей права“, что оправдывается и самымъ содержаніемъ книги. Сообразно съ, установившимся со времени Шеллинга, Гегеля и, особенно, О. Конта, взглядомъ на энциклопедію каждой отрасли знанія, какъ на науку самостоятельную, имѣющую своимъ пред-

---

[1]) Важное научное значеніе «лекцій по общей теоріи права» Коркунова и заставляетъ насъ заняться разборомъ содержанія его книги.

метомъ изложеніе общей теоріи, общихъ понятій въ извѣстной группѣ наукъ, Коркуновъ рѣшительно отказывается отъ воззрѣнія на энциклопедію права, какъ только на введеніе въ изученіе юридическихъ наукъ (31 стр.), или же лишь сжатый экстрактъ содержанія остальныхъ частей правовѣдѣнія (11—12 с.),—взгляды, принятые до сихъ поръ въ нѣмецкой юридической литературѣ. По вполнѣ вѣрному замѣчанію Коркунова, энциклопедія права—самост. наука (31 с.), отождествляющаяся съ философіей права или, точнѣе, съ общей его теоріей (26—30 с.). Этотъ его взглядъ на характеръ содержанія энциклопедіи права вытекаетъ изъ настоящаго положенія въ наукѣ вопроса объ отношеніи философіи вообще ко всѣмъ отраслямъ знанія и философіи права, въ частности, къ остальнымъ юридическимъ наукамъ. Вслѣдствіе необычайныхъ успѣховъ положительнаго знанія въ XIX ст. философія превратилась теперь изъ особенной науки, стоящей надъ всѣми науками, только въ обобщеніе того положительнаго матеріала, который дается спеціальными науками (25 с.). Точно также и современная философія права понимается лишь въ смыслѣ общаго ученія о правѣ, составляющаго содержаніе энциклопедіи права (26 с.). Самостоятельность этой науки въ ряду другихъ частей науки о правѣ доказывается Коркуновымъ, между прочимъ, и особенностью научныхъ задачъ энциклопедіи права, которыя она преслѣдуетъ наравнѣ съ учебными цѣлями. По справедливому его замѣчанію, энциклопедія права „вовсе не паразитъ, высасывающій изъ другихъ юридическихъ наукъ лучшіе ихъ соки, и ничего недающій имъ взамѣнъ“. Эта наука помогаетъ каждому спеціалисту-юристу при всѣхъ его изслѣдованіяхъ. Основательное знакомство съ современнымъ положеніемъ общихъ вопросовъ права необходимо ему, какъ при выборѣ и постановкѣ предметовъ для изслѣдованія, такъ и при повѣркѣ добытыхъ результатовъ: только сравненіе той или другой гипотезы въ извѣстной отрасли правовѣдѣнія съ общими его началами можетъ выяснить все научное ея значеніе (32 с.). Энциклопедія права сама также изслѣдуетъ общіе вопросы права, до сихъ поръ обыкновенно

разрабатываемые отдѣльными юридическими науками; таковъ, напр., вопросъ объ юридическихъ нормахъ и структурѣ юридическихъ отношеній, разрабатываемый цивилистами, ученіе о внутренней сторонѣ юридическихъ дѣйствій, о неправдѣ, изслѣдуемое криминалистами, ученіе объ основныхъ принципахъ права—равенствѣ и свободѣ,—публицистами (33 с.). Такое изученіе общихъ вопросовъ права отдѣльными юридическими науками ведетъ къ неправильному, одностороннему ихъ пониманію, котораго можно только избѣжать при внесеніи всѣхъ ихъ въ науку энциклопедіи права.

Въ ряду всѣхъ общихъ вопросовъ права ученіе объ общемъ понятіи права занимаетъ, конечно, первое мѣсто, почему Коркуновъ и разсматриваетъ это понятіе со всѣхъ сторонъ. Считая право лишь видомъ нравственности, онъ старается выяснить всѣ главныя его черты и различіе отъ морали (39—44 с.). Особенно замѣчательна попытка Коркунова установить существенное различіе права отъ закона въ научномъ смыслѣ, опредѣлить, что такое законъ юридическихъ явленій въ отличіе отъ законовъ явленій физическихъ (9 §). Коркуновъ указываетъ на невозможность отождествить оба вида этихъ законовъ. Понятіе о закономѣрности всѣхъ общественныхъ, а также и юридическихъ явленій, не подвергается теперь никакому сомнѣнію въ наукѣ въ виду возможности подмѣчать въ исторіи общества нѣкоторое постоянство единообразія соціальныхъ явленій, констатировать законы сосуществованія и послѣдовательности этихъ послѣднихъ (46 с.). Но при всемъ томъ юридическіе законы, нормы права отличаются отъ физическихъ законовъ, въ которыхъ подмѣчаемое людьми постоянное единообразіе указываетъ на то, что *есть*, дѣйствительно происходитъ въ природѣ. Поэтому-то физическіе законы безусловно не допускаютъ нарушенія (44 с.). Кромѣ того, физическіе законы не причина явленій, которая кроется въ силахъ, ихъ вызывающихъ (16). Между тѣмъ, юридическія нормы не выражаютъ того, что есть, а указываютъ лишь, что *должно быть* въ общественной жизни; онѣ могутъ быть нарушаемы и служатъ причиной юридическихъ явленій

въ обществѣ (45 с.). Самое постоянство однообразія юридическихъ явленій, выражающееся въ соціальныхъ законахъ, не имѣетъ такого общаго и безусловнаго характера, какой замѣчается въ сферѣ явленій природы. Юридическіе законы—общія правила, устанавливаемыя только для отношеній, существующихъ въ данномъ обществѣ и въ данное время; они представляютъ собою только обобщенія частныхъ явленій (48 с.). Однимъ словомъ, добавимъ мы, юридическіе законы имѣютъ характеръ лишь опытныхъ, эмпирическихъ, производныхъ законовъ, получающихъ характеръ основныхъ лишь при сравненіи и согласіи ихъ съ законами человѣческой природы. Удачно также, на нашъ взглядъ, и объясненіе Коркуновымъ возникновенія права, сліянія его съ моралью въ первобытномъ обществѣ, гдѣ при простотѣ и однообразіи потребностей членовъ общества существуютъ и также одинаковые, все опредѣляющіе, обычаи, которые создаются подъ вліяніемъ однѣхъ и тѣхъ-же религіозно-нравственныхъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, юридическихъ понятій (49 с.). При опредѣленіи понятія права Коркуновъ останавливается, между прочимъ, на взглядѣ нѣкоторыхъ юристовъ, принадлежащихъ преимущественно къ органической школѣ права, на принужденіе, какъ на несущественный элементъ въ понятіи права. Указавши на причину появленія и распространенности противоположнаго, общепринятаго воззрѣнія на право, какъ принудительное учрежденіе (на вліяніе на науку о правѣ раціоналистическаго міровоззрѣнія на контрастъ души и тѣла, внутренняго и внѣшняго міра), Коркуновъ утверждаетъ, что вообще принудительно могутъ быть осуществляемы только юридическія нормы, запрещающія извѣстныя дѣйствія и требующія предоставленія какой-либо вещи или пользованія ею другому лицу. Всѣ-же нормы права, требующія совершенія какого-либо дѣйствія, *содѣянія* чего-либо безусловно не допускаетъ такого принудительнаго осуществленія (67 с.). Оба эти положенія доказываются Коркуновымъ цѣлымъ рядомъ болѣе или менѣе оригинальныхъ аргументовъ, къ которымъ мы отсылаемъ читателя, предоставляя себѣ право высказаться по этому вопросу впослѣд-

ствіи. По сравненію съ этимъ вопросомъ большій интересъ въ нашихъ глазахъ возбуждаетъ тщательная критика Коркуновымъ формальнаго понятія права, предъ которымъ всѣ преимущества имѣетъ новѣйшее понятіе права, выставленное Іерингомъ. Какъ и слѣдовало ожидать, въ общую теорію права вносится Коркуновымъ и полное изложеніе общаго ученія объ юридическихъ нормахъ (ихъ формѣ, элементахъ, содержаніи и санкціи юридическихъ нормъ) и юридическихъ отношеніяхъ (ихъ субъектѣ, объектѣ и пр.)—23-33 §§. Это ученіе входило до сихъ поръ въ науку гражданскаго права при всемъ общеюридическомъ его значеніи. Мы также были пріятно удивлены согласіемъ взгляда Коркунова съ нашимъ собственнымъ убѣжденіемъ, что понятіе общества имѣетъ чисто энциклопедическій характеръ, и что поэтому умѣстнѣе всего разсматривать вопросъ объ отношеніи права и государства къ обществу въ энциклопедіи права. Этотъ вопросъ разрѣшается авторомъ съ точки зрѣнія современныхъ научныхъ взглядовъ на отношеніе отдѣльной личности къ обществу,—новѣйшей психической теоріи общества (187 и 205 с.), къ которой мы еще возвратимся. Наконецъ, нужно еще отмѣтить, какъ особенную, выдающуюся черту курса энциклопедіи права Коркунова, что она является энциклопедіей не только юридическихъ, но и политическихъ наукъ, вслѣдствіе того, что авторъ даетъ въ ней основныя понятія изъ науки о государствѣ. Необходимость внесенія въ энциклопедію права этихъ общихъ политическихъ понятій оправдывается тѣмъ, что понятіе государства нераздѣльно связано съ понятіемъ права, котораго оно только органъ, и, кромѣ того, въ системѣ юридическихъ наукъ есть цѣлый рядъ политическихъ наукъ (государственное, административное право и пр.), спеціальному изученію которыхъ должно предшествовать знакомство съ общими политическими понятіями. На сколько важно подобное ихъ изложеніе въ энциклопеціи права, это доказывается, между прочимъ, тѣмъ фактомъ, что въ нѣмецкой юридической литературѣ существуютъ даже особыя энциклопедіи политическихъ наукъ, напр., *Р. Моля* и, отчасти, *Глазера*. Впрочемъ, это выдѣленіе об-

щихъ понятій о государствѣ въ особую, самостоятельную науку представляется намъ излишнимъ въ виду того, что эти понятія болѣе подробно разсматриваются въ наукѣ государственнаго права. Основныя-же, общія политическія понятія всего умѣстнѣе сообщать въ энциклопедіи права, которая имѣетъ обобщающій характеръ по отношенію какъ къ юридическимъ, такъ, въ особенности, политическимъ наукамъ: въ нее входятъ такіе вопросы несомнѣнно болѣе политическаго свойства, какъ главный и коренной вопросъ о понятіи права, — объ его образованіи, вопросы о систематикѣ и методикѣ права, о наукѣ права и пр. По этому-то венгерскій юристъ-энциклопедистъ *Вирошилъ* и разсматриваетъ въ своей „юридической энциклопедіи“ на ряду съ чисто юридическими понятіями и общія политическія понятія. Но, помимо всѣхъ этихъ научныхъ соображеній въ пользу внесенія въ энциклопедію права и основныхъ понятій изъ науки о государствѣ, для русскаго энциклопедиста-юриста есть теперь и особый, хотя и внѣшній, поводъ излагать въ этой наукѣ и общія политическія понятія. По новому университетскому уставу (1884 г.) въ университетахъ преподается только русское государственное право, а иностранное (общее) государственное право въ нихъ почти не существуетъ. Поэтому-то является необходимымъ предварительно познакомить студентовъ хотя съ общими, основными понятіями изъ науки о государствѣ, безъ знанія которыхъ не можетъ быть успѣшно преподаваніе и изученіе самого русскаго государственнаго права. Кромѣ разсмотрѣнныхъ нами общихъ вопросовъ права, у Коркунова есть еще въ той-же 1-й части энциклопедіи права и вопросъ о формѣ образованія права, которымъ и оканчивается его книга. Этотъ вопросъ излагается имъ также съ тою-же эрудиціей и знаніемъ дѣла, которыя отличаютъ и все его сочиненіе. Но на ряду съ этими и другими достоинствами труда Коркунова въ немъ есть и нѣкоторые недостатки, на которыхъ мы позволяемъ себѣ также остановиться для болѣе справедливой оцѣнки научнаго значенія книги Коркунова.

Обращаясь къ этой, такъ сказать, отрицательной сторонѣ

сочиненія Коркунова, мы, прежде всего, не можемъ не высказать своего удивленія по поводу разсужденій автора о причинахъ цѣлаго ряда неудачныхъ попытокъ, которыя предпринимали до сихъ поръ нѣмецкіе ученые для составленія руководства по энциклопедіи права, какъ особой науки въ духѣ идей Шеллинга и Гегеля. Констатируя возвращеніе нѣмецкихъ юристовъ „къ старому, уже совсѣмъ было осужденному пониманію ея, какъ краткаго изложенія содержанія спеціальныхъ юридическихъ наукъ безъ всякаго внутренняго единства“ (15), Коркуновъ видитъ объясненіе этого факта въ томъ, „что юристы извѣрились въ возможности осуществленія идеи Гегеля и Шеллинга создать изъ энциклопедіи науку, которая была-бы самостоятельной наукой и, вмѣстѣ съ тѣмъ, обнимала содержаніе всѣхъ отдѣльныхъ юридическихъ наукъ“. Но противъ этой мысли Коркунова говоритъ, прежде всего, самое, разбираемое здѣсь, сочиненіе автора, въ которомъ онъ съумѣлъ такъ удачно провести идею объ энциклопедіи права, какъ „самостоятельной наукѣ“ въ смыслѣ общей теоріи права, которая и „обнимаетъ собою у него содержаніе всѣхъ отраслей правовѣдѣнія“. Самостоятельное значеніе общей теоріи права, его философіи въ ряду другихъ юридическихъ наукъ признано, по словамъ самого-же Коркунова, и другими русскими юристами—энциклопедистами: „отсутствіе преобладанія гражданскаго права въ русскихъ университетахъ и разнообразіе, преподаваемыхъ въ нихъ, юридическихъ предметовъ, требуютъ, говоритъ онъ, отъ русской энциклопедіи не конспекта спеціальныхъ наукъ, а общей теоріи права“ (30—31 с.). Такую общую теорію права и представляютъ собою курсы энциклопедіи права Капустина, Карасевича, Ренненкампфа, Делярова и, отчасти, Неволина (въ 1-й части). Между тѣмъ, продолжаетъ Коркуновъ, „у нѣмцевъ преподаваніе права сводится къ изложенію одного гражданскаго права въ разнобразныхъ его видахъ. Другія отрасли права у нихъ только терпимы. Немудрено, поэтому, что введеніемъ въ изученіе науки права у нихъ служитъ не общее ученіе о правѣ, а просто предварительное краткое изложеніе того-же гражданскаго пра-

ва, да иногда еще, какъ у Пюттера, Аренса, Варнкёнига, всеобщая исторія права“ (30 с.). Кромѣ этой причины неудачи нѣмецкихъ юристовъ въ разработкѣ идеи объ энциклопедіи права, какъ наукѣ самостоятельной, можно видѣть еще другую причину такого неуспѣха, съ одной стороны, въ общемъ упадкѣ въ европейскомъ обществѣ философскаго знанія, а съ другой, въ трудности выработать общую теорію права при современномъ состояніи юридической и соціальной науки и вообще всего знанія. Во всякомъ случаѣ отсутствіе въ Германіи руководствъ по энциклопедіи права въ видѣ самостоятельной науки еще не говоритъ противъ возможности осуществленія этой идеи, впервые выставленной нѣмецкими же учеными, —Шеллингомъ и Гегелемъ, послѣ которыхъ въ Германіи стала постепенно развиваться мысль о необходимости создать изъ энциклопедіи права именно такую самостоятельную науку. Такой именно взглядъ на нее высказываютъ многіе современные ученые нѣмецкіе юристы, Мюллеръ, Постъ, Шютце и Меркель, который недавно и далъ въ своей юридической энциклопедіи, въ 1-й ея части общую теорію права, хотя и съ многими существенными пропусками. Такимъ образомъ, въ настоящемъ упадкѣ энциклопедич. литературы мы склонны видѣть, вопреки мнѣнію Коркунова, лишь временное явленіе, зависящее отъ особенныхъ причинъ, но не „признакъ несостоятельности самой идеи энциклопедіи права“ (16 с.), какъ самостоятельной науки. Поэтому же совершенно излишнее приводить въ данномъ случаѣ математическое доказательство Конопака о несостоятельности этой идеи, которая ясна изъ самого содержанія книги Коркунова. Совершенно другаго мнѣнія мы о, приводимомъ имъ здѣсь, общемъ понятіи права. Мы встрѣчаемъ въ его книгѣ не одно, а нѣсколько опредѣленій этого понятія, которыя непохожи другъ на друга. Недостаточность нѣкоторыхъ изъ нихъ сознаетъ самъ Коркуновъ. Такъ, напр., на 34 стр. право опредѣляется имъ, какъ „правило, норма человѣческой дѣятельности, осуществляемое чрезъ посредство сознательной воли человѣка и потому допускающее нарушеніе“. Но это понятіе тутъ же оказывается и неправильнымъ,

такъ какъ подъ него „подходятъ, по словамъ Коркунова, и правила нравственности и цѣлесообразности, которыя также осуществляются человѣческой волей и могутъ быть нарушены“. Поэтому-то онъ обращается къ уясненію сущности всѣхъ этихъ правилъ и приходитъ къ заключенію, что право можетъ быть опредѣлено, какъ *норма разграниченія интересовъ различныхъ личностей* (42—43 с.). Съ такимъ характеромъ право является во всѣхъ сферахъ юридической жизни и имъ же обусловливается и различіе права и морали (Ibid.). Но это общее значеніе, выставленнаго Коркуновымъ, понятія права подрывается другими его-же взглядами на право, высказываемыми имъ въ разныхъ мѣстахъ книги. Такъ на 123 стр. говорится: „каждая юридическая норма содержитъ опредѣленіе порядка пользованія силами для осуществленія разнообразныхъ человѣческихъ интересовъ съ цѣлью устранить ихъ столкновеніе“. Здѣсь въ понятіе права вносится, очевидно, уже новый элементъ, незаключающійся въ 1-мъ опредѣленіи,—„осуществленіе интересовъ“, какъ цѣль ихъ предварительнаго разграниченія. На 137 стр. право, оказывается, уже „не предоставляетъ человѣку пользованія даже собственными силами“, а „ограничиваетъ и охраняетъ“. Это ограниченіе характеризуется далѣе, какъ „ограниченіе свободы человѣческихъ дѣйствій“ (138 с.). Но на 142 стр. допускаются и такія юридическія нормы, которыя могутъ расширять и положительную, фактическую возможность осуществленія человѣческихъ интересовъ. На 165 же стр. право опредѣляется просто, какъ „возможность пользоваться чѣмъ-либо“. При всѣхъ этихъ опредѣленіяхъ права не обращается особеннаго вниманія на различіе между объективнымъ и субъективнымъ правомъ, такъ какъ опредѣленія одного и того-же характера встрѣчаются у Коркунова въ отдѣлахъ, посвященныхъ объективному праву и—праву субъективному (2 кн., 1—2 гл.). Такъ опредѣленіе права, какъ ограничительныхъ нормъ, встрѣчается и въ главѣ объ объективномъ правѣ (114 с.) и—о субъективномъ (137—8 с.). Съ другой стороны, и взглядъ на право, какъ норму, опредѣляющую способы пользованія силами для осуществленія

человѣческихъ интересовъ встрѣчается также въ обоихъ отдѣлахъ (123, 142 и 165 с). Очевидно, однако, что пониманіе права, какъ нормъ ограничительныхъ и запретительныхъ является у Коркунова кардинальнымъ. Это видно, какъ изъ того, что онъ ставитъ это понятіе права во главѣ остальныхъ (42—3 с.) и не разъ возвращается къ нему въ книгѣ, такъ и изъ того, что имъ всѣ юридическія нормы подводятся подъ понятіе запрета (114 с.). „Юридическія нормы, говоритъ Коркуновъ, представляютъ всегда или *запретъ*, или *велѣніе*, или *ограниченіе дозволенія* извѣстн. условіями. Двѣ послѣднія формы—лишь видоизмѣненіе первой: велѣніе совершить дѣйствіе совершенно равнозначуще *съ запрещеніемъ его не совершать*; условное допущеніе—*съ запрещеніемъ совершать безъ соблюденія указанныхъ условій* (Ib.). Такой родъ аргументаціи свидѣтельствуетъ, конечно, объ умѣньи автора доказывать логически ту или другую, защищаемую имъ мысль, но, всетаки, она не болѣе, какъ софизмъ. Когда право повелѣваетъ человѣку что-либо сдѣлать или допускаетъ совершеніе имъ тѣхъ или другихъ дѣйствій при извѣстныхъ условіяхъ, то въ этихъ случаяхъ, очевидно, рѣчь идетъ прямо о *положительныхъ* дѣйствіяхъ, посредствомъ которыхъ осуществляется чей-либо интересъ; никому при этомъ и не приходитъ въ голову, что извѣстное, *положительное* право вытекаетъ изъ отрицанія, запрещенія права поступать въ данномъ случаѣ иначе, нежели какъ требуется повелительной или дозволительной юридической нормой. Та и другая юридическая норма представляется всѣмъ исключительно съ *положительнымъ содержаніемъ*; каждый видитъ въ нихъ уполномочіе на *разширеніе*, а не на *ограниченіе* своей свободы. Поэтому повелительныя и дозволительныя юридическія нормы редактируются въ положительной формѣ, а не въ отрицательной, запретительной, которая присвояется юридическимъ нормамъ, запрещающимъ что-либо *не дѣлать*. Повидимому, и самъ Коркуновъ не придаетъ особеннаго значенія этому подведенію всѣхъ юридическихъ нормъ подъ понятіе запрета, если въ другомъ мѣстѣ своей книги онъ отличаетъ отъ

юридическихъ нормъ, *запрещающихъ* извѣстныя дѣйствія, какъ юридическія нормы, *требующія предоставленія* какой-либо вещи или пользованія ею другому лицу, такъ и нормы права, требующія *содѣянія* чего-либо, совершенія какого-либо дѣйствія (67 с.). Юридическія нормы этой послѣдней категоріи не относятся къ двумъ первымъ категоріямъ (Ibid.). Слѣдовательно, здѣсь признается самостоятельное значеніе двухъ или, точнѣе, всѣхъ трехъ родовъ юридическихъ нормъ, подводимымъ потомъ Коркуновымъ подъ одну форму запрета. Въ этомъ-же мѣстѣ ясно высказывается его взглядъ, что нельзя ограничиться отрицательнымъ понятіемъ права: съ этимъ понятіемъ неразрывно связано, довольно прочно укоренившееся въ наукѣ права, представленіе о принудительномъ характерѣ всякаго права, между тѣмъ какъ Коркунову представляется неправильными и, какъ такое воззрѣніе на принужденіе, какъ на существенный признакъ понятія права, такъ и, вытекающая отсюда, попытка ограничить сферу права отрицательными велѣніями (Ibid.). Такой-же положительный характеръ имѣютъ и нѣкоторыя, приведенныя нами, опредѣленія права у Коркунова, по которымъ роль его въ обществѣ заключается въ преслѣдованіи положительныхъ цѣлей (123, 142 и 165 стр.). Но разъ признается, что въ обществѣ могутъ возникать такого рода положительные интересы, осуществленіе которыхъ составляетъ непосредственную задачу права, тогда необходимо допустить и дозволительныя юридическія нормы, которыя отвергаются Коркуновымъ (115—17 с.). Отдѣльному лицу или же государственному учрежденію можетъ быть предоставлено правомъ совершеніе дѣйствій при извѣстныхъ условіяхъ, причемъ, въ случаѣ отсутствія такого дозволеннаго юридическаго дѣйствія, само право восполняетъ волю лицъ, почему-либо невоспользовавшихся своимъ дозволеннымъ правомъ. Обусловленность подобныхъ юридическихъ дѣйствій, которая въ глазахъ Коркунова отнимаетъ у нихъ характеръ дозволенія (116 с.), нисколько не говоритъ противъ возможности дозволительн. юридическихъ нормъ, такъ какъ всѣ юридическія нормы, не исключая и запретительныхъ, по справедливому

замѣчанію Коркунова, „суть всегда условныя правила“ (118 с.). Примѣненіе каждой юридической нормы ставится въ зависимость отъ наличности изв. фактовъ, извѣстныхъ предположеній, какъ необходимаго элемента всякой юридической нормы (Ibid.); тѣмъ болѣе условный характеръ должны имѣть дозволительныя юридическія нормы, при которыхъ прямо правомъ указываются извѣстныя условія ихъ примѣненія, причемъ оцѣнка ихъ годности для этой цѣли предоставляется въ извѣстной мѣрѣ и заинтересованному лицу или учрежденію. Но даже, и помимо всѣхъ этихъ, указанныхъ нами, недостатковъ въ отрицательномъ опредѣленіи понятія права у Коркунова, въ самомъ понятіи права, какъ только разграниченія интересовъ, скрывается много неяснаго и неопредѣленнаго. Въ самомъ дѣлѣ, если право разграничиваетъ интересы отдѣльныхъ лицъ въ обществѣ, то спрашивается, съ какою цѣлью дѣлается это разграниченіе, для чего оно нужно въ обществѣ? Этотъ вопросъ приходитъ въ голову и самому Коркунову, который говоритъ, что въ его опредѣленіи права „не указано самое содержаніе юридическихъ нормъ,—какой принципъ лежитъ въ основаніи этого разграниченія правомъ интересовъ“ (54 с.). Но, сознавая этотъ недостатокъ своего опредѣленія права, Коркуновъ въ то-же время отвергаетъ всякую возможность включить въ понятіе права какіе-либо признаки, указывающіе на этотъ принципъ разграниченія интересовъ, такъ какъ содержаніе права представляется, по его словамъ, крайне разнообразнымъ и измѣнчивымъ въ разл. истор. эпохи (Ibid.). Въ особенности подвергается рѣзкой критикѣ Коркунова, сильно распространенное, опредѣленіе права, какъ „нормы свободы“ (56 с.), которое есть „выраженіе индивидуалистическаго направленія въ наукѣ права“ (57 с.), хотя свобода, по взгляду Коркунова же, и есть одинъ изъ основныхъ принциповъ права, которые выясняются въ энциклопедіи права (33 с.). Всѣ его возраженія противъ этого опредѣленія права ставятся съ точки зрѣнія собственнаго его пониманія права и, кромѣ того, построены на чисто отрицательномъ понятіи свободы, обыденнаго, но не научнаго представленія о ней. Сво-

бода, по Коркунову, „все то, что не составляетъ полнаго рабства, противоположность рабства. Свобода и рабство—два крайнихъ полюса, между которыми цѣлый рядъ различныхъ формъ зависимости, несвободы“ (56—7 с.). Въ этомъ опредѣленіи свободы не заключается, однако, какихъ-либо существенныхъ признаковъ ея понятія. Изъ словъ Коркунова можно вывести только то заключеніе, что онъ противополагаетъ вообще свободу зависимости всякаго рода. Отсюда объясняется слѣдующее выраженіе, что „юридическія нормы никогда не устанавливаютъ *полной свободы*, что онѣ, разграничивая интересы, по необходимости всегда представляютъ собою ограниченіе свободы“ (Ibid., ср. 137—8 с.), что это „противоположеніе свободы зависимости не можетъ быть констатировано во многихъ случаяхъ, гдѣ дѣло идетъ не объ „отмежеваніи свободы одного отъ свободы другихъ“ (58 с.), а только о разграниченіи интересовъ. Съ такимъ пониманіемъ свободы, какъ отсутствія зависимости членовъ общества другъ отъ друга, понятіе права Коркунова еще можетъ быть примиримо, хотя и при этомъ случаѣ останется неясною цѣль разграниченія интересовъ, какъ сущности права. Но свобода личности въ дѣйствительности никогда и нигдѣ не представляетъ такого отсутствія ея зависимости отъ другихъ членовъ общества, самое возникновеніе котораго есть „неустранимый фактъ взаимной зависимости людей, вытекающій изъ различнаго рода условій (физіологическихъ, экономическихъ, психическихъ и проч.)—220 с. Все дальнѣйшее развитіе общественной жизни „неразрывно связано съ возрастаніемъ зависимости людей другъ отъ друга, причемъ общественное развитіе ведетъ обыкновенно къ большему расширенію и обезпеченію личной свободы“ (222 с.). Такимъ образомъ, свобода и зависимость, по словамъ того-же Коркунова, не только не противополагаются въ жизни другъ другу, а оказываются общественными явленіями, даже неразрывно связанными другъ съ другомъ, такъ что, слѣдовательно, опредѣленія понятія свободы нужно искать не въ противоположеніи ея зависимости, а въ условіяхъ возникновенія и цѣли свободы въ обществѣ. Свобода личности мыслима

только въ обществѣ, въ которомъ право обезпечиваетъ человѣку болѣе или менѣе полное удовлетвореніе потребностей человѣческой природы, осуществленіе различныхъ интересовъ человѣка. Эта большая или меньшая степень ихъ осуществленія, обезпечиваемая правомъ, и составляетъ *свободу человѣческой личности*, которая въ своемъ возникновеніи и развитіи зависитъ отъ массы разнообразныхъ историческихъ условій жизни въ каждомъ данномъ обществѣ и во всемъ человѣчествѣ. При такомъ пониманіи личной свободы, подтверждаемомъ всей исторіей общественнаго развитія, самое понятіе права и его функція въ обществѣ представляются въ совершенно другомъ свѣтѣ: право оказывается только необходимымъ средствомъ для достиженія цѣлей свободы, допускаемой въ извѣстномъ обществѣ при данныхъ условіяхъ его соціальнаго строя, такъ что съ этой точки зрѣнія и крѣпостное состояніе представляетъ по сравненію его съ полнымъ рабствомъ извѣстную, хотя и незначительную степень личной свободы. Крѣпостной владѣлъ нѣкоторыми личными и имущественными правами, между тѣмъ какъ рабъ былъ только вещью. Противъ такого представленія объ отношеніи права къ свободѣ совершенно безсильно и мнѣніе Коркунова о невозможности признать опредѣленіе права, какъ норму свободы на томъ основаніи, что оно остатокъ индивидуалистическаго направленія въ наукѣ права. Никто не можетъ отрицать, что это опредѣленіе права обязано своимъ возникновеніемъ и развитіемъ именно этому научному направленію, но никто также и не можетъ обязать насъ принимать его теперь во всей своей первоначальной односторонности. Современная наука права рѣшительно отвергла, долго господствовавшій въ ней, взглядъ школы естественнаго права на общество, право и государство, какъ на результатъ произвольной дѣятельности отдѣльныхъ лицъ. Теперь, наоборотъ, прочно укоренилось въ ней убѣжденіе, что „сама человѣческая личность можетъ жить и развиваться только въ обществѣ“, которому она обязана всѣмъ въ своей жизни, но что, вмѣстѣ съ тѣмъ, „личность сохраняетъ свою самобытность, свои особыя цѣли, несливающіяся съ общественными“ (205 с.).

При такомъ совершонно правильномъ воззрѣніи на взаимныя отношенія между личностью и обществомъ указанное опредѣленіе права должно быть только разширено, т. е., право должно опредѣляться, какъ норма свободы, личной и общественной,—общественный институтъ, одинаково служащій разнообразнымъ цѣлямъ отдѣльной личности и всего общества. Отсюда-же вытекаетъ задача права въ общественной жизни, гдѣ оно дѣйствительно „разграничиваетъ“ интересы членовъ общества, но съ цѣлью не „ограниченія“, а осуществленія ихъ интересовъ, разширенія сферы личной свободы людей въ обществѣ. Мы уже видѣли, что и Коркуновъ въ сущности держится того-же мнѣнія о роли права въ обществѣ (123, 143 и др. стр.); и для него „интересы свободы представляются на ряду съ интересами мира наиболѣе дорогими и предпочтительными: въ современномъ правосознаніи цивилизованныхъ народовъ интересу личной свободы принадлежитъ выдающаяся роль“ (126 с.). Важное значеніе свободы для пониманія сущности права выражается и во взглядѣ Коркунова на особенность природы общества и положеніе въ немъ человѣческой личности, который долженъ былъ-бы заставить его не полемизировать съ представителями „индивидуалистическаго“ пониманія права, а принять его съ необходимыми дополненіями и измѣненіями, сообразными съ дѣйствительными отношеніями личности къ обществу. Если характерная черта общества заключается въ существованіи въ немъ идеаловъ, выставляемыхъ отдѣльными личностями (187—9 с.), если человѣкъ имѣетъ возможность преслѣдовать на ряду съ общественными идеалами и свои собственныя цѣли (205 с.), тогда становится вполнѣ яснымъ, что право не можетъ при такихъ взаимныхъ и тѣсныхъ отношеніяхъ личности и общества ограничиваться отрицательною ролью, не можетъ устанавливать только одни запрещенія, когда и общество, и личность нуждаются въ *положительной* помощи права для широкаго развитія своихъ силъ и потребностей и всесторонняго ихъ удовлетворенія. И современная жизнь европейскаго общества, какъ нельзя лучше, подтверждаетъ эту нашу мысль о преобладаніи положительной сто-

роны въ понятіи права надъ отрицательной, такъ какъ никогда еще въ исторіи человѣчества не проявлялось такъ широко все могущественное значеніе юридическихъ и политическихъ учрежденій въ дѣлѣ достиженія отдѣльною личностью всѣхъ разнообразныхъ цѣлей ея дѣятельности въ современномъ обществѣ. Коркуновъ игнорировалъ этотъ фактъ положительнаго содѣйствія права осуществленію интересовъ современнаго европейскаго общества, вслѣдствіе чего имъ отвергается и самое понятіе свободы, такъ важное для установленія понятія права Тоже своеобразное и невѣрное ея пониманіе отразилось и на вопросѣ о свободѣ воли, въ которомъ Коркуновъ дошелъ также только до отрицательныхъ результатовъ. Весь вопросъ о свободѣ воли сводится, по словамъ Коркунова, къ тому, подчинены ли акты нашей воли закону причинности или нѣтъ, дѣйствуетъ ли воля человѣка совершенно независимо отъ этого закона и сама является самостоятельной причиной всѣхъ явленій въ человѣческой жизни, или же наоборотъ, наша воля—также результатъ предъидущихъ впечатлѣній, желаній и побужденій? (195 с.). Коркуновъ доказываетъ несомнѣнное подчиненіе нашей воли закону причинности и отсюда выводитъ то заключеніе, что полной, абсолютной свободы воли вовсе не существуетъ въ человѣкѣ. Подобное ея пониманіе не приводитъ, по его мнѣнію, къ фатализму, который не занимается вопросомъ о томъ, имѣетъ ли воля сама причину, а отвѣчаетъ лишь отрицательно на вопросъ о томъ, есть-ли воля причина явленій? Поэтому признаніе воли несвободной не ведетъ ни къ какимъ, страшнымъ выводамъ, (197 с.). Такая постановка вопроса о свободѣ воли Коркуновымъ позволяетъ ему разбить, одну за другою, всѣ попытки различныхъ ученыхъ (Фулье, Рида и др.) найти свободу воли въ человѣкѣ. Въ числѣ главныхъ аргументовъ противъ нихъ служитъ, конечно, доказательство общности, распространенности во всемъ мірѣ закона причинности, которому такъ рѣзко противорѣчитъ понятіе абсолютной свободы воли, полнѣйшей независимости человѣка въ своихъ дѣйствіяхъ. Но подчиненіе человѣческихъ дѣйствій этому закону и не можетъ отрицать кто-либо,

знакомый съ современнымъ состояніемъ психологіи и остальн. знанія. Съ другой стороны, едва-ли также найдется въ настоящее время ученый, который рѣшился-бы защищать, давно уже устарѣлый и въ высшей степени несостоятельный, взглядъ Канта, Шопенгауэра и другихъ идеалистовъ на свободу воли человѣка, какъ на совершеннѣйшую независимость человѣка отъ различныхъ, опредѣляющихъ ее, мотивовъ. Вліяніе этихъ послѣднихъ на человѣческую дѣятельность не представляется, однако, также безусловно необходимымъ, какъ въ физическихъ явленіяхъ, гдѣ извѣстная причина неизбѣжно-вызываетъ и извѣстныя послѣдствія. Причины человѣческихъ дѣйствій никогда не бываютъ непреодолимы, и ихъ вліяніе можетъ быть, какъ справедливо замѣчаетъ *Д. С. Миллъ* (Логика 2 т., 284 стр. и сл.), измѣнено самимъ человѣкомъ, который *самъ* создаетъ свой характеръ, и дѣйствуетъ часто вопреки обстоятельствамъ своей жизни. Конечно, всѣ условія жизни человѣка имѣютъ извѣстное вліяніе на всю дальнѣйшую его судьбу, но въ тоже время, какъ часто бываетъ, что при однихъ и тѣхъ-же условіяхъ выработываются у людей различные характеры, что, напр., у однихъ и тѣхъ-же родителей выходятъ дѣти, различные по своему индивидуальному характеру. Обыденная жизнь даетъ также немало примѣровъ того, какъ человѣкъ путемъ постоянной работы надъ самимъ собою,—неуклонной и энергичной дѣятельности въ преслѣдованіи цѣлей, поставленныхъ имъ же самимъ, вырабатываетъ твердую, самостоятельную волю, дѣйствуетъ всегда согласно съ своими убѣжденіями и достигаетъ выдающагося положенія въ обществѣ. Мы поэтому въ правѣ признать въ человѣкѣ свободу воли, какъ способность къ самостоятельному преслѣдованію своихъ собственныхъ цѣлей, самостоятельной дѣятельности, направляемой извѣстными побужденіями. Эти мотивы человѣческой дѣятельности *сознаются* человѣкомъ, какъ средства для достиженія его цѣлей, въ виду которыхъ онъ выбираетъ между этими мотивами наиболѣе подходящіе къ цѣли. Но эта самостоятельность человѣка въ своихъ дѣйствіяхъ имѣетъ относител. характеръ, не исключаетъ извѣстной степени

подчиненія его закону причинности, вліяніе котораго на человѣческую дѣятельность только измѣняется, такъ какъ она имѣетъ видъ условной необходимости. При такомъ признаніи свободы воли въ человѣкѣ уничтожается и всякое значеніе фаталистическаго ученія объ отсутствіи въ немъ свободы воли со всѣми его „страшными“ послѣдствіями для нравственной и юридической жизни человѣка. Какъ бы мы не представляли отношеніе фатализма къ вопросу о свободѣ воли, во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что онъ ставитъ всю человѣческую дѣятельность въ роковую зависимость отъ высшей, внѣшней силы, которая *одна* направляетъ человѣческія дѣйствія, *безусловно* распоряжается ими, ведетъ людей, помимо ихъ желаній, къ какой-то невѣдомой ими цѣли и заставляетъ ихъ сложить съ себя всякую отвѣтственность, нравственную и юридическую, за свои дѣйствія. Всѣ эти дѣйствительно „страшные“ результаты фаталистическаго ученія остаются въ силѣ, разъ мы нашли, что признаніе свободной воли въ человѣкѣ не противорѣчитъ закону причинности: фатализмъ отвѣчаетъ отрицательно на вопросъ, есть-ли воля причина человѣческихъ дѣйствій и указываетъ эту причину во внѣшней силѣ, связывающей всю человѣческую дѣятельность, исключающей всякую мысль объ ея даже и относительной самостоятельности. Едва-ли нужно здѣсь доказывать всю несостоятельность фаталистическаго ученія, блестящ. опроверженіемъ которому служитъ вся исторія прогрессивнаго развитія человѣчества при помощи дѣятельности отдѣльныхъ лицъ. Взглядъ Коркунова на свободу воли, сильно напоминающій тотъ-же фатализмъ своимъ безусловнымъ преклоненіемъ предъ закономъ причинности,—мотивами человѣческой дѣятельности, тѣмъ болѣе кажется намъ страннымъ, что онъ противорѣчитъ его-же собственному воззрѣнію на возможность „относительной самостоятельности“ человѣка въ своихъ дѣйствіяхъ, доказываемой новѣйшей психической теоріей объ отношеніи личности къ обществу (192 и 205 с.). Эта теорія ставитъ Коркунова въ затруднительное положеніе вслѣдствіе необходимости помирить ея выводы съ отрицательнымъ его взглядомъ на свободу воли въ человѣкѣ. Съ

этимъ послѣднимъ взглядомъ какъ-то не вяжутся слѣдующія слова Коркунова: „мы по *нашей волѣ* можемъ усиливать или ослаблять, вызывать или устранять впечатлѣнія, получаемыя нами извнѣ“ (203 с.). Положимъ, для объясненія этого факта онъ призываетъ на помощь еще психологическій законъ ассоціаціи идей, который долженъ объяснить самостоятельный характеръ человѣческихъ дѣйствій (Ib.). Но что однимъ этимъ закономъ невозможно объяснить указаннаго явленія, это видно опять изъ дальнѣйшихъ разсужденій Коркунова о самостоятельности человѣческой личности въ созданіи и преслѣдованіи своихъ цѣлей. „Всякая, *сознаваемая* личностью цѣль, есть, говоритъ онъ, продуктъ *ея* психической жизни... Каждая личность *создаетъ* себѣ свой особый міръ, въ которомъ она и живетъ. Все внѣшнее получаетъ для нея то или другое значеніе, воздѣйствуетъ на нее такъ или иначе, смотря потому, къ какому мѣсту пріурочена оно въ этомъ, *самою личностью созданномъ для себя, мірѣ*. Отдѣльная *личность* самобытна, *самостоятельна*, имѣетъ *свои особыя цѣли*, которыя не сливаются съ общественными (204—5 с.). Отдѣльныя же лица *создаютъ* и общественные идеалы, которые составляютъ особенность природы общества и цѣль общественнаго развитія“ (189 с.), достигаемаго при помощи дѣятельности отдѣльныхъ лицъ. При такой вѣрной оцѣнкѣ природы общества, позволяющей Коркунову опровергнуть воззрѣнія на него органической школы, въ особенности-же Спенсера (39 §), ему въ тоже время не удалось исчерпать всего вопроса о понятіи общества въ той его полнотѣ, которая необходима для правильнаго его опредѣленія. Коркуновъ принимаетъ взглядъ *Р. ф.-Моля* на общество, какъ на „совокупность общественныхъ группъ, въ основаніи которыхъ лежитъ какой-либо общій и постоянный интересъ“ (214 с.) и отвергаетъ опредѣленіе общества *Аренсомъ*, хотя въ сущности оба эти ученые согласны относительно главнаго признака понятія общества,—необходимости предварительнаго существованія извѣстной цѣли, въ которой выражается извѣстный интересъ, извѣстная потребность человѣческой природы. Мы думаемъ, что

взглядъ Аренса на общество съ нѣкоторой поправкой даже предпочтительнѣе воззрѣнія Моля, требующаго значительныхъ исправленій. По мнѣнію Моля, „въ основѣ каждой общественной группы лежитъ единство интересовъ“ (Ibid.), между тѣмъ какъ такое единство въ національности и общинѣ есть, какъ правильно замѣчаетъ Коркуновъ, не непосредственная причина, а лишь результатъ ихъ образованія (214—15 с.). Этого недостатка въ опредѣленіи общества Аренсъ избѣгаетъ, такъ какъ въ его понятіи не предполагается такого существованія единства интересовъ, какъ предварительнаго условія возникновенія общества; для этого достаточно, по мысли Аренса, вообще только наличности извѣстной потребности, извѣстной цѣли, общей цѣлой группѣ людей. Отсюда ясно, что понятіе общества отличается широкимъ объемомъ, что подъ это понятіе подходятъ всякаго рода союзы людей, возникающіе въ виду удовлетворенія различныхъ потребностей людей: семья, родъ, племя, народъ, государство, церковь и пр. Въ основѣ каждаго изъ этихъ общественныхъ соединеній лежитъ тотъ или другой интересъ, общій всѣмъ членамъ союза. Понятіе-же общества у Моля приложимо только къ обществу уже на высшей ступени его развитія, когда въ немъ появляется такого рода „совокупность общественныхъ группъ“, выражающихъ всю многочисленность и разнообразіе потребностей сложнаго соціальнаго быта. Ни примитивная семья, ни родъ, ни племя, ни община, ни вообще каждое изъ общественныхъ соединеній людей въ виду достиженія той или другой, общей имъ, цѣли не подходятъ въотдѣльности подъ понятіе Моля. Этотъ послѣдній, желая выяснить черты различія между обществомъ и государствомъ, отдѣляетъ совершенно другъ отъ друга понятія общества и государства, противъ чего такъ сильно возсталъ *Трейтчке* (въ „Gesellschaftswissenschaft“), доказывающій тѣсную связь между обществомъ и государствомъ. Выяснить это отношеніе между ними представляется особенно необходимымъ въ виду ходячихъ въ нѣмецкой юридической литературѣ, крайне односторонникъ воззрѣній на контрастъ между

обществомъ и государствомъ [1]), которыя исключаютъ взглядъ на общество, какъ на сферу свободной дѣятельности человѣка, въ которой онъ преслѣдуетъ разнообразныя цѣли, различные идеалы человѣческой жизни. Цѣли свободы достигаются людьми при помощи права и его органа—государства. Но при такой тѣсной и неразрывной связи государства съ обществомъ, между ними есть и существенное различіе, выражающееся, прежде всего, въ томъ, что государство представляетъ собою одинъ изъ общественныхъ союзовъ, цѣль котораго заключается въ осуществленіи началъ права въ общественной жизни. Далѣе это различіе проявляется и въ всегда опредѣленномъ устройствѣ государства, между тѣмъ какъ не всякій общественный союзъ обладаетъ такими прочно организованными учрежденіями, отсутствіе которыхъ служитъ часто причиной неуспѣха въ дѣятельности такихъ общественныхъ союзовъ. Въ противоположность обществу государство предполагаетъ всегда опредѣленную территорію, населеніе и власть. Коркуновъ признаетъ всѣ эти три необходимыхъ элемента въ понятіи государства (218 с.), но находитъ нужнымъ опредѣлить понятіе государства, какъ „общественнаго союза, отличающагося самостоятельною и исключит. властью принужденія“ (217 с.). Въ этомъ опредѣленіи государства мы не встрѣчаемъ, прежде всего, указанія на территорію, какъ необходимый элементъ въ понятіи государства, который почему-то долженъ подразумѣваться въ данномъ случаѣ, какъ и второй элементъ—населеніе (Ibid.). Мы также не видимъ особенной нужды въ томъ, чтобы включать въ опредѣленіе государства указаніе на принудительный характеръ власти, какъ на отличительную черту государства въ сравненіи его съ другими общественными союзами. Это различіе между обществомъ и государствомъ можетъ быть найдено, какъ мы видѣли, въ другихъ, не менѣе важныхъ признакахъ, между тѣмъ какъ нельзя себѣ представить государственной власти, которая не мо-

---

[1]) См., напр., у Штейна, Гольцендорфа, Гнейста и друг. нѣмецкихъ ученыхъ.

гла-бы принуждать къ выполненію своихъ предписаній. Слѣдовательно, въ понятіи государственной власти уже заключается элементъ принужденія. Выдѣленіе этого элемента Коркуновымъ въ особый признакъ понятія государства прямо противорѣчитъ еще его взгляду на право, въ которомъ принужденіе не составляетъ, по словамъ Коркунова, существеннаго элемента: право—обыкновенно не принудительная норма, оказывается, исходитъ и осуществляется государствомъ, соціальнымъ учрежденіемъ, отличающимся принудительнымъ характеромъ par excellence. Воззрѣнію на принужденіе, какъ второстепенный элементъ въ понятіи права противорѣчитъ также и взглядъ Коркунова на необходимость санкціи *всѣхъ* юридическихъ нормъ, какъ средствъ *понужденія* къ исполненію юридическихъ нормъ, которыя „иначе могутъ остаться мертвою буквою“ (127 с.). Мы не можемъ входить здѣсь въ подробности этого, защищаемаго нашимъ авторомъ, воззрѣнія на второстепенную роль принужденія въ понятіи права. Мы замѣтимъ здѣсь только, что этотъ взглядъ можетъ быть принятъ въ наукѣ права съ большими ограниченіями, что право еще можетъ быть признано непринудительною нормою относительно своего происхожденія, источника, который кроется въ нравственно-разумной сторонѣ человѣческой природы, но что при осуществленіи юридическихъ нормъ принужденіе необходимо выступаетъ на помощь праву въ случаѣ столкновенія различныхъ интересовъ членовъ общества, которые защищаются правомъ. Само право осуществляется обыкновенно органами власти, которая дѣйствуетъ принудительно въ виду удовлетворенія общественныхъ потребностей. Дѣятельность государственной власти проявляется въ дѣятельности государственныхъ учрежденій, которыя Коркуновъ распредѣляетъ совершенно произвольно по пяти „основнымъ“ группамъ: правительство, народъ, судъ, союзныя учрежденія и учрежденія мѣстнаго самоуправленія (228—9 с.). Изъ этихъ пяти группъ можетъ быть удержана только одна—судъ, такъ какъ судебныя учрежденія находятся въ каждомъ государствѣ, какъ необходимая группа государственныхъ учрежденій съ извѣстной, своеобразной функціей. Пра-

вительство относится самимъ Коркуновымъ къ формѣ правленія, опредѣляется имъ, какъ представитель государственнаго единства, какъ органъ власти (235 с.), которая проявляется во всей жизни общества и обнимаетъ собою дѣятельность всѣхъ государственныхъ учрежденій. „Содѣйствіе народа“ государству въ управленіи встрѣчается не въ каждомъ государствѣ и, слѣдовательно, также не можетъ быть отнесено къ числу учрежденій, неизбѣжныхъ въ каждомъ государствѣ. „Союзныя учрежденія“ или федерація, очевидно, возможны только при сложныхъ государствахъ (Staatenbund und Bundesstaat), между тѣмъ какъ система мѣстнаго самоуправленія есть только одна изъ формъ организаціи административной власти, существующая въ государствѣ на ряду съ другой, бюрократической формой ея дѣятельности. Не выдерживаетъ критики и, устанавливаемое Коркуновымъ, различіе между рѣшающими и содѣйствующими государственными учрежденіями съ видами послѣдняго рода учрежденій: подготовляющими, совѣщательными и исполнительными. Всѣ административныя учрежденія—исполнительныя по отношенію къ законодательству, которое принадлежитъ рѣшающимъ государственнымъ учрежденіямъ. Всѣ государственныя учрежденія въ тоже время содѣйствуютъ благосостоянію общества, какъ цѣли дѣятельности въ немъ государства. Достиженіе этой цѣли требуетъ извѣстной подготовки со стороны всѣхъ же государственныхъ учрежденій, спеціальнаго знанія дѣла. Поэтому-то канцеляріи существуютъ какъ при рѣшающихъ, такъ и совѣщательныхъ государственныхъ учрежденіяхъ. Рѣшающія учрежденія могутъ быть противопоставлены скорѣе совѣщательнымъ, что соотвѣтствуетъ и, принятому въ наукѣ о государствѣ, раздѣленію государственныхъ учрежденій по *образу* ихъ дѣятельности на единоличныя и коллегіальныя учрежденія. Коркуновъ же пріурочиваетъ это послѣднее дѣленіе почему-то только къ однимъ рѣшающимъ государственнымъ учрежденіямъ, хотя рѣшительная власть проявляется обыкновенно въ единоличныхъ ея органахъ, а совѣщательный элементъ въ управленіи организуется коллегіально. Трудно также согласиться съ Коркуновымъ, что система ин-

станцій также относится только къ организаціи вообще рѣшающихъ государственныхъ учрежденій (232 с.), когда она можетъ быть примѣнима въособенности при учрежденіяхъ съ полурѣшающимъ и полусовѣщательнымъ характеромъ,—судебныхъ учрежденіяхъ. Коркуновъ обращаетъ мало вниманія на главное дѣленіе всѣхъ государственныхъ учрежденій, на основаніи котораго происходитъ и ихъ организація. Я говорю о дѣленіи всѣхъ государственныхъ учрежденій на законодательныя, административныя и судебныя, вытекающее изъ трехъ главныхъ функцій государственной власти: законодательства, управленія и суда. Въ этомъ различіи функцій власти нашъ авторъ видитъ лишь форму, въ которой можетъ быть принято извѣстное ученіе Монтескье о раздѣленіи властей, но онъ игнорируетъ все сильное вліяніе этого различія функцій власти на организацію способовъ ихъ проявленія въ общественной жизни, устройство государственныхъ учрежденій, самый успѣхъ дѣятельности которыхъ много зависитъ отъ этой своеобразной ихъ организаціи, согласной съ особенными задачами каждой, главной ихъ группы. Коркуновъ находитъ даже неправильною, установившуюся въ государственной наукѣ, тройную классификацію функцій власти, которую, по его мнѣнію, нужно замѣнить двойной, различать только правительственную власть съ ея видами: законодательной и исполнительной и судебную (254 с.). „Судебная функція, говоритъ онъ, гораздо рѣзче отличается отъ функціи исполнительной, нежели исполнительная отъ законодательной“. Но никто не можетъ отвергать, что законодатель создаетъ юридическія нормы, между тѣмъ какъ исполненіе ихъ выпадаетъ на долю органовъ администраціи и суда. Эта цѣль достигается въ административныхъ учрежденіяхъ непосредственнымъ приложеніемъ юридическихъ нормъ; судебныя-же учрежденія заботятся о возстановленіи нарушенныхъ юридическихъ нормъ, возвращеніи имъ первоначальнаго, регулирующаго общественнаго отношенія, значенія, стремятся къ охраненію юридическаго порядка, какъ необходимаго условія для того же примѣненія права къ жизни. Поэтому принято считать судебныя учрежденія толь-

ко однимъ изъ видовъ исполнительныхъ органовъ власти; другимъ-же являются административныя учрежденія. Отсюда ясно, что функціи исполнительной власти не могутъ быть названы однородными съ функціями законодательной, какъ это утверждаетъ Коркуновъ (254 с.). Если администраціи и предоставляется извѣстная доля самостоятельности въ ея дѣятельности, то эта самостоятельность выражается только въ отысканіи наиболѣе цѣлесообразныхъ способовъ примѣненія законодательныхъ положеній, такъ что въ этомъ случаѣ административныя учрежденія не выходятъ изъ предѣловъ, установленныхъ законодательною властью. Соединеніе законодательной власти съ исполнительной въ одномъ учрежденіи можетъ повести даже, какъ замѣчаетъ Монтескье, къ исчезновенію свободы въ обществѣ, обезпеченіе которой составляло у этого писателя цѣль раздѣленія властей. Всѣ другіе доводы Коркунова противъ, установившагося въ государственной наукѣ, тройнаго дѣленія функцій власти, примѣнимаго не только въ констит. государствахъ, но и неограниченныхъ монархіяхъ, на сколько это допускается сущностью этой политической формы, также несостоятельны. Такъ онъ говоритъ, что судебная власть не издаетъ *общихъ* постановленій, какъ это дѣлаетъ исполнительная власть наравнѣ съ законодательной: на самомъ дѣлѣ право судебной власти издавать въ предѣлахъ закона судебныя рѣшенія, получающія обыкновенно общее значеніе по отношенію къ однороднымъ юридическимъ казусамъ, не подвергается никакому сомнѣнію. Таковы, напр., приговоры кассаціонныхъ судовъ во всѣхъ европейскихъ государствахъ, постановленія судовъ справедливости въ Англіи. Исполнительная и законодательная власть, продолжаетъ Коркуновъ, имѣютъ дѣло съ *будущимъ*, судебная съ *прошлымъ*“; но и судебная власть заботится также о будущемъ (о возстановленіи нарушеннаго права и сохраненіи юридическаго порядка), а исполнительная съ законодательной не игнорируютъ въ своей дѣятельности прошлаго страны, съ которымъ эта ихъ дѣятельность находится всегда въ тѣсной связи. Неправильно, далѣе, что „исполнительная и законодательная власть руководятся началами цѣ-

лесообразности, а судебная—исключительно началами права", которое въ одинаковой мѣрѣ нормируетъ дѣятельность всѣхъ государственныхъ учрежденій. Невѣрно, что „исполнительная и законодательная власть имѣютъ организацію, болѣе сходную, нежели судебная, которая рѣзко отличается отъ нихъ своею независимостью отъ правительства и общества": извѣстная доля самостоятельности, независимости требуется и для органовъ законодательства и администраціи въ виду интересовъ общества. Что касается вопроса объ основныхъ началахъ организаціи всѣхъ государственныхъ учрежденій, то всѣ они могутъ дѣйствовать или какъ единоличные, или какъ коллегіальные органы власти, хотя особенности каждой изъ ея функцій и своеобразныя условія жизни каждаго общества и заставляютъ организовывать учрежденія одного рода преимущественно или даже исключительно на однихъ началахъ, а—другаго рода на другихъ. Такъ, необходимыя для исполненія юридическихъ нормъ, быстрота, рѣшительность и энергія принуждаютъ прибѣгать къ организаціи административной власти на единоличномъ началѣ, между тѣмъ какъ важность зрѣлаго и обстоятельнаго обсужденія въ созданіи юридическихъ нормъ и въ вопросахъ о возстановленіи нарушеннаго права ведетъ къ тому, что законодательныя и судебныя учрежденія организуются преимущественно на коллегіальныхъ началахъ. Затѣмъ, въ частности, всѣ *административныя* учрежденія, не исключая и судебныхъ, могутъ быть или бюрократическія, или какъ учрежденія мѣстнаго управленія, смотря по степени политическаго развитія страны. Слѣдовательно, въ этомъ случаѣ сходство началъ организаціи оказывается гораздо большимъ между исполнительными и судебными учрежденіями, нежели между законодательными и исполнительными. Мы не отвергаемъ, далѣе, что судебная власть была ранѣе отдѣлена отъ исполнительной, нежели исполнительная отъ законодательной, но это можетъ быть объяснено особенно важнымъ значеніемъ суда на первоначальныхъ ступеняхъ общественнаго развитія, когда судья былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и законодатель. Наконецъ, совершенно невѣрно замѣчаніе Коркунова, что ученіе о законо

дательствѣ и администраціи соединяются въ одной наукѣ государственнаго права, которая изслѣдуетъ только начала организаціи государства; вопросъ же объ управленіи всецѣло составляетъ предметъ науки административнаго или полицейскаго права.

Въ заключеніе всего этого разбора сочиненія Коркунова, я позволю себѣ сдѣлать нѣсколько общихъ замѣчаній по поводу его взглядовъ на основанія системы права и на науку права, какъ „мнимый“ источникъ права. Что касается перваго вопроса, то намъ кажется неправильнымъ, выставляемый Коркуновымъ, принципъ общепринятаго дѣленія права на частное и публичное. Частное право основывается, по его словамъ, на „подѣленіи объекта пользованія въ частное обладаніе по частямъ, установленіи различія моего и твоего“; публичное право имѣетъ своимъ базисомъ „приспособленіе объекта къ осуществленію опредѣленнаго интереса“ (162 с.). Первое начало можетъ быть еще примѣнено въ сферѣ имущественнаго и наслѣдственнаго права, гдѣ рѣчь идетъ о такомъ раздѣленіи моего и твоего, но какъ подвести подъ него институтъ брака и отношенія между членами семьи, это трудно себѣ представить: при заключеніи брака вовсе не происходитъ какого-либо „подѣленія объекта пользованія въ обладаніе“ каждаго изъ супруговъ, между которыми отношенія опредѣляются обыкновенно мотивами религіозно-моральнаго свойства, но признанными и правомъ. Тоже нужно сказать и про взаимныя отношенія между родителями и дѣтьми. Съ другой стороны, „приспособленіе объекта къ осуществленію опредѣленнаго интереса“, принципъ публичнаго права по Коркунову, примѣнимъ въ области и частнаго права, именно въ сферѣ имущественныхъ интересовъ, гдѣ, напр., можетъ существовать общность владѣнія извѣстнымъ имуществомъ со стороны всѣхъ или нѣсколькихъ членовъ семьи или — отдѣльныхъ гражданъ. Въ сферѣ публичнаго права также можно указать случаи, гдѣ является необходимымъ, „подѣленіе объекта пользованія по частямъ“, напр., при завоеваніи какой-либо части страны извѣстнымъ государствомъ, при общемъ пользованіи со стороны гражданъ разнаго рода матеріальными благами

въ неурожайные годы, произведеніями науки, искусства и пр. Вмѣсто этого искусственнаго основанія классификаціи права, предлагаемаго Коркуновымъ, можно найти естественное начало системы права,—его дѣленія на частное и публичное въ томъ различіи частныхъ интересовъ отъ интересовъ общества, которое вызывается наличностью въ каждомъ обществѣ потребностей отдѣльныхъ лицъ и—всего общества. Какъ бы ни понимали сущность различія тѣхъ и другихъ интересовъ въ томъ или другомъ обществѣ, во всякомъ случаѣ это различіе существуетъ въ каждомъ обществѣ: „всѣ разнообразные интересы человѣческой жизни тяготѣютъ къ двумъ главнымъ центрамъ: одинъ изъ этихъ центровъ—личность человѣка, другой—общество“ (38 с.). Наконецъ, противъ отрицательнаго мнѣнія Коркунова о наукѣ права, какъ „мнимомъ“, а не дѣйствительномъ его источникѣ говоритъ общеизвѣстный фактъ чрезвычайно широкаго участія въ образованіи права римскихъ юристовъ, создавшихъ теорію римскаго гражданскаго права. Дѣятельное, хотя и непрямое участіе ученыхъ юристовъ въ образованіи права проявлялось и въ теченіе средневѣковой эпохи и новѣйшаго періода исторіи европейскаго общества, когда въ систему гражданскаго права было внесено юристами множество юридическихъ аксіомъ. „Все положительное германское гражданское право было создано, по замѣчанію Арнольду, учеными юристами“. Въ Англіи всѣ законы о недвижимыхъ имуществахъ извлечены изъ практики и мнѣній нотаріусовъ. Взгляды англ. юриста, Блекстона и до сихъ поръ считаются неоспоримыми. Ученые юристы участвуютъ обыкновенно въ редакціи гражданскаго и уголовнаго уложенія въ различн. странахъ. Различныя теоріи права также оказываютъ сильное вліяніе на дѣйствующее законодательство. Такъ, напр., австрійскій гражданскій кодексъ Маріи Терезіи и Іосифа II (1753—86 г.) и общій прусскій гражданскій кодексъ (1794 г.) были созданы подъ несомнѣннымъ вліяніемъ идей школы естественнаго права, между тѣмъ какъ на редакціи современныхъ гражданскихъ кодексовъ отражаются идеи исторической школы. Даже въ сферѣ международнаго права взгляды ученыхъ юристовъ на тѣ или дру-

гіе юридическіе казусы въ взаимныхъ отношеніяхъ государствъ получаютъ часто значеніе общеобязательныхъ юридическихъ нормъ.

Кромѣ всѣхъ этихъ важныхъ ошибокъ во взглядахъ Коркунова на общіе вопросы права есть въ его книгѣ немало и мелкихъ погрѣшностей, въ родѣ пропусковъ въ обозрѣніи французской и русской литературы по энциклопедіи права (16—18 с.), названія обязательст. правъ личными (144 с.) и пр., Мы, однако, не считаемъ нужнымъ останавливаться на подробномъ ихъ указаніи. Если при изложеніи общей теоріи права бываетъ такъ трудно формулировать научно тотъ или другой общій вопросъ права, не впадая въ разнаго рода противорѣчія, отчасти, неизбѣжныя при современномъ состояніи знанія, то тѣмъ чаще должны встрѣчаться въ трудахъ съ энциклопедическо-юридическимъ содержаніемъ различные мелкіе недостатки, которые и не могутъ быть поставлены въ особую вину автору. Но какъ бы не были значительны ошибки Коркунова въ его книгѣ по энциклопедіи права, онѣ перевѣшиваются многими несомнѣнными достоинствами этого перваго, можно сказать, опыта не только въ русской, но даже и въ европейской юридической литературѣ представить изложеніе общихъ вопросовъ правовѣдѣнія съ такой полнотой и знаніемъ дѣла, создать самостоятельную науку энциклопедіи права. Ждемъ съ нетерпѣніемъ 2-й части труда Коркунова, въ которомъ надѣемся встрѣтить туже обширную эрудицію и туже особенную способность автора въ обработкѣ научнаго матеріала, которыя обнаружились уже и въ 1-й части его „лекцій по общей теоріи права“.

В. Щегловъ.

2. *Н. Д. Сергѣевскій*, Наказаніе въ русскомъ правѣ XVII вѣка, 1887 г., стр. 300.

Въ истекшемъ 1887 году проф. Н. Сергѣевскій обогатилъ количественно литературу русскаго уголовнаго права двумя довольно объемистыми сочиненіями, вышедшими одно за другимъ, а именно „Курсомъ русскаго уголовнаго права“, о которомъ уже была рѣчь въ этомъ изданіи, и затѣмъ изслѣдованіемъ, заглавіе котораго здѣсь выписано. Причина, по которой изслѣдованіе г. Сергѣевскаго ограничено 17 в., по объясненію автора, заключается, во 1-хъ, въ непосредственной связи уголовнаго права этого вѣка съ дѣйствующимъ правомъ, во 2-хъ, въ такой бѣдности памятниковъ предшествующей эпохи по вопросамъ уголовнаго права, что составить изъ нихъ сколько нибудь полную картину безъ произвольныхъ субъективно-созидательныхъ дополненій нашъ авторъ, по его признанію, былъ не въ силахъ. Между тѣмъ изученіе 17 в., болѣе богатаго источниками, открываетъ возможность, какъ говоритъ г. Сергѣевскій, освѣтить многое, представляющееся темнымъ въ древнѣйшихъ эпохахъ (см. Предис., X—XI). Такое объясненіе авторомъ причины, о которой идетъ рѣчь, намъ не представляется достаточно правильнымъ. Мы согласны съ первымъ мотивомъ, но второй вызываетъ слѣдующее возраженіе. Справедливо, что памятники древнѣйшей эпохи бѣднѣе содержаніемъ уголовнаго права, чѣмъ памятники 17 в., но едва ли можно сказать, чтобы первые не представляли возможности, подобно вторымъ, „освѣтить многое, представляющееся темнымъ въ древнѣйшихъ эпохахъ“. Намъ думается, что при такомъ же широкомъ изученіи памятниковъ до 17 в., какое было сдѣлано г. Сергѣевскимъ съ памятниками сего послѣдняго вѣка, несомнѣнно открылась бы также возможность освѣщенія многаго, но только въ меньшемъ, быть можетъ, объемѣ явленій. Вѣрнѣе поэтому предположеніе, что главнѣйшая причина разбираемаго ограниченія скрывается не въ бѣдности матеріаловъ 17 в., указываемой г. Сергѣевскимъ, а просто въ естественномъ желаніи автора ограничить объемъ изслѣдованія, потребовавшаго отъ

него и безъ того массу времени и труда, благодаря поставленной имъ себѣ задачѣ—„собрать все, что заключается въ напечатанныхъ памятникахъ и сложить изъ отдѣльныхъ свѣдѣній посильную картину того, что было“ (Предисл., X). Другое дѣло, на сколько такая широта задачи касательно объема матеріала, при которой потребовалось, между прочимъ, чтеніе житія святыхъ, была цѣлесообразна; мы думаемъ, что тѣ картины уголовныхъ институтовъ 17 в., которыя мы встрѣчаемъ въ сочин. г. Сергѣевскаго и которыя составляютъ достоинство его труда, могли бы быть нарисованы авторомъ и съ менѣе обширнымъ матеріаломъ въ рукахъ, особенно если бы послѣдній оказалъ больше вниманія чужимъ изслѣдованіямъ по тѣмъ же вопросамъ. Достойно, дѣйствительно, замѣчанія то обстоятельство, сразу же бросающееся въ глаза, что г. Сергѣевскій, цитирующій съ такой тщательностью нерѣдко цѣлую груду памятниковъ, не упуская часто самыхъ ничтожныхъ по своему значенію для его цѣли, въ тоже самое время почти совершенно игнорируетъ такія работы, какъ „Изслѣдованіе началъ уголовнаго права, изложенныхъ въ уложеніи царя Алексѣя Михайловича“ проф. Линовскаго, „Развитіе понятій о преступленіи и наказаніи въ русскомъ правѣ до Петра Великаго“ проф. А. Богдановскаго, „Лекціи по исторіи русскаго права“ проф. Сергѣевича, „Обзоръ исторіи русскаго права “проф. Владимірскаго-Буданова и нѣкоторыя другія. Подобное отношеніе къ чужимъ трудамъ, содержащимъ въ себѣ цѣнныя вещи для цѣлей автора, можетъ быть объяснено только какимъ либо своеобразнымъ взглядомъ автора на значеніе источниковъ; весьма возможно, что въ его глазахъ только работа по *непосредственнымъ* источникамъ представляетъ истинно-научный подвигъ, который не слѣдуетъ умалять обращеніемъ къ изслѣдованіямъ, къ источникамъ второй руки. Откровенно говоря, мы только такимъ взглядомъ и можемъ объяснить названный пріемъ г. Сергѣевскаго, ибо никакъ не думаемъ, чтобы онъ отрицалъ значеніе изслѣдованій другихъ авторовъ для его цѣлей; подобное отрицаніе было бы черезчуръ смѣло, чтобы нашъ авторъ на него рѣшился. Правда, тѣ фактическія и юридическія данныя, ко-

торыя содержатся въ прежнихъ трудахъ, авторъ могъ воспроизвести и путемъ знакомства съ непосредственными источниками, но вѣдь это—только второстепенная задача изслѣдователя; на первомъ планѣ стоитъ освѣщеніе этихъ данныхъ, а сіе послѣднее можетъ быть различно у разныхъ авторовъ, и каждый новый изслѣдователь, претендующій на серьезное научное значеніе своего труда, необходимо долженъ основательно изучить мнѣнія своихъ предшественниковъ по даннымъ вопросамъ, прежде чѣмъ выступить съ своими мнѣніями, съ своимъ освѣщеніемъ матеріала. Подобное отношеніе къ предшествующимъ трудамъ, обязательное во всякой отрасли науки, особенно необходимо въ исторіи права, памятники котораго благодаря казуистичности опредѣленій подлежатъ разнообразнѣйшимъ толкованіямъ, такъ-что изслѣдователь, стремящійся установить возможно болѣе широкое по объему и близкое къ истинѣ толкованіе отдѣльныхъ положеній, долженъ принять во вниманіе толкованія предшественниковъ и тщательно ихъ обдумать. Г. же Сергѣевскій или довольствуется цитированіемъ только памятниковъ, совершенно опуская изслѣдованія, не смотря часто на разнорѣчіе въ выводахъ, или если и цитируетъ чужіе труды, то преимущественно лишь тогда, когда онъ взамѣнъ высказанныхъ въ нихъ положеній предлагаетъ свои и предлагаетъ часто неудачно. Приведемъ примѣры.

Опредѣляя задачу наказанія въ 17 в., г. Сергѣевскій вопреки мнѣнію многихъ историковъ права доказываетъ, что „начало возмездія въ этомъ вѣкѣ было слабо развито и почти не вліяло на образованіе карательныхъ мѣръ“ (стр. 3), при чемъ изъ числа наказаній, проникнутыхъ этимъ началомъ, онъ исключаетъ отсѣченіе руки за кражу и подлогъ, смертную казнь за убійство умышленіемъ, а урѣзаніе носа за табакъ признаетъ далеко неполнымъ выраженіемъ возмездія на томъ основаніи, что, во 1-хъ, это наказаніе полагается лишь въ случаяхъ привода съ табакомъ свыше трехъ разъ, и, во 2-хъ, что въ противномъ случаѣ слѣдовало бы рѣзать не только носы, но и губы, ибо въ памятникахъ почти всегда упоминается „питье“ табаку, а не нюханье (стр. 5—8). Трудно

согласиться съ авторомъ; вѣрнѣе, думается намъ, противоположный взглядъ на значеніе начала возмездія, а именно, что послѣднее играло значительную роль въ системѣ наказаній 17 в. [1]), выраженіе которой слѣдуетъ видѣть не только въ указываемыхъ авторомъ случаяхъ, но и въ другихъ, какъ напр. залитіе горла фальшивымъ монетчикамъ расплавленнымъ металомъ, иногда тѣмъ самымъ, изъ котораго были сдѣланы воровскія деньги [2]), а также и въ тѣхъ самыхъ, которые отвергаются г. Сергѣевскимъ. И въ самомъ дѣлѣ, основательно ли отрицаніе начала возмездія въ наказаніи отсѣченіемъ руки за кражу и подлогъ на томъ только основаніи, что рука есть какъ-бы универсальное орудіе совершенія всѣхъ преступныхъ дѣяній за немногими исключеніями (стр. 8)? Опираясь на такой доводъ, г. Сергѣевскій упускаетъ изъ виду, что построеніе наказанія по идеѣ матеріальнаго тальона достижимо только *приблизительно*, только въ ограниченныхъ внѣшнихъ формахъ, способныхъ сколько нибудь въ составѣ наказанія воспроизвести идею преступленія. Несомнѣнно, что въ отсѣченіи руки за кражу и подлогъ идея преступленія до нѣкоторой степени дѣйствительно воспроизводится, ибо поражается тотъ самый органъ, посредствомъ котораго преступленіе было совершено; тоже обстоятельство, что рука является ординарнымъ орудіемъ совершенія преступленій вообще, не представляетъ серьезнаго возраженія потому, что такая роль руки еще неравносильна ея значенію въ каждомъ преступленіи, какъ характерному моменту идеи послѣдняго, и г. Сергѣевскій неправъ, утверждая, что рука играетъ *совершенно туже роль* въ случаяхъ подлога и кражи, какъ и при нанесеніи ранъ, при убійствѣ, оскорбленіи на письмѣ и т. д. (стр. 8). Правда, во всѣхъ этихъ преступленіяхъ рука является орудіемъ преступнаго дѣянія, но послѣдствія ея участія далеко неодинаковы; самое

---

[1]) Такого взгляда, кажется, держится и проф. Владимірскій-Будановъ (см. Обзоръ исторіи русскаго права, вып. II-й, 1886 г., стр. 47), но г. Сергѣевскій его не цитируетъ.

[2]) Улож. гл. V, ст. 1; см. также Владимірскій-Будановъ, ib.

тяжкое — при убійствѣ, самое легкое — при оскорбленіи на письмѣ; средину занимаютъ нанесеніе ранъ, подлогъ и кража, дѣянія, которыя въ старину обыкновенно сближались по своему значенію для общества. Совершенно понятно, что изъ числа этихъ преступленій обида, хотя бы и на письмѣ, не могла внушить идеи матеріальнаго возмездія въ формѣ пораженія того органа, который былъ орудіемъ преступленія, не могла уже въ силу несоотвѣтствія тяжести наказанія съ мѣрою вреда. Подобная мысль могла возникнуть только при остальныхъ преступленіяхъ; но изъ нихъ въ убійствѣ важнѣйшимъ моментомъ идеи преступленія является смерть лица; отсюда совершенно естественно, что и въ наказаніи долженъ былъ отразиться именно этотъ моментъ, а не пораженіе органа преступленія. И дѣйствительно, уложеніе повелѣваетъ того, кто убьетъ другаго съ умышленія, такова убійца *самого* казнити смертію (XXI, ст. 72), т. е. повелѣваетъ виновному воздать тотъ-же вредъ, какой онъ содѣлалъ другому. Признакъ тальона въ этомъ случаѣ, по нашему мнѣнію, настолько ясенъ изъ самаго текста закона, что оспаривать его можетъ только г. Сергѣевскій, прибѣгающій для того къ весьма прозрачнымъ софизмамъ (стр. 5). Что же касается бытія начала возмездія въ наказаніи подлога, то лучшимъ доказательствомъ сего послѣдняго можетъ служить одна статья улож. 1648 г., въ которой только этимъ началомъ и можетъ быть объяснена совершенно различная по природѣ наказуемость соучастниковъ въ преступленіи; по ст. 12 гл. X, дьякъ, по приказанію котораго подъячій составитъ подложный судебный протоколъ, карается лишеніемъ должности и кнутомъ, а подъячему полагается отсѣченіе руки. Болѣе тяжкая здѣсь наказуемость подъячаго, менѣе виновнаго соучастника, можетъ быть объяснена только тѣмъ, что орудіемъ преступленія является рука не дьяка, а подъячаго [1]). Наконецъ, лишено серьезнаго значенія и замѣчаніе г. Сергѣевскаго по поводу наказанія за употребленіе табака. До-

---

[1]) См. также В.-Будановъ, ib; г. Сергѣевскій здѣсь, какъ и вообще, чужія мнѣнія игнорируетъ.

пустимъ, что рѣзаніе носовъ за табакъ не вполнѣ выражаетъ идею возмездія, но, какъ было уже сказано, полное выраженіе идеи возмездія въ наказаніи не достижимо; возможно только приблизительное ея выраженіе, частичное, а такое въ данномъ случаѣ несомнѣнно на лицо, чего не отрицаетъ и самъ авторъ; слѣдовательно, не зачѣмъ было и словъ тратить

Другой примѣръ. Опредѣляя значеніе опалы, какъ наказанія, г. Сергѣевскій отвергаетъ опредѣленіе послѣдней Владимірскаго-Буданова, который полагаетъ, что „опала означала предоставленіе Государю выбора рода наказанія, а не какой либо одинъ или нѣсколько опредѣленныхъ видовъ наказанія“, и отвергаетъ на томъ основаніи, что для такого опредѣленія нѣтъ достаточныхъ основаній въ памятникахъ (стр. 284, прим. 3-е). Но какое же опредѣленіе опалы самаго автора? По его словамъ, она является съ двоякимъ значеніемъ: 1) опала великая, опала въ качествѣ общей угрозы въ неопредѣленной санкціи; подъ ней подразумѣвается вообще удаленіе отъ двора и отъ дѣлъ высшихъ состояній; 2) опала, какъ особое наказаніе должностныхъ лицъ по усмотрѣнію Государя, для опредѣленія которой по содержанію точныхъ указаній въ памятникахъ однако не обрѣтается (стр. 284). Какая же, спрашивается, разница между опредѣленіемъ опалы г. Сергѣевскаго и Владимірскаго-Буданова? По нашему мнѣнію, между ними различіе только по формѣ, а не въ существѣ дѣла; если въ памятникахъ указаній для ближайшаго опредѣленія по содержанію наказанія должностныхъ лицъ въ формѣ опалы не имѣется, то въ чемъ же заключается *особенность* этого вида опалы? Отвѣта у нашего автора на сей вопросъ мы не находимъ, да едва ли онъ и возможенъ; по крайней мѣрѣ тотъ источникъ, который послужилъ основаніемъ для признанія г. Сергѣевскимъ особаго содержанія въ опалѣ должностныхъ лицъ, не заключаетъ никакихъ данныхъ для такого отвѣта, и ссылка на него нашего автора — не болѣе какъ простое недоразумѣніе. „*Опала*, говоритъ Татищевъ, *есть гнѣвъ Государевъ, что по достоинствамъ людей и преступленій различествовало*“, и затѣмъ перечисляетъ конкретныя выраженія этого гнѣва, между

прочимъ—вкинутіе въ тюрьму, но это перечисленіе имѣетъ значеніе указанія лишь частныхъ примѣровъ опалы, а не постояннаго опредѣленнаго ея содержанія, какъ совершенно ошибочно заключаетъ г. Сергѣевскій. Подчеркнутыя слова Татищева, дающія общее опредѣленіе опалы, не только противорѣчатъ толкованію г. Сергѣевскаго, но и совпадаютъ съ тѣмъ опредѣленіемъ опалы, которое предлагаетъ г. Владимірскій-Будановъ, ибо разъ опала была лишь выраженіемъ гнѣва Государя, различавшемся по достоинству людей и преступленій, то она опредѣленнаго постояннаго содержанія представлять не могла, особенно въ то время. Такимъ образомъ, не опредѣленіе г. Владимірскаго-Буданова, а опредѣленіе г. Сергѣевскаго „не имѣетъ достаточнаго основанія въ памятникахъ“, и его споръ съ послѣднимъ объясняется не болѣе какъ поспѣшностью въ заключеніяхъ, непростительною для ученаго.

Сказаннымъ, разумѣется, еще не выясняется общее научное значеніе труда г. Сергѣевскаго; дабы опредѣлить послѣднее, разсмотримъ его поближе. Послѣдній состоитъ изъ двухъ неравныхъ отдѣловъ, изъ коихъ второй представляетъ изложеніе содержанія отдѣльныхъ карательныхъ мѣръ 17 в., а первый—общее освѣщеніе всего вопроса, общіе выводы автора. Казалось бы, логичнѣе—обратный порядокъ изложенія, т. е. помѣщеніе отдѣла „Карательная дѣятельность и ея задачи“ въ концѣ изслѣдованія, а не въ началѣ, но авторъ поступилъ совершенно напротивъ, что и даетъ основаніе думать, что онъ своему первому отдѣлу, какъ содержащему освѣщеніе вопроса, обобщеніе матеріала, придаетъ важнѣйшее значеніе. Къ сожалѣнію, изслѣдованіе того не подтверждаетъ; въ немъ научное значеніе если и можетъ быть признано, то именно за вторымъ отдѣломъ, а не за первымъ. Во второмъ отдѣлѣ, рядомъ съ недостатками, мы встрѣчаемъ и много новаго, представляющаго ближайшее выясненіе содержанія нѣкоторыхъ отдѣльныхъ карательныхъ мѣръ, далеко оставляющее за собою доселѣ извѣстное по этому вопросу, а также болѣе широкое опредѣленіе объема ихъ примѣненія. Таковы главы: о смертной каз-

ни, гдѣ рѣчь идетъ объ области ея примѣненія, о порядкѣ ея совершенія, о видахъ ея и обрядовыхъ квалификаціяхъ (стр. 83—131), о тѣлесныхъ наказаніяхъ, гдѣ особенно важно описаніе кнута и самой казни кнутомъ, представляющее довольно яркую картину грозной устрашительной силы послѣдняго, а также описаніе батоговъ и самой казни послѣдними, далѣе, о тюремномъ заключеніи, гдѣ мы впервые узнаемъ, что въ 17 в. различались три типа тюремныхъ зданій: обыкновенныя (?), т. е. деревянныя тюрьмы, земляныя и каменныя тюрьмы. Первыя представляли обыкновенно избы, огражденныя малымъ тыномъ или частоколомъ и кромѣ того стоячимъ бревенчатымъ тыномъ, внутри котораго открывался тюремный дворъ; вторыя, какъ спеціальныя тюремныя зданія, въ 17 вѣкѣ почти не строились; мѣсто ихъ занимали монастырскія кельи и постройки; третьи, т. е. земляныя тюрьмы, состояли чаще всего изъ вырытой въ землѣ ямы съ опущеннымъ въ нее бревенчатымъ срубомъ; поверхъ земли — кровля съ небольшимъ окномъ и другой наружный срубъ; иногда такой тюрьмой служила просто яма даже безъ внутренняго сруба (стр. 178 — 186). Наконецъ, сюда же слѣдуетъ отнести и главу о ссылкѣ, гдѣ важно изученіе объема примѣненія ссылки, видовъ ея и организаціи. Сущность послѣдней, по ученію нашего автора, состояла въ неизбѣжномъ предназначеніи каждаго ссыльнаго для опредѣленной дѣятельности на мѣстѣ ссылки, въ опредѣленное гражданское положеніе, которое въ общемъ соотвѣтствовало его способностямъ. „Ссылки безъ такого опредѣленнаго положенія съ предоставленіемъ ссыльнаго на произволъ судьбы и его личнаго усмотрѣнія право этой эпохи, говоритъ г. Сергѣевскій, не знало. Формула, вошедшая въ употребленіе въ XVIII в.: *сослать туда то, а пропитаніе ему имѣть отъ трудовъ своихъ*, какихъ-неизвѣстно, была бы для государства XVII в. совершенною нелѣпостью. Ссыльный преступникъ не только приносилъ пользу государству, но и для себя самого извлекалъ изъ ссылки полную возможность на новомъ мѣстѣ жительства начать новую жизнь. Попадая въ назначенное ему положеніе, онъ не только оставался гражданиномъ, но и

находилъ въ этомъ положеніи источникъ матеріальнаго обезпеченія; на службѣ—государево жалованье, въ посадѣ—ремесла и торговлю, на пашнѣ—земледѣліе; оставаться безъ опредѣленнаго положенія и внѣ источника къ пропитанію онъ не могъ (стр. 242—245). Въ этихъ словахъ г. Сергѣевскаго рядомъ съ истиною замѣтно и сильное преувеличеніе. Справедливо, конечно, что Московское правительство 17 в. обыкновенно предназначало ссыльныхъ въ тотъ или другой родъ дѣятельности, но невѣрно мнѣніе автора, что остаться безъ опредѣленнаго положенія и внѣ источника къ пропитанію ссыльный не могъ, ибо ему представлялась *полная* возможность на новомъ мѣстѣ жительства начать новую жизнь. Такое заключеніе автора противорѣчитъ его же собственнымъ замѣчаніямъ; такъ, на стр. 241—242 читаемъ: „благосостояніе сосланныхъ на пашню находилось въ *безусловной* зависимости отъ семейной обстановки; человѣку холостому, безъ жены помощницы, *трудно* было заводиться сельскимъ хозяйствомъ; человѣкъ одинокій, бездомный всегда склоненъ былъ уйти „на старину“ или куда нибудь поискать счастья и новой удачи; затѣмъ на стр. 248 авторъ какъ бы добавляетъ, что успѣху пашенныхъ поселеній не вездѣ способствовала природа Сибири, почва и климатъ ея. „Нерѣдко мѣстности для такихъ поселеній, говоритъ онъ, по стратегическимъ соображеніямъ, избирались весьма неудобныя для развитія хлѣбопашества. Жизнь поселенцевъ въ такихъ мѣстахъ была рядомъ самыхъ тяжкихъ страданій; они или погибали въ борьбѣ съ природой или разбѣгались“. Отсюда видно, что ссыльному далеко не всегда представлялась полная возможность начать новую жизнь и онъ легко могъ остаться безъ источника къ пропитанію, такъ-что опредѣленность положенія еще не обезпечивала источника пропитанія. Послѣднее ясно какъ Божій день; не ясно оно только для г. Сергѣевскаго, который полагаетъ, что разъ центральное правительство предназначало ссыльнаго въ опредѣленное гражданское положеніе, то это равносильно было поставленію его въ полную фактическую возможность заниматься той отраслью дѣятельности, которая соотвѣтствовала данному положенію. Подобное предполо-

женіе не только странно, но просто наивно въ устахъ автора, который самъ же говоритъ, что „государству пропитаніе ссыльныхъ не стоило ничего“ (стр. 248), т. е. что они сами непосредственно должны были добывать себѣ средства къ жизни; таково особенно было положеніе ссыльныхъ въ посадъ, которые, пользуясь тѣмъ же правами, какъ и мѣстные тяглые люди, несли и равныя съ ними обязанности въ отношеніяхъ къ государству (стр. 238), а каковы были эти обязанности тяглыхъ людей и вообще каково было ихъ положеніе, достаточно извѣстно изъ исторіи [1]).

Но этимъ промахи автора далеко не исчерпываются. Въ той же главѣ, о которой только-что было говорено, послѣдній высказываетъ слѣд. замѣчательныя сентенціи. Стремясь показать, до какихъ предѣловъ доходила невозможность образованія въ Сибири въ 17 в. правильный семей, г. Сергѣевскій ссылается на одну патріаршую грамоту, раскрывающую крайне печальную картину семейнаго строя, при чемъ какъ-бы для иллюстраціи этой грамоты прибавляетъ: „Патріархъ дѣйствуетъ какъ педантъ-теоретикъ—жизнь беретъ свое. Едва ли воеводы обращали много вниманія на разсужденія патріарха; *они должны были радоваться каждой семьѣ, какова бы она ни была съ религіозно-нравственной точки зрѣнія; бѣда была въ томъ, что и въ такихъ семьяхъ ощущался недостатокъ* (?) (стр. 247—248). Вѣроятно, у г. Сергѣевскаго какіе либо своеобразные взгляды на такія семьи, какъ союзъ сына съ матерью, отца съ дочерью, брата съ сестрою, связь женщинъ, постригшихся въ монахини, съ своими бывшими мужьями и т. п., что онъ оправдываетъ радость воеводъ по ихъ поводу и находитъ, что бѣда не въ существованіи семей сего рода, а въ ихъ недостаткѣ. До сихъ поръ казалось, что семьи, возникающія съ нарушеніемъ самыхъ интимныхъ кровныхъ узъ, могутъ быть только вредны для успѣховъ общежитія; теперь же неожиданно узнаемъ изъ труда г. Сергѣ-

---

[1]) См. Соловьевъ, т. X, стр. 134—135; т. XIII, стр. 104; также В.-Будановъ, ibid., вып. 1-й, 105—106.

евскаго, что этимъ успѣхамъ могутъ способствовать и такія семьи. Гдѣ же, спрашивается, скрывается источникъ подобнаго своеобразнаго взгляда? Послѣдній совершенно логично вытекаетъ изъ другаго болѣе широкаго взгляда автора, представляющаго ничто иное какъ маскировку извѣстнаго, давно уже сданнаго въ архивъ курьезовъ, положенія Гегеля, что все существующее—разумно. По мнѣнію г. Сергѣевскаго, всякое историческое явленіе, какъ бы оноуродливо ни было, неизбѣжно было необходимо для данной эпохи, а потому и совершенно цѣлесообразно. Нижеслѣдующій рядъ цитатъ подтвердитъ наше замѣчаніе. „Христіанское и смирное житіе ссыльныхъ—этотъ правительственный идеалъ, оставался въ извѣстной степени только идеаломъ; но правительство этимъ нимало не смущалось: практическая государственная мудрость той эпохи очень хорошо понимала, что даромъ ничего не дается, понимала все глубокое содержаніе пословицы: „гдѣ дрова рубятъ, тамъ и щепки летятъ. Эти щепки никогда не были полагаемы въ основу крупныхъ реформъ цѣлыхъ институтовъ: *наши предки были слишкомъ умны для такой политики*“ (?) (стр. 256). Подъ щепками здѣсь разумѣются, кромѣ указаннаго положенія семей, также чудовищныя злоупотребленія воеводъ, бывшихъ „первыми нарушителями распоряженій правительства“, и не менѣе чудовищныя преступленія ссыльныхъ, совершавшихъ всякія воровства и самые широкіе грабежи и разбои, подвергавшіе общественную безопасность глубокому потрясенію (стр. 249—256). Полагаемъ, что при такомъ характерѣ „щепокъ“ похвала г. Сергѣевскаго по адресу благоразумія нашихъ предковъ слишкомъ поспѣшна; надо думать, что сами предки не поблагодарили бы г. Сергѣевскаго за похвалу, которая обрисовываетъ ихъ нравственную сторону въ такомъ мрачномъ свѣтѣ. Правда, въ 17 в. на многія темныя стороны общественнаго строя смотрѣли весьма снисходительно, но чтобы правительство этимъ ни мало не смущалось,—это совершенно невѣрно. Московское правительство, какъ видно изъ труда самого автора, боролось и противъ злоупотребленій воеводъ, и противъ преступленій ссыльныхъ и наконецъ противъ нравственно-уродливыхъ семей или нравственной распущенности во-

обще; положимъ, эта борьба большею частью или совсѣмъ не достигала цѣли или очень мало, но таковъ результатъ былъ плодомъ скорѣе всего слабости государственныхъ средствъ, неумѣнія, неразумія правительства, а никакъ не политики по формулѣ „лѣсъ рубятъ—щепки летятъ“, политики, родственной въ сущности макіавелизму, а слѣдовательно и безнравственной. Что г. Сергѣевскій именно такую политику приписываетъ нашимъ предкамъ, лучшимъ доказательствомъ можетъ служить слѣдующее мѣсто. Освѣщая весь русскій общественный строй 17 в. въ цѣломъ, авторъ находитъ, что этотъ вѣкъ русской исторіи, не смотря на многія уродливости, не только не былъ вѣкомъ разложенія, а наоборотъ—вѣкомъ созиданія и наибольшаго напряженія народныхъ силъ. Этотъ вѣкъ, кромѣ расширенія территоріи, этого матеріальнаго наслѣдія, создалъ такіе институты, которые на цѣлые вѣка опредѣлили русскую исторію: онъ создалъ самодержавіе царское; онъ сложилъ зданіе крѣпостнаго права, въ свое время давшее государству силу и внутренній порядокъ, онъ создалъ улож. 1648 г., коимъ опредѣлялся весь строй московскій—государственный и земскій. Вся государственная дѣятельность того времени направлялась къ одной цѣли—создать государственное единство, укрѣпить власть, собрать казну и сильное войско. Все же прочее, а именно интересы чисто общественные и личности, какъ таковой, совершенно стушевывались предъ государственнымъ великимъ дѣломъ. Отсюда лихоимство, неправосудіе и прочія злоупотребленія должностныхъ лицъ являются не только понятными, но и вполнѣ неизбѣжными при такомъ исключительномъ служеніи государственнымъ въ тѣсномъ смыслѣ интересамъ. Эти злоупотребленія прежде всего представлялись мелочью, такъ-какъ отъ нихъ страдали больше всего частные люди, а не само государство. Преслѣдуя *исключительно* практическія цѣли, московское правительство нерѣдко вынуждено было игнорировать въ своихъ мѣропріятіяхъ всѣ нравственныя начала. Въ наказахъ сибирскимъ воеводамъ нерѣдко даются возмутительныя наставленія о томъ, какъ они должны ласкою и подарками привлекать къ себѣ вліятельныхъ инородцевъ и потомъ истреблять

ихъ. Очевидно, никто не считалъ предосудительнымъ такой образъ дѣйствій—ни царь, ни воевода. Государственные практическіе интересы все собой заслоняли, а тѣмъ паче должны были молчать передъ ними отвлеченныя начала нравственности и идеальной справедливости. Не до нихъ въ то время было: надо было строить и укрѣплять государство, а все прочее представлялось несвоевременной роскошью; въ этомъ былъ залогъ успѣха, а въ успѣхѣ—оправданіе. Ради той же великой цѣли были пролиты тѣ потоки крови, которые заливаютъ весь 17 вѣкъ; не кровожадность правителей была причиной тому, что кровь лилась потоками, а простое сознаніе практической цѣлесообразности и необходимости, ибо обходиться гуманными мѣрами не было никакой возможности (стр. 62—71). И такъ, по ученію г. Сергѣевскаго, политика московскаго правительства была дѣйствительно безнравственная; она всецѣло была построена на началѣ: „цѣль оправдываетъ средства“, и нашъ авторъ не только не возмущается такой политикой, а совершенно оправдываетъ ее, ибо въ ней залогъ успѣха. Въ подобныхъ воззрѣніяхъ автора не знаешь, чему больше вѣрить, его заблужденію или временнымъ расчетамъ; если бы эти воззрѣнія принадлежали сороковымъ годамъ, когда поклонялись Гегелевскимъ идеямъ, то можно было бы допустить первое объясненіе; въ наше же время, когда положеніе Гегеля, что все существующее разумно, признается лишь крупной ошибкой, едва ли можно объяснять данные взгляды г. Сергѣевскаго такимъ чистымъ источникомъ; иначе заблужденіе было бы черезчуръ грубымъ, такимъ, которое бросало бы слишкомъ много тѣни на ученость автора; ближе къ истинѣ поэтому второе предположеніе, подсказываемое рецензентомъ „Русской Мысли“. [1]) Каковъ бы однако ни былъ источникъ взглядовъ автора, несомнѣнно, что послѣдніе совершенно невѣрны. Приписывая московскому правительству 17 в. преслѣдованіе *исключительно* практическихъ государственныхъ интересовъ, которые все собою заслоняли и предъ которыми

---

[1]) См. первую книжку текущаго года.

заботы объ искорененіи безграничнаго неправосудія, лихоимства и прочихъ должностныхъ лицъ представлялись лишь несвоевременной роскошью, а *тѣмъ паче* должны были молчать предъ ними отвлеченныя начала нравственности и справедливости, г. Сергѣевскій опустилъ изъ виду, что это прежде всего не совпадаетъ съ нравственнымъ обликомъ первыхъ царей изъ дома Романовыхъ; немыслимо, чтобы такіе цари, какъ Михаилъ Ѳедоровичъ и Алексѣй Михайловичъ, не чуждые, какъ извѣстно, не только внѣшняго, но и внутренняго благочестія, способны были исповѣдывать и практиковать внутреннюю политику, полную забвенія всякихъ нравственныхъ началъ. Правда, ихъ правительство нерѣдко сіи послѣднія игнорировало, но это далеко не было общимъ правиломъ, вступавшимъ въ силу каждый разъ, когда государственные интересы сталкивались съ началами морали, какъ утверждаетъ г. Сергѣевскій. Если бы дѣйствительно такъ было, то сомнительно, чтобы Московское государство окрѣпло, ибо бытіе всякаго государства опирается не на внѣшніе только, но и на внутренніе моральные устои, а сіи послѣдніе такой политикой правительства, какую навязываетъ ему нашъ авторъ, неминуемо были бы потрясены въ корнѣ. Очевидно, что г. Сергѣевскій слишкомъ обобщилъ частные факты, приписавъ имъ такое значеніе, какого они на самомъ дѣлѣ не имѣли; отсюда и получилась ложная картина общественности 17 в., въ которой всѣ начала морали представляются совершенно попранными. На самомъ же дѣлѣ послѣднія, не смотря на всѣ нравственныя уродливости общественнаго строя 17 в., сохраняли свою жизненную силу, которая и способствовала укрѣпленію государства; эти начала въ 17 в. были только сильно поколеблены, а не попраны совсѣмъ, а это—двѣ вещи, которыхъ смѣшивать нельзя.

Но, быть можетъ, г. Сергѣевскій свою теорію цѣлесообразности общественныхъ явленій, какого бы нравственнаго достоинства они ни были, ограничиваетъ лишь предѣлами исторіи, не распространяя вовсе ее на явленія настоящія и будущія. Нижеслѣдующія цитаты доказываютъ противное; автору, какъ сей-

часъ увидимъ, нельзя отказать въ логической послѣдовательности; онъ остается вѣренъ самому себѣ. Институтъ групповой отвѣтственности, состоявшій въ томъ, что за нерозысканіемъ виновныхъ наказывались невинные, иногда поголовно, а большею частью по $^0/_0$, пятый, десятый, въ томъ предположеніи, что среди ихъ находятся виновные, по ученію нашего автора, получаетъ достаточное оправданіе не только для прошедшаго времени, но и для нашихъ дней и для права грядущихъ эпохъ, если только сохраняются условія, его вызвавшія. Сіи же послѣднія сводятся къ тому, что государство можетъ терпѣть безнаказанность преступныхъ дѣяній лишь въ извѣстныхъ размѣрахъ; оно требуетъ своего количества жертвъ, того количества, которое для него необходимо въ предѣлахъ возможнаго терпѣнія. Если судебно-слѣдственная власть этому не удовлетворяетъ, т. е. оказывается неспособной розыскать достаточное число виновныхъ или доказать съ полною достовѣрностью ихъ виновность, то государство вынуждено бываетъ прибѣгнуть къ институту групповой отвѣтственности, причемъ можетъ наказывать не только тѣхъ, виновность которыхъ не вполнѣ достовѣрно доказана, но и лицъ прямо невиновныхъ (стр. 38—41). Нѣтъ сомнѣнія, что приведенныя авторомъ условія, особенно въ той крайне эластической формулировкѣ, въ какую заключилъ ихъ г. Сергѣевскій, возможны и въ наше время въ самыхъ культурныхъ государствахъ, а слѣдовательно совершенно цѣлесообразна тогда, согласно ученію нашего автора, практика групповой отвѣтственности. Къ счастью, подобное ученіе г. Сергѣевскаго слишкомъ расходится съ современными началами права, чтобы способно было пріобрѣсть кредитъ; посягая на одинъ изъ самыхъ важнѣйшихъ принциповъ современнаго уголовнаго права, сдѣлавшійся однимъ изъ догматовъ науки послѣдняго, это ученіе, кромѣ полной несостоятельности, скрываетъ въ себѣ и безмолвный тяжкій упрекъ по адресу автора, попирающаго самыя святыя начала своей науки. Несостоятельность же ученія, о которомъ идетъ рѣчь, заключается въ томъ, что интересы общественнаго порядка требуютъ наказанія только однихъ винов-

ныхъ; покараніе невинныхъ противорѣчитъ этимъ интересамъ, ибо вызываетъ общественное неудовольствіе, негодованіе, способное потрясти порядокъ. Разумная государственная политика, вмѣсто такого опаснаго средства, рекомендуетъ улучшеніе организаціи судебно-слѣдственной власти, что́ не представляетъ ничего трудно-достижимаго въ сколько нибудь культурномъ государствѣ, улучшеніе, которое само собою устраняетъ необходимость защищаемыхъ г. Сергѣевскимъ безчеловѣчныхъ мѣръ. Мало того, необходимость казни невинныхъ сомнительна не только для нашего времени, но и для прошедшаго; особенно это слѣдуетъ сказать относительно наказанія рядомъ съ виновными въ религіозныхъ и политическихъ преступленіяхъ ихъ женъ и дѣтей, вообще близкихъ лицъ, ни въ чемъ неповинныхъ. По ученію г. Сергѣевскаго, подобная мѣра была дѣйствительной практической необходимостью по причинѣ слабости судебно-слѣдственной власти, съ одной стороны, и слабости средствъ полицейскаго надзора, съ другой (стр.34—35). Трудно понять, при чемъ слабость средствъ надзора и преслѣдованія преступленій тогда, когда виновникъ преступленія открытъ и извѣстенъ; здѣсь нѣтъ на-лицо связи причины со слѣдствіемъ, а слѣдовательно и заключеніе автора о практической необходимости данной мѣры уже логическо невѣрно.

Нельзя согласиться также съ авторомъ, будто мысль о томъ, что тюремные сидѣльцы не должны даромъ хлѣбъ ѣсть, сознавалась въ 17 вѣкѣ несравненно болѣе, чѣмъ въ наши дни (стр. 21). Правду сказать, мы не понимаемъ, что собственно хотѣлъ авторъ выразить этими словами; не понимаемъ потому, что прямой смыслъ сихъ послѣднихъ рѣшительно не вяжется съ собственными замѣчаніями г. Сергѣевскаго о положеніи въ 17 в. тюремнаго труда. Послѣдній, читаемъ мы у автора, какъ источникъ денежныхъ средствъ на расходы по содержанію тюрьмы не только не былъ организованъ, но и не могъ быть организованъ; арестанты были предоставлены самимъ себѣ внутри тюрьмы, они занимались работами по своему усмотрѣнію и т. п. (стр. 21, 201). При такомъ положеніи тюремнаго труда тира-

да автора о болѣе глубокомъ сознаніи необходимости послѣдняго въ 17 в., чѣмъ теперь, какъ-то странно звучитъ; не знаешь, что и думать: чрезмѣрная ли это идеализація прошедшаго или простое недоразумѣніе? Скорѣе, пожалуй, первое, ибо превозношеніе явленій 17 в. встрѣчается у автора неоднократно. Такъ, по словамъ послѣдняго, въ 17 в. трижды замѣчается явленіе, *совершенно подобное* отмѣнѣ смертной казни Елизаветой, а именно при Борисѣ Годуновѣ, прекратившемъ при вступленіи на престолъ смертныя казни на 5 лѣтъ, при царѣ Алексѣѣ, повелѣвшемъ смертную казнь для татей и разбойниковъ замѣнить въ 1653 г. ссылкой, и наконецъ при Петрѣ, издавшемъ такое же распоряженіе, но въ болѣе широкихъ размѣрахъ (стр. 71—72). Намъ думается, что отождествленіе г. Сергѣевскимъ трехъ послѣднихъ явленій съ фактомъ, бывшимъ при Елизаветѣ, грѣшитъ тѣмъ, что опускаетъ изъ виду разницу мотивовъ отмѣны смертной казни. При Елизаветѣ отмѣна была вызвана началомъ идеальнымъ, хотя бы то была, какъ полагаетъ Щербатовъ, единая набожность императрицы, давшей, какъ извѣстно, обѣтъ въ случаѣ удачнаго достиженія престола никого не казнить; отмѣна же при царяхъ Алексѣѣ и Петрѣ вызвана была чисто утилитарными соображеніями (см. стр. 23), а при Борисѣ Годуновѣ она была только временная, а не постоянная, что, разумѣется, далеко не одно и тоже. Совершенно основательно поэтому историки прославляютъ именно Елизавету, а не и другихъ царей, ибо она въ свою мѣру внесла то глубокое жизненное начало, котораго не доставало мѣрамъ ея предшественниковъ, почему онѣ и представляются мѣрами временными, скоропреходящими. Говоря далѣе о распредѣленіи тюремныхъ сидѣльцевъ, г. Сергѣевскій находитъ, что въ 17 в. были выработаны нѣкоторыя начала послѣдняго, а именно отдѣленіе мужчинъ отъ женщинъ и распредѣленіе арестантовъ по роду совершенныхъ ими преступныхъ дѣяній въ такомъ видѣ, что преступники политическіе и религіозные помѣщались въ особыхъ тюрьмахъ, виновные въ татиныхъ и разбойныхъ дѣлахъ, поджогахъ и вѣдовствахъ—въ губныхъ тюрьмахъ, всѣ же прочіе, т. е. виновные въ такъ называе-

мыхъ расправныхъ дѣлахъ, въ опальныхъ тюрьмахъ; такой порядокъ распредѣленія арестантовъ, по ученію автора, былъ общимъ правиломъ (стр. 188—192). Совершенно согласны съ авторомъ, что указываемыя имъ начала въ 17 в. дѣйствительно были выработаны, но чтобы они фактически были общимъ правиломъ— это едва ли можно сказать; противъ такого заключенія мы находимъ возраженіе въ словахъ самого автора, заявляющаго, что всѣ эти дѣленія соблюдались *только тамъ* и *только тогда*, гдѣ и когда представлялась къ этому практическая возможность и удобство, т. е. *гдѣ было много арестантовъ и большіе тюремные дворы со многими избами;* гдѣ же этихъ условій не было, всѣ заключенные могли сидѣть въ одномъ мѣстѣ (стр. 194). Но большихъ тюремныхъ дворовъ со многими избами, какъ видно и изъ труда г. Сергѣевскаго, было немного, слѣдовательно тотъ порядокъ распредѣленія арестантовъ, о которомъ идетъ рѣчь, далеко не былъ общимъ правиломъ; скорѣе всего, *господствовала* система общаго безразличнаго заключенія.

Вообще можно сказать, что трудъ г. Сергѣевскаго не отличается строгой осторожностью и послѣдовательностью въ выводахъ и заключеніяхъ; поспѣшность послѣднихъ, а отсюда противорѣчія и неточности, какъ мы видѣли, нерѣдки. Приведемъ еще примѣры. Говоря о безусловно-опредѣленной санкціи, г. Сергѣевскій сначала заявляетъ, что послѣдняя въ 17 вѣкѣ не представляла, строго говоря, *никакихъ гарантій личности преступника*, а затѣмъ на слѣдующей же страницѣ указываетъ двѣ группы случаевъ, въ которыхъ „законодатель въ безусловно-опредѣленной санкціи дѣйствительно даетъ гарантіи подсудимому и ограничиваетъ власть суда и исполнителей“, что особенно слѣдуетъ сказать относительно наказуемости преступныхъ дѣяній противъ чести по X главѣ улож. (стр. 29—31). Разсуждая, далѣе, по поводу ссылки, г. Сергѣевскій заключаетъ, что „мѣсто ссылки точно опредѣлялось въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ центральнымъ правительствомъ, а не представлялось усмотрѣнію мѣстнаго начальства“ (стр. 231). Это заключеніе читаемъ у автора на той же страницѣ, гдѣ онъ объявляетъ, что не только уло-

женіе и указы общаго содержанія, но и документы, касающіеся отдѣльныхъ случаевъ ссылки, употребляютъ общія формулы: „сослать въ низовые города“, „въ дальніе города“, „въ самые дальніе“ и т. п., формулы, о точномъ опредѣленіи мѣста ссылки въ которыхъ, разумѣется, не можетъ быть и рѣчи. Нѣсколько далѣе узнаемъ, что на мѣстѣ ссылки въ Сибири воеводы сплошь и рядомъ распредѣляли и верстали въ службу ссыльныхъ, очень мало стѣсняясь московскими указами, а воеводы отдаленныхъ городовъ жаловались, что къ нимъ порядочные ссыльные вовсе не доходятъ, а присылаются все ссыльные воришка (стр. 249). Изъ этого видно, что мѣсто ссылки далеко не во всякомъ отдѣльномъ случаѣ точно опредѣлялось центральнымъ правительствомъ и что нерѣдко указывалась только извѣстная, такъ сказать, полоса государства, гдѣ ближайшее опредѣленіе мѣста ссылки зависѣло отъ мѣстнаго начальства. Ссылка же г. Сергѣевскаго на выговоры сибирскимъ воеводамъ за нарушеніе указовъ о распредѣленіи ссыльныхъ по мѣстамъ, а также на прямой смыслъ такихъ указовъ не колеблетъ нашего мнѣнія потому, что указы московскаго правительства, во 1-хъ, далеко не отличались единообразіемъ и послѣдовательностью [1]), а, во 2-хъ, они, какъ признаетъ и самъ авторъ, вовсе не равносильны были по своему значенію закону въ нашемъ смыслѣ: правовая жизнь нерѣдко шла путемъ прямо противоположнымъ закону [2]).

Отмѣтимъ вкратцѣ еще слѣд. недостатки труда г. Сергѣевскаго: 1) невѣрно, что абсолютно-неопредѣленная санкція въ русскомъ правѣ 17 вѣка не-тоже, что западно-европейскіе poenae arbitrariae; судья на западѣ, какъ и въ Россіи, могъ, вопреки мнѣнію г. Сергѣевскаго, назначить въ качествѣ poenae arbitrariae высшее уголовное наказаніе — смертную казнь или другое тягчайшее [3]); слѣдовательно различія въ

---

[1]) Смот. напр. разбираемый трудъ, стр. 236, 237, прим. 1-е.

[2]) Сергѣевскій, Русск. угол. право, стр. 42—43.

[3]) См. Loiseleur, Les crimes et les peines, 1863 г., 150—151; Кистяковскій, Учебникъ, 1882 г., 194, 238—242.

этомъ отношеніи не было; 2) едва ли также справедливо, что заключенные обыкновенно сидѣли въ 17 в. въ тюрьмахъ безъ оковъ, которыя налагались лишь при употребленіи арестантовъ на работы внѣ тюрьмы (стр. 194). Кистяковскій въ своемъ изслѣдованіи „О пресѣченіи обвиняемому способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда“, которое авторъ по обыкновенію совершенно игнорируетъ, ссылается на цѣлый рядъ актовъ въ доказательство того, что преступниковъ въ тюрьмахъ держали въ ножныхъ оковахъ, въ ошейникахъ и цѣпяхъ (стр. 52—53); 3) авторъ, такъ рѣзко иногда нападающій на другихъ за погрѣшности языка, самъ расточаетъ такіе перлы: „историческое изученіе наказанія... имѣетъ вполнѣ практическое (?) значеніе для ученія о наказаніи“ (стр. IX); „наряду съ цѣлью обезпеченія выдвигалась... цѣль устрашенія преступника и всѣхъ гражданъ отъ (?) совершенія преступныхъ дѣяній (стр. 14); „обыкновенно трупы казненныхъ отвозились въ такъ называемые убогіе дома; погребеніе совершалось въ установленный день въ году, о именно въ троицкій четвергъ, при чемъ служилась общая панихида“ (стр. 128); на основаніи цитаты читатель вправѣ подумать, что хоронились не трупы казненныхъ, а ихъ только кости, ибо погребали только разъ въ году.

Таковы достоинства и недостатки новаго произведенія проф. Сергѣевскаго; общее впечатлѣніе сводится къ тому, что послѣднее, внося нѣсколько дѣйствительно цѣнныхъ вещей въ исторію русскаго уголовнаго права, въ то же время раскрываетъ и такія стороны, которыя весьма невыгодно обрисовываютъ способность автора къ правильному освѣщенію историческихъ явленій и къ устойчивости на высотѣ общихъ культурныхъ принциповъ науки уголовнаго права.

Л. С. Бѣлогрицъ-Котляревскій.

Замѣченныя опечатки въ СЕДЬМОМЪ выпускѣ юридической библіографіи:

Стран.	Строка.	Напечатано.	Надо читать.
40	7	отдѣлить	опредѣлить
44	27	на первомъ планѣ	на первомъ планѣ стоитъ
47	3	относящіяся	относящіеся
—	29	матеріальной	матріархальной

S0041343

СФ СПбГУ